
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00050534 7

О НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ

СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

на степень Магистра Философскаго Факультета первого Отдѣленія,

кандидата московскаго университета,

Іосифа Бодянскаго.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1837.

ческаго духовенства.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Мая 7 дня 1837 года.

Ценсоръ *М. Каченовскій.*

О НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ СЛАВЯНЪ.

Die Naturpoesie ist wohl bei keinem Volke mehr zu Hause, als bei den Slawen.

P. J. Schaffarik.

Въ наше время всеобщаго стремленія къ самобытности и самостоятельности, всѣ почти народы, особенно Европейцы, хотятъ жить жизнію, въ полномъ смыслѣ имъ принадлежащею, вытекающею изъ собственныхъ ихъ нѣдръ, слагающеюся изъ совокупности всѣхъ стихій человѣческаго бытія, коими навсегда устанавливается физіономія народа, рѣзко и мѣтко отличающая его отъ его сосѣдей и прочихъ народовъ; короче, хотятъ быть независимыми, истинно народными. Понятія народовъ объ этомъ предметѣ уяснились и получили большую опредѣленность. Искушенные вѣковыми опытами, они уже болѣе не навязываютъ себѣ съ такой младенческой вѣрой чужихъ мыслей, чувствованій и уставовъ, хоть бы и лучшихъ ихъ собственныхъ, не испытавъ напередъ тщательно, точно ли все это лучшее — лучше ихъ роднаго; а если и такъ, идетъ ли имъ къ лицу, можетъ ли быть перенесено безъ

ущерба своему, примется ли успѣшно на чужой почвѣ, подъ другимъ небомъ, также ли благодѣтельны будутъ его плоды, согласно ли, наконецъ, оно съ элементами народнаго бытія? Нынѣ всѣ твердо убѣждены, и убѣждены основательно, что не все чужое хорошее — равно хорошо для всѣхъ, не всегда можно его заимствовать у другихъ простымъ перенесеніемъ, но что при усвоеніи чужаго должно обращать вниманіе на безчисленное множество условій, если хотимъ, чтобы оно столько же было спасительно и у насъ, сколько въ мѣстѣ своего перваго явленія. И потому изъ чужаго лучшаго перенимаютъ то только, что безъ насилія прививается, усвоивается, обращается въ родное; въ противномъ случаѣ его или вовсе оставляютъ, какъ ненужное, безъ коего можно обойтись, ничего существенно черезъ то не теряя, или переносятъ не вполнѣ, а лишь часть, передѣлавъ по своимъ требованіямъ и принаровивъ къ своимъ нуждамъ, или же, водясь даннымъ примѣромъ, вымышляютъ сами себѣ подобное иноземному, но болѣе согласующееся съ своею самобытною жизнію, своимъ личнымъ, природнымъ характеромъ. Прошла уже пора соблазнительтельныхъ идей космополитизма; народы Европы перестали рабски копировать одинъ другаго или перекраивать себя по какому-нибудь образцу, признанному безусловно изящнымъ, видѣть въ немъ верхъ совершенства; прошла уже пора обезьянства. Нѣтъ, въ настоящее время какъ всякое недѣлимое человѣческаго рода, такъ и всякій народъ хочетъ оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, чѣмъ онъ можетъ

сдѣлаться, чѣмъ суждено ему Провидѣніемъ означить себя на поприщѣ міра въ ряду своихъ собратій, хочетъ быть собой, жить своей коренной жизнью, мыслить своей головой, чувствовать своимъ сердцемъ, желать своей волей, дѣйствовать самъ собой, непосредственно, и, так. об., жить всѣми силами своего бытія, сдѣлаться вполнѣ *народнымъ*. Народность нимало не препятствуетъ совершенствовать себя какъ каждому недѣлимому, такъ и цѣлому народу. Совершенствованіе человѣческой природы вездѣ возможно: оно условливается просвѣщеніемъ, образованіемъ, и только ими достигается; а просвѣщеніе гдѣ угодно уживается. Для него нѣтъ разности климата: оно возможно вездѣ, поладитъ со всякою народностью, потому что оно не только не испровергаетъ ее, напротивъ помогаетъ ей еще успѣшнѣе развиваться, направляетъ дальнѣйшіе ея шаги, указываетъ вѣрный, возможно ближайшій, путь, охраняетъ отъ порчи и паденія, очищаетъ, просвѣтляетъ, совершенствуетъ. Одно лишь худо понятое или и вовсе ложное просвѣщеніе тѣснитъ и давитъ, гонитъ и истребляетъ народность. Не ужели просвѣщеніе необходимо требуетъ изглаженія всѣхъ родимыхъ оттѣнковъ, требуетъ уровня безцвѣтности? Кто менѣе образованъ: страстно ли привязанный къ идеализму Нѣмецъ, суетливый Французъ, или расчетливый Англичанинъ? И, однако же, родная физіономія въ каждомъ изъ нихъ положительно всегда проглядываетъ, какъ въ людяхъ, занимающихъ высшія государственныя должности, отличающихся преимущественно своимъ просвѣще-

ніемъ, такъ и въ людяхъ, стоящихъ на низшей ступени общества, и ни вельможа, ни поденьщикъ, ни Лордъ, Перъ, Герцогъ, ни селянинъ и нищій, не гнушаются собой, не отвергаются себя.

Конечно, не было еще народа, который бы изъ первоначальнаго возраста своей жизни, дикости, выходилъ самъ собою, точно какъ всякой человѣкъ достигаетъ полнаго развитія своихъ способностей, полнаго образованія, только при помощи другихъ. Получивъ съ рожденіемъ душу, отверстую къ разумѣнію и совершенствованію, первыя начала образованія человѣкъ заимствуетъ чрезъ наученіе говорить и, так. обр., съ словами принимаетъ въ себя первыя понятія — зародышъ будущаго развитія умственныхъ силъ, далѣе чрезъ наученіе нѣкоторымъ дѣйствіямъ для удовлетворенія житейскимъ требованіямъ: вотъ начальная школа первичнаго образованія каждаго человѣка. Точно такъ и народъ: онъ всегда къ высшей образованности былъ выводимъ другимъ народомъ, прежде его образовавшимся: сначала довольствуется, обыкновенно, только своимъ руководителемъ; но умъ человѣческій по своей природѣ не можетъ вѣчно довольствоваться простымъ принятіемъ чужаго, чужими понятіями, истинами, опытностью, устройствомъ своей жизни по образцу жизни другаго. Наступаетъ время, когда, сознавая свою мощь и самостоятельность, горитъ желаніемъ творить самобытно, создавать собственный міръ понятій, и т. д., жить независимо, своею удѣльною жизнію. Этого времени не минуетъ, рано или поздно, ни человѣкъ, ни народъ, если

только Судьбы опредѣлили ему не *прозябать* весь свой вѣкъ, а совершить полный кругъ своего бытія. Тогда народъ, управляемый отчетливымъ самосознаніемъ, хотя и не покидаетъ вовсе своихъ сосѣдей, болѣе просвѣщенныхъ, но уже сообщается съ ними не для простаго подражанія имъ, не для расположенія своихъ дѣйствій по ихъ дѣйствіямъ, не для того, чтобы поровняться съ ними, но чтобы слѣдить ихъ своимъ умомъ, наблюдать, понимать ихъ хорошее, лучшее, стараться собственное свое, родное, возвести до равной степени и, даже, пойти далѣе, возвыситься, стать съ ними на одинакой высотѣ жизненнымъ развитіемъ стихій своенародныхъ. Слѣдовательно, любовь къ своему, родному, въ такомъ случаѣ, такъ понимаемая, есть настоящій ключь къ истинному просвѣщенію, вѣрному самоусовершенствованію, источникъ жизни живой, плодоносной, самостоятельной, своеобразной, своевременной, своестихійной, всесто ронной, полной, вѣчноюной. Вотъ въ чемъ заключается прочная самобытность народовъ!

При такомъ повсемѣстномъ стремленіи къ народности, и Словесность, какъ выраженіе общества, спѣшитъ оправдать свое назначеніе, быть вѣрнымъ и правдивымъ зеркаломъ жизни народовъ, направляясь какъ можно ближе къ стихіямъ, условливающимъ бытіе ихъ, и всѣми мѣрами отражая въ себѣ духъ народный въ чистѣйшемъ, безпримѣсномъ видѣ. Жизнь народа имѣетъ свою особенную физіономію, слагающуюся изъ его физическихъ и душевныхъ свойствъ. Когда народъ развиваетъ въ своемъ суще-

ствованіи свою личность, свою особенность, онъ живетъ самобытно, своеобразно, народно, выражаетъ своимъ бытіемъ идею, какую предопредѣлено ему вѣчнымъ Промысломъ осуществить своею жизнію. Эта-то идея, проявленіе всей своеличной жизни народа, установливаемая его религіей, философіей, нравами, обычаями, исторіей, мѣстностью страны и ея свойствами, вѣрованіемъ, языкомъ, безчисленными житейскими условіями, и. п., ни въ чемъ такъ ярко, сильно, чисто, прочно и совершенно не выражается, какъ въ Словесности. И потому Словесность, будучи отраженіемъ стихій, составляющихъ бытіе народа, непремѣнно должна быть народною. Разумѣется, Словесность для этого не должна рабски списывать свой народъ, ограничиваться однѣми внѣшними формами его жизни, низшими слоями общесщва, простонародіемъ, хотя и простой бытъ нечуждъ прелести, своего изящества, своей поэзіи. Въ природѣ нѣтъ предмета, который бы былъ положительно худъ, на который бы нельзя было взглянуть съ поэтической точки зрѣнія, потому что вселенная, какъ твореніе совершеннѣйшаго Существа, должна быть также совершенна. Точно, много утратила она своего изящества послѣ паденія человѣка, поставленнаго ей въ царя, но все же не вовсе лишилась своего совершенства, какъ и этотъ послѣдній. Главное — уловить это изящество, провидѣть его сквозь толстую кору, покрывающую его собой. Потому и голая, черневая сторона жизни народа, если взглянуть на нея съ этой точки, прошедши черезъ горнило поэтическаго вдохновенія, можетъ возвы-

ситься до степени изящества. Такую-то народность, очищенную, переплавленную, облагороженную должна отражать въ себѣ Словесность каждаго народа.

Отсюда и Поэзія, какъ цвѣтъ, вершина слова, вѣнецъ Словесности народа, непремѣнно должна быть, также, въ высочайшей степени народной.

Народность нимало не препятствуетъ ей оставаться вѣрною идеѣ изящества, быть настоящею, изящною Поэзіей. Истинная Поэзія не можетъ быть не народною. Она есть выраженіе духа человѣческаго во всѣхъ его проявленіяхъ, не просто вымыслъ безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному міру, сухое, голое отвлеченіе, не рабское изображеніе дѣйствительности; напротивъ она есть строжайшее сочетаніе идеальнаго съ дѣйствительнымъ, вѣрнѣйшее осуществленіе идеи изящнаго въ прекраснѣйшей, приличнѣйшей ей формѣ, такъ сказать ея очувствленіе; она — творчество по глубокому уразумѣнію силы внутренняго съ внѣшнимъ его образомъ, творчество по идеаламъ, отъ вѣка существующимъ, присущимъ всѣмъ временамъ и народамъ, гармоническое соединеніе духа и матеріи. Она истинное изображеніе жизни въ ея дѣйствительности, жизни, коей всякое біеніе уловлено, схваченъ внутренній, настоящій смыслъ каждой ея части, проявленъ въ формахъ, вполнѣ ее выражающихъ, безъ педантизма, мѣлкой точности въ частностяхъ, легко добавляемыхъ при полной передачѣ главнаго, существеннаго. Но родъ человѣческій слагается изъ народовъ, изъ коихъ всякой имѣетъ свою Поэзію,

потому что Поэзія прирождена народу; народъ, какого бы онъ племени ни былъ, вовсе безъ Поэзіи быть не можетъ. Такое явленіе не въ природѣ вещей; такой безпоэтичный народъ — несбыточное дѣло: это не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ. Отсюда у каждаго народа есть ему одному только свойственная Поэзія, какъ плодъ внутренняго его творчества, его поэтической способности. Эта его Поэзія, потому самому что составляетъ произведеніе его, непремѣнно и прежде всего должна быть отпечаткомъ его жизненнаго бытія, отголоскомъ всѣхъ его сотрясеній, являться въ томъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельствъ, — слѣдовательно безпристрастно отражать внутреннюю и лицевую сторону существованія его, быть своенародною, своевременною. Будучи народной, она не перестаетъ быть изящной; изящное никогда неизмѣнно: оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково. Истинно изящное доступно и понятно всѣмъ вѣкамъ и народамъ, и можетъ быть оцѣнено всѣми по своему достоинству. Всѣ народы согласно признаютъ одинъ и тотъ же предметъ прекраснымъ, изящнымъ, потому что въ духѣ нашемъ существуетъ первообразъ красоты, что идея изящнаго — неотъемлемая принадлежность всего человѣчества: оно равное производитъ впечатлѣніе и на грубыхъ, дикихъ народовъ, и на самыхъ просвѣщенныхъ. Только форма проявленія изящнаго до безконечности разнообразна: нимало не измѣняя сущности его, народъ одѣваетъ прекрасное согласно своимъ понятіямъ о

немъ, согласно степени своего эстетическаго образованія. Въ такомъ или другомъ взглядѣ народа на изящное, въ той или иной формѣ облеченія, осуществленія, именно—то и заключается оригинальность творчества, самостоятельность всякаго искусства, слѣдов. и Поэзіи, какъ единственнаго словеснаго искусства. Оттого Поэзія необходимо должна имѣть на себѣ печать того народа, коему принадлежитъ, печать яркую, неизгладимую; оттого тѣ только поэтическія произведенія истинно изящны, кои, будучи свободнымъ плодомъ творчества человѣческаго духа, со всѣхъ сторонъ выражая идею изящнаго, отлиты въ типъ самобытный, свойственный тому народу, къ которому относятся, отражаютъ въ себѣ, какъ въ кристалловидной поверхности водъ, народъ со всѣми его свойствами, похвальными качествами и недостатками, представляютъ собой полную картину, вѣрнѣйшій отпечатокъ, самый правдивый образъ его жизни, его судебъ въ данную эпоху бытія его. Такая Поэзія будетъ въ высочайшей степени изящною, оригинальною, своенародною, Поэзіей жизни; ей будутъ сочувствовать, ее поймутъ и оцѣнятъ не отдѣльные любители, не одни только записные знатоки изящнаго, но цѣлая нація, цѣлый народъ, все человѣчество. Вотъ ея слушатели, послѣдователи, цѣнители, судьи и вѣчные защитники! Напротивъ, удаляясь отъ этого, столько естественнаго и единственно прямаго, пути, Поэзія перестаетъ быть истинной Поэзіей, безотчетнымъ, свободнымъ созданіемъ творящаго духа, внушеннымъ своенароднымъ вдохновеніемъ, живымъ голосомъ из-

вѣстнаго вѣка, извѣстнаго неба, извѣстнаго народа, но сколкомъ другой Поэзіи, намѣреннымъ подражаніемъ какому-нибудь чужому произведенію, рабской капировкой, ребяческимъ передразниваніемъ. Какъ бы точно ни было подражаніе, Поэзіи ли другаго народа, природѣ ли, или чему иному, все оно подражаніе, ни болѣе, ни менѣе: это слѣпки безъ жизни и души, простое эхо. Допустивъ, даже, возможность поровняться съ какимъ-либо предметомъ, это не значитъ сдѣлаться тѣмъ же самимъ предметомъ, но только вознестись до одинакой высоты, и все же остаться спискомъ, а списокъ — не подлинникъ: здѣсь борьба пигмея съ исполиномъ! Безспорно, и въ подражательныхъ произведеніяхъ могутъ быть, и есть, великія частныя красоты, достоинства первостепеныя; и на нихъ можетъ лежать печать вѣка, болѣе или менѣе замѣтная печать народа, и т. д., потому что поэтъ всегда связанъ съ своимъ міромъ, землей, эпохой; но это красоты—прививныя, не вяжутся съ цѣлымъ; это оранжерейные цвѣты, выращенные въ теплицахъ, а не подъ открытымъ небомъ, вскормленные искусственною теплотою, а не сокомъ родной почвы, возбуждаютъ минутное, преходящее, смѣшанное всегда съ невольной жалостью, удовольствіе; эти отпечатки вѣка, народа и страны—родимыя пятна, и тутъ только что увеличиваютъ безобразіе, выказывая всю неестественность положенія, въ которомъ поставлено цѣлое. Не быть Сѣверу Югомъ, не рости пальмовымъ лѣсамъ на нашихъ поляхъ, не дважды молодѣть: такъ точно одной и той же Поэзіи разъ суждено совершить свое

поприще; прошла пора — ее уже не воскресить. Она была вполнѣ тѣмъ, чѣмъ ей быть должно, была собой въ свое время, въ своемъ мѣстѣ, у своего народа; для другихъ—она имѣетъ только документальное, историческое достоинство: по ней можемъ судить о степени жизни этого народа и пр., т. п., можемъ, и должны, изучать ее, не для того, чтобы отрекаться отъ своей Поэзіи, намъ прирожденной, располагать ее по ней. Позволительно восхищаться и стараться свою довести до равной степени совершенства и, если можно, пойти далѣе; но идти своей дорогой, указанной намъ Промысломъ, и быть собой, а не Греками, Римлянами, Индійцами, и т. д. Тѣ были, чѣмъ имъ быть суждено, были и прошли; не всѣмъ быть однимъ и тѣмъ же; теперь наступило наше время, и намъ должно быть нами, а не кѣмъ другимъ. Къ совершенству ведетъ не одна дорога; каждому опредѣлено достигать его своимъ путемъ, если только захочетъ достигать его, быть своеобразно совершеннымъ, равнымъ прочимъ. Такъ точно и въ области Поэзіи. Всякая Поэзія должна быть собой, стремиться своей дорогой къ полному, гармоническому развитію себя, съ твердою надеждой достигнуть такого же совершенства, какъ и другія ея сестры, изъ коихъ каждая сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ есть, единственно стараясь быть собою; напротивъ, сбиваясь съ этого пути, добровольно сама себя убивала, дѣлалась второстепенною, хвостомъ блестящей кометы, не производила вѣчноюнаго дѣйствія, не могла возбудить къ себѣ нестарѣющагося сочувствія. Но оставаясь вѣр-

ной себѣ, своей природѣ, Поэзія неминуемо, волею-неволею будетъ Поэзіей народа, зеркаломъ путей его жизни, отраженіемъ идеи, проявляемой этой жизнью, составляющей собой душу народа. Кромѣ того, направленіе Поэзіи, ея характеръ, устанавливается жизнью народа, его возрастомъ: въ какомъ возрастѣ находится народъ, такова и Поэзія его, какъ откровеніе народа; въ ней разоблачается характеръ возрастной его жизни, преобладающій надъ всѣмъ и дающій собой направленіе всѣмъ частямъ, составляющимъ цѣлое, наводящій на все одинакій цвѣтъ. Ясно, что Поэзія опредѣляется исторіей народа: зная ее, зная какой періодъ своего бытія совершаетъ народъ, напередъ можно отгадать, какой характеръ его Поэзіи, какой родъ ея преобладаетъ у него. И наоборотъ: случается, что народъ не всегда имѣетъ у себя лѣтописи своей жизни, или не всѣ, не вполнѣ; въ таковомъ положеніи Поэзія поясняетъ собой исторію, замѣняетъ ее. По ней тотчасъ можно открыть, какой путь прежде проходилъ народъ, что съ нимъ было, какъ онъ развивался и дошелъ до того состоянія, въ какомъ теперь находится. Конечно, тутъ не будетъ ни годовъ, ни чиселъ, ни именъ, и т. п. препадлежностей лѣтописи, зато все это пополняетъ собой духъ времени, духъ прожитой жизни, потому что Поэзія есть самое вѣрнѣйшее и ни какому сомнѣнію не подлежащее свидѣтельство о жизни народа, картина его бытія, и т. д. Первые поэты, обыкновенно, большею частію, неизвѣстны, что очень естественно. Въ первомъ возрастѣ народа пѣвцы, подобно младенцу, не столько

заботятся о своей личной извѣстности, именномъ безсмертіи, сколько о своемъ твореніи, его дѣйствіи на массу и принятіи, усвоеніи его этой массой. Современемъ, съ постепеннымъ образованіемъ народа, съ установленіемъ видимой, рѣзкой грани между высшими и низшими слоями народа, съ появленіемъ разныхъ званій и т. д., и званіе поэта округляется, дѣлается замѣтнымъ, отводитъ для себя свой участокъ, охраняетъ принадлежащія ему права и т. п., и, так. обр., поэты становятся болѣе видимыми, выдаются, такъ сказать, впередъ; имена ихъ затверживаются и переходятъ въ потомство. Отъ нихъ-то теперь зависитъ дальнѣйшая участь Поэзіи, дальнѣйшее ея развитіе и совершенствованіе, вмѣстѣ съ развитіемъ и совершенствованіемъ самаго народа, съ переходомъ его изъ возраста въ возрастъ. Если Поэзія ихъ естественно развивается изъ самой себя, изъ своей первоначальной сущности, тогда она сильно дѣйствуетъ на народъ, есть народная въ полномъ смыслѣ слова; напротивъ, сбиваясь съ этого пути, дѣлается анахронизмомъ, теряетъ всю власть свою, между тѣмъ какъ народъ остается только при прежнемъ своемъ богатствѣ, пока вновь не выведетъ ее добрый геній на свой прежній, настоящій путь. Не многіе народы могутъ похвалиться полнымъ развитіемъ своей Поэзіи, совершеніемъ всего своего пути, прохожденіемъ чрезъ всѣ возрасты. Для этого требуется много условій, требуется, чтобы народъ неуклонно шелъ по своей дорогѣ, падая, сбиваясь съ прямой тропинки, снова возставалъ, находилъ ее и продолжалъ идти далѣе, до

самаго конца. Но у большей части народовъ Поэзія не совершаетъ своего полнаго круга, или въ силу ранней смерти самаго народа, или ложнаго направленія дальнѣйшей своей жизни, замѣняясь Поэзіей подражательной, чуждой, и т. п. безчисленными препятствіями. Но такъ какъ дальнѣйшая судьба, совершенствованіе, своеобразность народной Поэзіи, при ея естественномъ ходѣ, при отсутствіи неблагопріятныхъ ей обстоятельствъ, условливается ея первоначальною, первобытною Поэзіей, Поэзіей всего народа, Поэзіей младенчества народа, Поэзіей безыскусственной, естественной, простонародной (не въ нынѣшнемъ несчастномъ значеніи этого слова), составляющей собою источникъ, матернее лоно, корень и начало жизненности, то потому для каждаго, ревнующаго по своей Поэзіи, принимающаго въ ней живѣйшее участіе, желающаго, чтобы она шла своимъ природнымъ путемъ, была въ полномъ смыслѣ Поэзіей, народной, національной, необходимо предварительно основательное изслѣдованіе, тщательное разсмотрѣніе этой первоначальной, естественной, безыскусственной Поэзіи, ея составныхъ элементовъ, существенныхъ свойствъ, духа и прочихъ характеристическихъ признаковъ. А потому и мы въ нашемъ разсужденіи о народной Поэзіи Славянъ ограничимся только разсмотрѣніемъ естественной, безыскусственной народной Поэзіи Славянскихъ племенъ, нимало не касаясь той народной Поэзіи ихъ, которая должна была развиваться изъ нея, какъ своего корня, если желала быть

истинно народной Поэзіи, полнымъ и всестороннимъ откровеніемъ духа своего народа.

Вообще, всякой первоначальной, естественной народной Поэзіи всѣхъ временъ и племенъ человѣческихъ непремѣннымъ типомъ, общею формою, всегдашнимъ проявленіемъ, единственною одеждой бываетъ *пѣсня.* Это нимало неудивительно, это въ порядкѣ вещей. Каждый народъ, выступая на поприще жизни, начиная свое бытіе, и будучи отъ природы поэтомъ — художникомъ, все, что въ немъ и внѣ его ни творится, что выходитъ изъ колеи обыкновенной, положительно прозаической жизни, что нарушаетъ теченіе матеріальнаго существованія, выплескиваетъ за края однообразнаго, ежедневнаго житейскаго міра, что по какой бы то ни было причинѣ нарушаетъ обычный бѣгъ вещей, возбуждаетъ внутреннюю дѣятельность духа, производитъ живое, глубоко сильное впечатлѣніе, все это, всѣ эти необыкновенныя положенія свои, эти исключенія въ своей жизни, народъ схватываетъ, жадно ловитъ и въ то же мгновеніе, на самомъ мѣстѣ событія, по свѣжимъ, жаркимъ, слѣдамъ его, воспѣваетъ въ звучной, самородной, своеобразной пѣснѣ. Само собою разумѣется, что такая пѣсня началомъ своимъ одолжена бываетъ какому - нибудь одному недѣлимому въ народѣ, какому - нибудь одному лицу, въ душѣ коего горитъ пламень поэтическаго творчества, сердце коего живѣе почувствовало данный толчекъ, скорѣе, такъ сказать, наэлектризовалось, поняло поэтическую сторону случившагося, вспыхнуло и невольно, безъ всякаго умышленнаго расчета

и подготовленія, запѣло пѣснь. Пѣснь эта тутъ же и пошла летать соловьемъ по народу, сообщаясь ему со всею легкостью, ему, приготовленному уже прежде самимъ событіемъ, слѣдовательно находящемуся еще подъ магическою властію впечатлѣнія, или же пораженному новостію, нечаянностію, общечеловѣческой, народной занимательностью, яркимъ изъятіемъ изъ пошлой, безхарактерной однообразности настоящаго. Так. обр. пѣсня порхаетъ между народомъ, которой ее доканчиваетъ, если она имѣетъ какую-нибудь шороховатость, неполноту, и дѣлается его достояніемъ, общимъ имуществомъ всѣхъ и каждаго. Пѣсни составляютъ собою начало, исходный пунктъ какъ вообще Словесности, такъ вособенности Поэзіи народной, какъ первыя, самыя старшія ея произведенія, какъ первоотпечатокъ, начальный отпрыскъ, первоявленіе, первенецъ творчества народнаго, какъ первобытная, естественная схема Поэзіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ единственное имущество, весь, пока, наличный капиталъ народа; въ нихъ заключаются, какъ въ матернемъ лонѣ, всѣ элементы дальнѣйшей жизни Поэзіи, ея дальнѣйшаго хода, самостоятельнаго совершенствованія и бытія. Пѣсни въ эту эпоху жизни народа составляютъ для него все, замѣняютъ собой всѣ роды и виды Поэзіи, будучи и родомъ и видомъ ея, будучи всей Поэзіей: тогда всякое поэтическое произведеніе принимаетъ образъ пѣсни, воплощается въ нее, потому что народъ въ эту пору все воспѣваетъ. Такое состояніе Поэзіи представляетъ собой первый періодъ Поэзіи народной, въ обширномъ значеніи,

періодъ Поэзіи всего народа, безъ исключенія, общенародный, продолжающійся, даже, и тогда, когда народъ начинаетъ образовать изъ себя одно правильное цѣлое, болѣе сплоченое, тѣло, когда вступаетъ въ гражданскую жизнь и продолжаетъ на этомъ поприщѣ совершенствоваться. Эта Поэзія и теперь продолжаетъ свое существованіе, если гражданственное образованіе развивается не цѣлымъ народомъ, идетъ неровнымъ шагомъ, но только въ высшихъ его слояхъ, въ высшемъ обществѣ, которое, въ этомъ случаѣ, можетъ далеко уйти, между тѣмъ какъ масса народа остается въ прежнемъ своемъ первобытномъ состояніи, или нѣсколько измѣненномъ, и то больше во внѣшнемъ видѣ. Но когда гражданственность совершается дружно, пріемлется всѣмъ цѣлымъ народа, когда жизнь народа развивается одинаково и въ высшихъ и низшихъ его членахъ, тогда и Поэзія становится искусствомъ, достояніемъ частныхъ лицъ, рѣзко отдѣляющихся теперь отъ толпы, получающихъ свое имя отъ рода своего занятія, дѣлающихся поэтами, такъ сказать, привиллегированными. Они-то въ слѣдствіе большей сложности въ стихіяхъ жизни народной, явленія коей развиваются теперь подробнѣе, осязательнѣе, въ силу дробленія ея, тоже дробятъ и Поэзію, обработываютъ ее въ родахъ, уже болѣе отрывочныхъ, заимствующихъ духъ и характеръ свой отъ того возраста жизни народной, который проходитъ онъ, котораго они составляютъ естественое выраженіе. Эта искусственная, воздѣлываемая Поэзія, если только вѣрно проявляетъ жизнь своего народа, есть также Поэзія народная,

оригинальная, потому что она не что иное, какъ только продолженіе первой безыскусственной Поэзіи, составляетъ дальнѣйшее ея развитіе. Слѣдовательно, въ жизни народа, какова бы она ни была: дѣятельна, своевольна, разнообразна, или же покойна, тиха, одностороння, главное - лишь бы она не получила еще высшей гражданственности, пѣсня составляетъ единственный родъ Поэзіи этого народа и единственную форму всѣхъ его поэтическихъ произведеній, какъ бы ни были они многочисленны. Это доказывается еще ея названіемъ, одинакимъ, тождественнымъ у всѣхъ народовъ. Греческія *Оды* (ᾠδή, canticum, cantio, carmen; ᾠδάριον, cantilena, отъ ἀείδω, cano, canto, carmine celebro), *Эпосы* (ἔπος, verbum, vocabulum; carmen heroicum; отъ ἔπω,) Итальянскія *Канзоны*, Испанскіе *Романсы*, Англійскія *Баллады* и пр., все это — названія первобытныхъ, самородныхъ поэтическихъ произведеній у разныхъ Европейскихъ народовъ, которыя всѣ въ сущности не что иное означаютъ, какъ пѣснь, пѣсню, и изъ которыхъ развилась ихъ національная Поэзія. Славяне тоже всѣ первоначальныя свои поэтическія прозведенія, всю свою естественную Поэзію, называютъ *пѣснію, пѣснями* (Чешс. писнѣ, Серб. пѣсме, Словин. (Винд.) песни, Венд. спѣваньо, и т. д).

Но, не отнимая пінтическихъ способностей ни у одного народа, нельзя, однако же, не замѣтить, кто сколько-нибудь на этотъ предметъ обращалъ свое вниманіе, знакомъ хоть немного съ нимъ, что изъ нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ Славяне всѣхъ богаче пѣснями, многочисленностію, разнообра-

зіемъ ихъ превышаютъ всѣхъ своихъ сосѣдей и несосѣдей нашей части свѣта, что съ такой любовію къ пѣснопѣнію они соединяютъ еще въ высшей степени страстную привязанность, чрезвычайную способность къ музыкѣ и пляскѣ. Еще Греческіе лѣтописцы (Ѳеофилактъ Симокатта, Анастасій, Ѳеофанъ, и др.) замѣтили, что Славяне страстно любятъ пѣніе, музыку и пляску, и Греки при своихъ народныхъ играхъ, торжественныхъ праздникахъ, и. п., употребляли, большею частію, этихъ столько пѣснолюбивыхъ Славянъ (*Констан. Багрянородный* De Caeremon. Aulae Byzant. L. I. c. 72. *Reiskius* in Com. ad Const. Porph. Caer. p. 44.). Эту-то любовь къ пѣнію и вообще къ естественной Поэзіи, музыкѣ, пляскамъ, и т. п., и потомки ихъ наслѣдовали и удержали навсегда за собою. Самые иностранцы, не говоря уже о своихъ, громко сознавали и сознаютъ эту способность Славянъ къ Поэзіи, и единогласно, въ этомъ случаѣ, отдаютъ намъ преимущество передъ собою и прочими Европейцами. Такъ, напр., *Якобъ Гриммъ* (Serb. Gramm. S. 14.) говоритъ слѣд.: «Alle slavischen Stämme scheinen von Natur dichterisch begabt, zu Gesang und Reizen aufgelegt; « *Якобъ Глацъ* (Freymüthige Bemerkungen eines Ungars über sein Vaterland): « Die ausserordentliche Liebe zum Gesang ist ein Haupt-und ein schöner Zug in dem Charakter der Slaven. Das slavische Frauerzimmer wird man selten stumm antreffen. Es schwatzt oder singt. In deutschen Orten, wo slavische Dienstmägde gehalten werden, ziehen diese, wenn sie des Morgens mit Grasbürden, gewöhnlich in einem Zuge zurückkom-

men, immer singend ein. Die Slaven haben in diesem Stücke einen entschiedenen Vorzug vor den Teutschen, die *Raichard* mit Recht sanglose Teutsche heisst;» *Роперъ* (Slav. Bew. ost. T. II. p. 7, 17, 28.): «Der grössere Theil der slavisch Nation verräth unverkennbar grosse Anlage zur Tonkunst. Dichter und Componist gehören zum gemeinen Volke;» *Пфистеръ* (Gesch. d. Teutsch. S. 347.): «Alle Wenden-Slaven, ohne Ausnahme sind ein fröhliches, gesangliebendes Volk, und auch die, welche längst mit Teutschen vermischt leben, haben diesen auszeichnenden Zug, im Gegensantzt gegen die teutsche Ernsthaftigkeit behalten.» Самые Мадьяры, столько соперничествующіе съ Славянами, столько унижающіе ихъ во всемъ прочемъ, въ этомъ случаѣ являются къ нимъ безпристрастными (Мадьяр. Жур.: Tudományos Gyüjtémeny, 1827 г. N II. стр. 104. См. Выкладъ ку Славы Дцере одъ Яна Коллара 1832 г. стр. 33-34.): «Народъ Славянскій самъ по себѣ—чрезвычайно веселый, остроумный и отъ природы поэтическій народъ, такъ какъ и вся его жизнь, его радости и горе, суть настоящая Поэзія. Самой даже простой народъ, во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни, поэтизируетъ и поетъ, и его пѣсни доходятъ къ сердцу, отличаются совершенствомъ. Онъ все воспѣваетъ: каждый день рожденія, каждую свадьбу, каждый пиръ, каждую забаву, каждое занятіе, каждую нужду, даже смерть и похороны. «Этихъ свидѣтельствъ, кажется, довольно, чтобы видѣть, что Славяне, по сознанію самыхъ чужестранцевъ, вѣчныхъ своихъ соперниковъ, никогда не упускавшихъ случая унизить ихъ

всѣми позволенными и непозволенными средствами, созидать своего благосостоянія на развалинахъ благосостоянія первыхъ, что Славяне по праву называются самымъ поэтическимъ, самымъ пѣсеннымъ народомъ въ Европѣ, хотя они и не кричатъ объ этомъ, не зная сами себѣ цѣны, своего превосходства предъ другими. Кто же теперь скажетъ, что слѣдующія слова извѣстнаго *Шафарика* дышатъ тщеславіемъ, внушены ему самохвальствомъ, квасным патріотизмомъ? «Wo eine Slavin ist, говоритъ онъ, da ist auch Gesang; sie erfüllt Haus und Hof, Berg und Thal, Wiesen und Wälder, Gärten und Weingärten mit dem Schall ihrer Lieder; oft beebt sie nach einem mühevollen, unter Hitze, Schweiss, Hunger und Durst zugebrauchten Tag, die herandämmernde Abendstille während der Heimkehr noch mit ihrem melodischen Gesang. Welch' einen Geist diese Volkslieder athmen, kann man aus den bereits erschienenen Sammlungen derselben ersehen. Man kann ohne Widerspruch behaupten, dass die Naturpoesie bei keinem Volk in Europa in einem so hohen Grade und mit einer solchen Reinheit, Innigkeit und Wärme des Gefühls verbreitet sey, wie unter den Slawen (Gesch. der slaw. Spr. u. Lit nach allen Mundarten, S. 52.)» Поэтому неудивительно, что они назвали сами себя *Словянами*, народомъ *κατ' ἐξοχὴν словнымъ*: гдѣ бы они ни были, слово вездѣ имъ сопутствуетъ, тотчасъ свидѣтельствуетъ о нихъ; они тотчасъ имъ проявятъ себя; у нихъ и горе и радость, все, что ни лежитъ на сердцѣ, что ни сдѣлали бы, все это, все самое себя, ввѣряютъ, какъ своему вѣрнѣйшему, надежнѣйшему, единственному другу и спутнику, *слову-пѣснѣ*.

« Чо е славикъ мези птакми »
« То е Слованъ мези народми. 1)

Пѣсни - это ихъ дневникъ, ихъ Исторія, хранилище всякаго вѣдѣнія, всякаго вѣрованія, ихъ Ѳеогонія, Космогонія, память, тризна по своихъ отцахъ и дорогихъ сердцу, надгробный памятникъ священной старины, живая, говорящая лѣтопись временъ, давно прошедшихъ, въ коей, какъ въ прозрачномъ кристаллѣ водъ, отражается, безъ малѣйшей примѣси, вся ихъ жизнь, съ ея добромъ и зломъ, характеръ каждаго врозь и обще всего цѣлаго, многосложная картина минувшаго вѣка, его духа, вѣрный очеркъ быта и всѣхъ его, неуловимыхъ простымъ глазомъ, мѣлчайшихъ, подробностей. Это исповѣдь души, разоблаченной передъ вами до тончайшихъ изгибовъ своихъ и оттѣнковъ чувствъ, волненій, дѣйствій, страданій, надеждъ, веселія и грусти; это чистѣйшее выраженіе Славянской народности, нравовъ, обычаевъ, занятій, причудъ, и т. п. Въ нихъ, наконецъ, языкъ родной хранится во всей своей чистотѣ, неподдѣльности, свѣжести, силѣ, прелести и богатствѣ, языкъ, въ коемъ «озиван се вшецкы глубоке циты а срдечне глаголы одъ первего гласу въ колебце ажъ до пресладкего, розкошнего говору милости,» языкъ, звуки коего пріятнѣе всего на свѣтѣ ударяютъ въ наши уши, какъ говоритъ Валтеръ Скоттъ. Славянинъ, въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, что бы онъ ни дѣлалъ, во всякую пору времени пѣсня у него шевелится на языкѣ: это безсмѣнная спутница, всегдашняя на-

1) Март. *Сухани.*

персница и повѣренная его думъ, мыслей и желаній; для нея сердце его и весь онъ самъ какъ есть, когда угодно, открыты, обнажены. Оттого, что страннаго, если у него вы найдете на все, на каждый предметъ, по пѣснѣ? Что удивительнаго, если Славяне всѣхъ прочихъ Европейцевъ богаче пѣснями, этою одной настоящею народною Поэзіей, если они самый *пѣсенный*, самый поэтическій народъ въ Европѣ? Пѣснопѣніе составляетъ одну изъ наиболѣе характеризующихъ его чертъ, и, так. обр., говоритъ съ самой выгодной стороны объ его природныхъ свойствахъ, потому что

> « Wo man singt, da lass dich fröhlich nieder:
> Böse Menschen habe kiene Lieder, »

говоритъ Шиллеръ, глубоко проникшій въ сердце человѣческое. Согласенъ, во многомъ другомъ, въ наукахъ, искусствахъ, изобрѣтеніяхъ, и т. д., Славяне долго-долго еще будутъ подъ опекою прочихъ, опередившихъ ихъ своей образованностію, народовъ, будутъ нуждаться въ ихъ опытности, знаніи, свѣдѣніяхъ, будутъ ихъ прилежными, постоянными слушателями, учениками; но что касается до естественной Поэзіи, въ ней они далеко ушли впередъ, обогнали всѣхъ своихъ сверстниковъ, сосѣдей, друзей и враговъ. Тутъ они сами могутъ съ гордостію развернутъ свое богатсшво, и, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и превосходства, сказать: « То ли у васъ? » О, тутъ они сами, по всей справедливости, могутъ служить образцемъ для другихъ. « Въ нынѣшнимъ народнимъ басництви, якъ далеце

намъ знамо, Слованъ зпѣвкы безъ похыбы нейпѣкнѣши вѣнецъ собѣ на главу положити може,» говоритъ *Челяковскій* (Предмл. ку слованск. народн. писн. Дилъ I. ст. VII.), и говоритъ справедливо, безъ малѣйшаго преувеличенія, самохвальства и народнаго предубѣжденія.

«Же вздѣланости нема нашъ лидъ, цизоземци млувите?»

спрашиваетъ другой пламенный Славянинъ иностранцевъ, и тутъ же отвѣчаетъ имъ со всей энергіей и благороднымъ упрекомъ ихъ неискренности: «Какъ же это?

«Якжъ? вы мусите лиду зпивати, намъ пѣе лидъ.»

Что можетъ быть справедливѣе, доказательнѣе, очевиднѣе и, такъ сказать, осязательнѣе этого коротенькаго отвѣта? Въ другой разъ, на замѣчаніе иноземца о бѣдности нашей въ операхъ и вообще въ театрѣ, тотъ же остроумный поэтъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ двустишіемъ:

«Ушклебо некричъ намъ, же оперъ, же немаме дивадла;
Вы зди, мы маме целе въ летѣ дивадло поле.»

Нѣкоторые этой страсти Славянъ къ пѣнію приписываютъ даже то, что они занимаютъ такое огромное пространство и крѣпкою ногою въ немъ утвердились: «Dass die Slaven so leicht festen Fuss fassen, wird durch manche liebenswürdige Eigenschaft der Einwanderer erklärt, hauptsächlich durch das Talent derselben für Gesang und Musik, die sie beständig begleiten, und durch den regen Sinn für die Künste des Friedens, der sie beseelt (K. Ch. F. v. *Lützow* Gesch. d. Meklenb.)» И потому Историкъ, Философъ, Фило-

логъ и Поэтъ, если хотятъ узнать лицемъ къ лицу народъ Славянскій, оцѣнить его, какъ слѣдуетъ, по немъ самомъ, должны обратить все свое вниманіе на его пѣсни, которыя, будучи естественнымъ, необходимымъ выраженіемъ, вѣрнѣйшимъ отпечаткомъ его народнаго духа, составляютъ, потому, самый правдивый образъ бытія, его судебъ. Разумѣется, въ пѣсняхъ не слѣдуетъ искать лѣтописныхъ или другихъ подробностей такого и такого событія, того или иного лица, и. т. д.; зато все, что дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на народъ, въ чемъ беретъ онъ прямое участіе, то навѣрно отыщете въ его пѣсняхъ: онъ дорожитъ этимъ какъ своею собственностію, и хочетъ, чтобы и потомки его знали о томъ. Судъ его въ такомъ случаѣ очень важенъ для Историка, какъ судъ современника происшествію. Истинный Историкъ обязанъ представить намъ въ своемъ дѣеписаніи народъ такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, показывая постепенно какъ въ извѣстномъ вѣкѣ онъ выражалъ свои мысли и чувствованія, какъ тѣ и другія въ немъ развивались, каковъ его общій характеръ, въ чемъ онъ сходствуетъ и въ чемъ отличенъ отъ своихъ сосѣдей, одноплеменниковъ и иныхъ народовъ. Такому Историку пѣсни могутъ служитъ важнѣйшимъ и надежнѣйшимъ руководствомъ и пособіемъ: въ нихъ народъ самъ себя изображаетъ со всѣмъ тѣмъ, что ни относится къ нему. « Оны су образы, ве кторыхъ каждый народъ самъ свой характеръ найвѣрнѣши малуе а представуе; су гисторіе внитерного свѣта а живота; су кличе одъ свашынѣ народности, кторыми кдо отви-

раши незна анебъ нехце, тенъ ани знати небуде цо есть чловѣченстви, ешто се въ писнихъ пастырскыхъ не менѣ, нежъ въ егыптскыхъ пырамидахъ зъевуе. Въ челедѣхъ, поколенихъ, кменехъ, наречихъ познаваме цо есть народъ, въ народехъ познаваме цо есть чловѣченстви (См. Познам. а поедн. ку 2 Дил. Народ. зпѣв. Словак., себр. одъ *Я. Коллара*, стр. 489. *Dobrowsky's* Slawin. Pr. 1834. S. 416 и 417.)» Что касается до Миѳологіи, то она почти только отсюда и можетъ быть заимствуема; а для Словесности вообще и ея Исторіи, пѣсни, какъ мы уже выше замѣтили, составляютъ начало, исходный пунктъ ея, какъ первыя, самыя старшія ея произведенія, вѣчно цвѣтущая, живая, свѣжая Словесность, истинное выраженіе народнаго духа. Далѣе, изучающій сердце человѣческое, любящій проникать въ сокровеннѣйшіе изгибы и тайники его, заглянуть въ душу безъ всякаго покрывала, въ ея первичномъ видѣ, чуждую всѣхъ прикрасъ и уловокъ свѣтскихъ, слѣдить естественное развитіе ея движеній и страстей, въ пѣсняхъ народныхъ Философъ — наблюдатель найдетъ для себя обильнѣйшую пищу: онѣ, слагаясь въ часъ живѣйшаго чувства, при электрическомъ потрясеніи всѣхъ нервъ нашего бытія, при полномъ подчиненіи себя извѣстному впечатлѣнію, суть, потому самому, простѣйшій и вѣрнѣйшій отпечатокъ тогдашняго состоянія души нашей. Ревнитель чистоты, силы, богатства и простоты отечественнаго слова, не разстанется съ пѣснями: въ нихъ языкъ народа таковъ, каковъ онъ есть въ своей сущности, каковъ долженъ быть, со всѣми своими

природными особенностями, ему лишь свойственными оборотами и извитіями. Въ нихъ Поэтъ увидитъ стихосложеніе, единственно ему приличное, а не насильно навязанное, привитое, выписанное изъ чужой земли, составленное подъ другимъ небомъ, въ другое время, въ другихъ обстоятельствахъ. Напротивъ, стихосложеніе и пр. въ пѣсняхъ таковы, какимъ слѣдуетъ имъ быть, суть произведенія той почвы, на коей они выросли. Наконецъ, человѣкъ высшаго сословія, занимающій одну изъ первыхъ ступеней въ обществѣ, къ которой открыта ему была дорога или самимъ уже его рожденіемъ, или же онъ достигъ ее собственными своими заслугами и трудами, для такого человѣка пѣсни заключаютъ въ себѣ много очаровательнаго, сладостнаго сердцу, незамѣнимаго: въ нихъ онъ увидитъ, какъ въ зеркалѣ, самаго себя—чѣмъ бы онъ былъ, если бы остался въ своемъ первоначальномъ состояніи, въ кругу, назначавшемуся ему самою Природою, какъ бы думалъ, чувствовалъ, что бы занимало, шевелило, волновало его душу, какъ бы онъ все это понималъ и передавалъ другимъ, выражалъ самое себя.... Словомъ, пѣсни составляютъ естественную, истинную Поэзію народа, коему онѣ принадлежатъ. Въ нихъ тотъ же воздухъ вѣетъ, какимъ народъ дышетъ, то самое небо, подъ какимъ народъ живетъ, та жизнь народа, безъ малѣйшей перемѣны въ краскахъ, какую онъ изжилъ; каждое недѣлимое, несмотря на всѣ свои частныя, дробныя особенности, взглянувъ въ это зеркало, тотчасъ узнаетъ себя, и воскликнетъ:

«Kość z kości ojców naszych, ród jeden składamy,
J jednym wszędzie duchem oddychamy....»

Каковъ же этотъ общій духъ, проникающій, движущій и оживляющій естественную Поэзію народовъ Славянскихъ? Что за характеръ ихъ пѣсень вообще? Чѣмъ онѣ отличаются отъ пѣсень другихъ народовъ? Что составляетъ ихъ отличительную особенность, ихъ неотъемлемую, имъ однимъ принадлежащую, собственность? Короче: какія знаменательныя свойства всей народной Славянской Поэзіи, или, что все равно, ихъ пѣсень?

Трудно, очень трудно, разгадать главное направленіе какой бы то ни было Поэзіи, проникнуть до перваго, верховнаго двигателя и руководителя жизни народа, схватить задушевную, завѣтную его идею, положенную во главу его бытія, которую онъ незримо, но тѣмъ не менѣе непрерывно, проявляетъ во всѣхъ свои дѣйствіяхъ въ возможнаго рода образахъ. Уловить эту заповѣдную, тайную мысль народа, проводимую имъ чрезъ всю ткань своей жизни, составляющую среду и вмѣстѣ точку отправленія всей его многоразличной, внутренней и внѣшней дѣятельности, а потому и въ Поэзіи его, какъ первоначальномъ и нелицепріятномъ отраженіи его существованія, выражаемой неминуемо, неизбѣжно, значитъ разобнажить душу народа, заставить его сказаться намъ, что онъ такое самъ по себѣ и въ ряду прочихъ племенъ рода человѣческаго. Так. обр. и общій духъ его Поэзіи, общій ея характеръ, ея главное направленіе, сдѣлаются для насъ понятными, яс-

ными. Повторяю-это не легко, особенно вотношеніи къ Слявянамъ и ихъ Поэзіи, Славянамъ, народѣ, какъ говоритъ Я. Колларъ, «наречими, писменами, вирами, берлами, поднебими, столетими,» раздѣленномъ; но несмотря но такое различіе ихъ между собою во всемъ прочемъ, на такія преграды, отдѣляющія ихъ другъ отъ друга и сообщающія каждому изъ нихъ особую физіономію, ихъ « ницъ такъ неспоюе яко народне зпѣвы, » какъ Поэзія. Слѣдовательно, есть возможность схватить и озничить общія отличительныя свойства ихъ Поэзіи, характеръ ихъ пѣсень. Характеръ пѣсень долженъ быть вообще таковъ, каковъ характеръ народа, ихъ произведшаго, какова его жизнь, положеніе, въ которомъ онъ находился, самая страна, имъ занимаемая, и безконечное множество тѣхъ мѣлкихъ житейскихъ условій, кои, хотя сами въ себѣ ничего особеннаго не заключаютъ, но, при всемъ томъ, имѣютъ чрезвычайно сильное вліяніе на человѣка. Да иначе и быть не можетъ. Пѣсни, какъ мы сказали и выше, — выраженіе духа народнаго, журналъ, въ который народъ записывалъ все, что сколько-нибудь относилось къ нему, сколько-нибудь его шевелило, трогало. Тутъ нѣтъ, да и не могли имѣть мѣста ложныя движенія, притворно вынужденныя мысли, чувствованія, и т. д., дѣянія, никогда и нигдѣ не случавшіяся, потому что здравый смыслъ, всегда управляющій народомъ, никакъ не допуститъ его въ этомъ случаѣ взвести на себя такую ужасную напраслину. Это возможно только намъ, пѣснотворцамъ съ перомъ въ рукѣ, воспѣвающимъ радость и горе, большею частію, не радовавшія, не

огорчавшія насъ, оплакивающимъ то, чего не лишались, не на пепелищѣ, не надъ могилою утраченнаго, дорогаго сердцу нашему, но за сытнымъ столомъ, въ *вожделѣнномъ* состояніи тѣла и души. Посмотрѣть, чуть ли мы не самые несчастнѣйшіе въ мірѣ, а какъ поразглядѣть—дай Богъ всѣмъ, другу и недругу, быть такими!... Не тѣхъ мыслей народъ, особенно Славяне о пѣсняхъ. Онѣ у нихъ составляютъ непритворное, естественное, искреннее изліяніе сердца: это ихъ — vita vitalis, необходимая потребность жизни, основа бытія, условіе, безъ коего они не могутъ вообразить себѣ существа разумно — свободнаго. Прислушайтесь, что поютъ Славяне (Словаки) въ пѣсняхъ:

Боже мой, діовченце, чожебы зъ насъ боло?
Кебы тыхъ песничѣкъ на светѣ не боло?
Веру бы сме боли стя ти Гандербурци 1),
Чо никды незпѣва, требасъ бывa въ Турци.

Это ихъ воздухъ, насущный хлѣбъ, талисманъ отъ

1) *Ганбербурцами* Словаки называютъ Нѣмцевъ, живущихъ въ округахъ: Турчанскомъ, Нитранскомъ и Тековскомъ, и говорящихъ страннымъ нарѣчіемъ. *Крикегай*, селеніе, близъ Кремница, считается какъ бы гнѣздомъ Гандербурцевъ, по коему они называются также и *Крикегайцами*. Такія названія, вѣроятно, они получили отъ образа рѣчи, т. е., отъ *крикана* (кричанья) и *бурцована* (бурчанья) языкомъ. «Germani, dubia aetate Comitatui Thurocziensi illati. Difficile est, etiamsi attentissime loquentes audias, intelligere, quid sibi velint; ut conjectatione opus sit his, qui *barritus* eorum insueti sunt, quoties sermo cum illis conferendus est. *Gepidarum* reliquias dicunt aliqui, alii ad *Gothos*, alii ad *Quados* originem eorum referunt. Linquam slavicam raro addiscunt, aut si quid ejus apprehenderunt, tam male eam pronunciant, ut murmur edere eos crederes, non loqui.» *Belius* Not. Hung. T. II. p. 306. (См. Выкл. ку Слав. Дцер. стр. 447—448).

всего злаго, противоядное всѣмъ болѣзнямъ, душевнымъ и тѣлеснымъ:

Съ молитбами набожными
А писнѣмѣ веселыми
Вшуды се тѣшити будемъ,
Зармутки вшецкы забуднемъ.

Или: Пѣснѣ мое, пѣснѣ, веръ васъ я вело вѣмъ,
Кедь я зтато подемъ где же васъ я подѣмъ?
Веръ васъ я законемъ подъ мой матки стѣну,
Кедь я зтато подемъ слзы ма залею.

Или: Пѣснѣ мое, пѣснѣ, веръ васъ я много мамъ,
Веру васъ я вшецкы до мой труглы схованъ.
Кера е найкрашя на врхъ ю положимъ,
Кедь ма мужъ набіе предъ нѣго предложимъ.
А кедь си я будемъ дѣтяту зпѣвати,
Будемъ си по едне зъ труглы выберати.

Они даже и въ гробѣ не думаютъ разстаться съ своими пѣснями:

Умремъ, умремъ невѣмъ кеды,
Але умремъ кеды теды.
Эй кедь умремъ лежать будемъ,
Прето си я спѣвать будемъ.

Все это правда; но каковъ же общій духъ Славянскихъ пѣсень? Приступаемъ къ рѣшенію этого вопроса по крайнему своему разумѣнію, сколько это удалось намъ подмѣтить, слыша, читая, перечитывая пѣсни этого народа и съ любовію вдумываясь въ нихъ; потомъ постараемся уловить и частныя характеристическія свойства пѣсень каждаго отдѣльнаго Славянскаго племени, что собственно и

составляетъ главную цѣль теперешнихъ нашихъ разсужденій.

Славяне, по единогласному свидѣтельству всѣхъ писателей, иностранныхъ и туземныхъ, искони были народъ, преимущественно привязанный къ жизни *земледѣльческой*, осѣдлой, и потому миролюбивый, тихій, спокойный, уживчивый, больше всего на свѣтѣ любившій бытъ сельскій, семейственный, домашній, Напротивъ, большая часть другихъ народовъ всегда почти отличалась своимъ отвращеніемъ къ земледѣлію, предпочитая ему звѣроловство, рыболовство, скотоводство, войну, вообще жизнь скитальческую, подвижную, больше подручную, требовавшую меньшихъ трудовъ и усилій. Конечно, впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ оставили этотъ образъ жизни, полюбили земледѣліе; но другіе цѣлыя тысячелѣтія удержали его за собою, не смотря ни на какія измѣненія и перевороты. Быть можетъ и Славяне когда-нибудь, въ глубочайшей древности, при своемъ появленіи, были нечужды котораго-нибудь изъ этихъ образовъ жизни, тѣмъ болѣе, что это степени, черезъ кои каждый народъ, хотя-нехотя долженъ проходить, степени естественнаго образованія человѣка, *предѣлъ, его же не прейдеши*. Но Славяне рано прошли эти ступени первичнаго образованія, и сколько люди запомнятъ, они были уже народъ земледѣльческій, и земледѣльческій исключительно, между тѣмъ какъ другихъ народовъ Исторія застаетъ еще на которой-нибудь первой лѣстницѣ образованія, или звѣроловами, рыбаками, или стадопитателями, и т. д. Жизнь зем-

ледѣльческая граничитъ съ жизнью гражданственной, есть первый и самый вѣрный шагъ къ высшему совершенствованію; она неразлучна съ осѣдлостью, тѣснымъ общеніемъ, порядкомъ въ образѣ жизни, точнѣйшимъ распредѣленіемъ *моего-твоего*, законностію, смягченіемъ дикости, нравами тихими, привязанностію къ мѣсту жительства, къ своему пепелищу, домашнему очагу, быту семейному, дѣтскою, нелицемѣрною любовію къ природѣ и ея невиннымъ, чистымъ удовольствіямъ. У земледѣльцевъ-то показывается первоначально грамота, рукодѣлія, торговыя сношенія, зародышъ наукъ, искусствъ и художествъ: это ихъ колыбель. Все это въ большей или меньшой мѣрѣ, какъ начатки, должны были имѣть и Славяне задолго еще до принятія Христіанства, какъ народъ земледѣльческій, осѣдлый. *Левъ Мудрый* (911), руководствовавшійся сочиненіемъ *Маврикія* (602), *Strategicon*, и почти слово въ слово повторившій его извѣстія о Славянахъ, вотъ что говоритъ о привязанности ихъ къ земледѣлію: «Slavi maxime temperantiae in cibis erant studiosi, qui alios *agriculturae* labores permoleste praeterea ferrent (Tacticor. in *Kollarii* Amaenit. p. 69.).» *Экгардъ*: « In privilegiis Wirzeburgensibus mentio fit Winidorum, Slavorum, Serborum, Mainwinidorum ac Radenz-Winidorum. Mainwinidi erant, qui agros colebant ad Moenum, Radenz-Winidi, qui ad Radantiam; colebant quoque ad alios fluvios. In silvestribus locis Radantiam inter et Moenum a S. Burchardi tempore (741) Slavi Winidi ex Sorabis puto et Bohemis sedes fixerunt et terram excolerunt (L. 23 c. 7. apud Chr. *Iordan* App. Hist. p. 251).» Не упоминая

*

уже о *Тацитѣ*, сказавшемъ, что Венеды «domos fingunt» и подтвержденномъ *Іорнандомъ* и *Прокопіемъ*, приведемъ слова новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей, извѣстныхъ своимъ именемъ и благонамѣренностію, обращавшихъ особенное вниманіе на образъ жизни Славянской. *Гердеръ*, незабвенный *Гердеръ* (Ideen zu Phil. d. Gesch. d. Mensch.) говоритъ: « Allenthalben liessen sich die Slaven nieder, um das von andern Völgern verlassene Land zu besitzen, es als Colonisten, als Hirten oder Ackerleute zu bauen oder zu nutzen; mithin war nach allen vorhergegangenen Verheerungen, Durch-und Auszügen ihre Geräuschlose, fleissige Gegenwart den Ländern erspriesslich.—Sie liebten die Landwirthschaft, einen Vorrath von Heerden und Getraide, verfertigten Leinwand, pflanzten Fruchtbäume. «*Пфистеръ* (J. C. Gesch. d. Teutsch., Hamb. 1829. B. I. S. 341, 4, 9.):» Wie sich die Germanen als Krieger in die römischen Provinzen getheilt, so sind dagegen die Slaven als friedliche Anbauer in die verlassenen teutschen Länder hereingekommen. In Teutschland ist ihre geräuschlose Niederlassung und ihr stiller Fleiss von den wohlthätigsten Folgen gewesen. Auch später sind noch Kolonisten von ihnen geholt worden, und man hat gewisse Aecker, nach ihrer Art zu pflügen *windische Beeten* genannt. Sie wollten lieber steuerpflichtig werden, wenn sie nur ihr Land mit Ruhe bauen dürften.—Da die Slaven wegen ihrer Arbeitsamkeit und Erfahrung in der Landwirthschaft gerne als Kolonisten aufgenommen wurden, so sind auch, besonders in diesem Fache manche Wörter aus ihrer Sprache in die teutsche übergangen. Къ такимъ словамъ принадлежатъ: *плугъ* (Pflug), *бичь* (Peitsche), *сєло*,

селеніе, *сидло*, (Siedelhof, ansiedeln), *тынъ*, *тынить* (Zaun, zäunen), *работа* (Rabatten), *стодола* (Stadel), и множ. друг. (См. Выкл. ку Сл. Дцер. стр. 93). Въ Журналѣ *Jsis*, издав. *Океномъ* (1823. Т. 5 л. 1.): Es ist geschichtlich erwiesen, dass die Slaven früher als die Deutschen von dem wilden Nomaden leben, zum bleibenden Stand der Landwirthschaft übergegangen, und sich darin den Ruf einer besondern Erfahrung erworben. Insonderheit wo es darauf ankam ganze Striche auszureuten und urbar zu machen, suchte man in Franken ganze Slavenstämme, als die geschicktesten herbeizubringen.–Sie gaben den neuen Pflanzungen, Wäldern, Flussen, slavische Namen, die in der deutschen Sprache bis an den heutigen Tag wieder zu erkennen sind». Впрочемъ, не одни только Нѣмцы научились отъ Славянъ земледѣлію и приняли ихъ слова по этой части въ свой языкъ, но и Мадьяры: Magyari, vita nomadica relicta, et sede in Panonia fixa,—говоритъ Стеф. *Лешка* (Elenchus vocab. Eur. Budae. 1825. p. 25.),—arationem primum apud Slavos conspexerunt ab iisque eam didicerunt. Inde factum est eos vocabula barázda, borona, eszteke, gereblye, kapa, kasza, villa, boronálni, kapálni, kaszálni, aliaque ab iisdem suscepisse. «Изъ иноземныхъ писателей: *Лингартъ* (Gesch. v. Krain T. II. S. 330.):» Die Slaven waren es, welche die Wildnisse im Süden Deutschlands, das ehemalige Karantanien, in tragbares Ackerland umschufen. Dass dieses sogar in Oberösterreich der Fall war, ist aus einer Urkunde Karls des Grossen zu ersehen. Terra illa, quae est infra locum, qui vocatur Forst ad Todicha et Sirnicha, quam illi Slavi *colluerunt* et *cultam* fecerunt (Ex dipl. monast. Cremif).»

Суровѣцкій (Sledz. pocz. nar. słow.) «Inne zdobywcze narody wprawione do życia wojennego, przelatywały z mieysca na mieysce w przerażających, tłumach, szukając nieprzyjaciół na to tylko, żeby ich gniębić, i wydzierać gotowe łupy; słowianie niestraszni z oręża, łagodni z przyrodzenia, przez wolne wędrówki szukali jedynie ziemi, którąby potem własnego czoła upłodniać mogli.... Słowianie należeli zdawna do rzędu narodów stale osiadłych, i różnych od pastersko-tułaczych.... Téy to panującey skłonności do prac rolniczych, téy cnocie, jak ją słusznie na owe wieki nazwać możemy, przypisać należy: że Słowianie i mniéy doświadczali podeźrzliwych zazdrości od swoich sąsiadów, i wszędzie u nich, a nawet u nieprzyjaciół chętne znaydowali przyjęcie.... Z taką właśnie skłonnością i usposobieniem do rolnictwa wyszły narody Słowianskie z piérwotnych swoich siedlisk; i jeźli niektóre z nich w ciągu wędrówki, bawiły się czas niejaki orężem, to tylko dla tego, żeby osiągnąć pustą ziemię i zamienić ją w płodną.» Будучи столько привязаны отъ природы къ земледѣлію, Славяне тѣмъ не менѣе были воинственны, не уступали другимъ народамъ ни въ мужествѣ, ни въ любви къ самобытности, свободѣ, хотя сами по себѣ были народъ миролюбивый. Они никогда не предпринимали войнъ изъ страсти къ оружію, изъ желанія похвастать своимъ удальствомъ, силою пожать посѣянное и взлелѣянное чужими руками, отнять нахально, по праву сильнаго, принадлежащее слабѣйшему, покорить чужеземца и сдѣлать его своимъ рабомъ, данникомъ, а самимъ, между тѣмъ, предаваться на счетъ другаго покою и бездѣйствію, нѣ-

жить и холить себя. Напротивъ, они примѣромъ своимъ доказали, что владѣя сохою и серпомъ, также хорошо владѣютъ и мечемъ. Римъ, Греція, Нѣмцы, вѣчные сосѣди-соперники, притѣснители и враги 1), и другіе Азіятскіе выходцы, испытали на себѣ силу ихъ мышцъ, удары ихъ перуна. Только Славяне оставляли свой плугъ, мѣняли серпъ на дубину, копье, мечь, и т. д., предпочтительно въ крайнихъ обстоятельствахъ, когда требовалось отстоять свои поля, защитить свою собственность отъ наглыхъ притязаній кого бы то ни было, охранить себя отъ обиды другихъ, оградить свои права и независимость. Они никогда не раздвигали предѣловъ своихъ владѣній оружіемъ, довольствуясь доставшимся имъ отъ ихъ отцевъ и праотцевъ, и въ случаѣ тѣсноты обитаемой ими страны, переходили въ другую, смежную, когда она или вовсе

1) *Гердеръ* (Ideen z. G. d. M. 1792. T. 4. S. 38.) Mehrere Nationen, am meisten aber die vom Deutschen Stamme, haben sich an den Slaven hart versündigt. *Вольтманнъ* (Gesch. d. Teutschen in d. Sächsischen Periode. I. Th. Gött. 1798.) Es scheint Sitte bei den Teutschen gewesen zu seyn, dass sie ein Slavisches Volk angriffen, so baldes ihnen in den Sinn kam einen kriegerischen Zug zu unternehmen. Die Grausamkeit und Verachtung, womit ihre Ueberwinder sie behandelten, reitze sie unaufhörlich das Joch derselben abzuwerfen.—*Пфистеръ* (Gesch. d. Tentschen, Hamb. 1829. S. 345.): Nie haben Teutsche und Slawen sich als Brüder angesehen, ja nicht einmal als Halbbrüder. Wenn sie auch gegen den gemeinschaftlichen Feind mit vereinter Macht ausgegangen sind, so zeigt sich doch eben sobald wieder gegenseitige Abneigung, selbst Hass und Verachtung, und die Geschichte wird es bekennen, wie gar stiefbrüderlich die Teutschen ihre Slavischen Nachbarn behandelt haben.—*Луденъ* (Gesch. B. III. §. 241.): Zwischen den Slavischen Völkern und den Deutschen bestand, neben der

еще не была занята никѣмъ, или же оставлена своими жильцами. Въ противномъ случаѣ, поселялись въ ней, испросивъ напередъ согласіе ея владѣтелей, полюбовною сдѣлкой пріобрѣвъ ее себѣ. Вотъ, между прочимъ, отзывы древнихъ и новыхъ писателей о храбрости, любви къ свободѣ Славянъ. *Маврикій:* Slavorum gentes et Antum.... *libertatem* quoque colunt, nec ulla ratione ad serviendum vel parendum persuadentur, maxime in regione propria fortes tolerantesque; melius putabant ab indigenis suis violari, quam Romanis parere et sub eorum legibus vivere. Populosa natio est, omnium aerumnarum patiens, calores, frigora, pluvias, nuditatem, commeatus et rerum necessariarum inopiam facile perfert. Neminem ferunt imperantem.... sustinent facile frigus et calorem, et nuditatem corporum et penuriam. *Левъ Мудрый:* Slavorum gentes et ingenuae atque *liberae*, quibus servitus et subjectio nulla unquam ratione potuit persuaderi.... Romani saepe Slavorum populationibus infestabantur et bella multa ab illis illata sustinebant. *Витихиндъ*, родомъ Нѣмецъ, нелюбившій Славянъ, отдаетъ, также, справедливость имъ: Slavi bel-

volksthümlichen, auch noch eine religiöse Feindschaft. Это говорятъ сами Нѣмцы о себѣ.—Principes Germanorum, — говоритъ Поморскій Князь *Прибиславъ* у Гельмольда (с. 83.)—tanta severitate grassantur in nos, ut propter vectigalia et servitutem durissimam, melior sit nobis mors, quam vita.—*Бальбинъ*, Чехъ, (Dissert. apol. pro ling slav. Pragae 1775. p. 11. 19.) Fatale est genti Teutonum linguas regionum mutare, aut penitus abolere. Saevius et inhumanius, ut mollissime dicam, apud Saxones actum cum Venedis; nam Saxones advenae, *Slavorum natura inimici*, hos antiquae simplicitatis homines, quibus possent artibus, opprimere statuerunt; ac primum duces Slavorum divisere discordiis, tum dissimulato universae nationis odio, divisos sunt agressi.

lum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae *libertati* postponentes. Transeunt sane dies plurimi his pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro *libertate* ac ultima seruitute varie certantibus (Ann. L. 2.). *Фабриціи* (Orig. Sax. L. 3.): Slavos mori maluisse, quam servitute premi, in qua nec animi essent quieti, nec fortunae tutae, nec corpora periculorum vacua. *Бейтеръ* (Discep. Hist. c. 1. p. 29.): De celebriore et potentiore gente quam Slavica nullibi legitur in historicis; quae olim totam orientalem fere Europae plagam continuerit, ita, ut si iisdem modis regna quibus occupantur, etiam tenerentur, Slavi omnium jam essent populorum potentissimi et *totius mundi Domini*. *Гаусдорфъ* (Orig. ling. Sorab. Praefat):

> Si par virtuti Slavis fortuna fuisset,
> Orbis adoraret Slavica sceptra tremens.

Словомъ: Plena,—говоритъ Бель (Praef. къ Долеж. Грамм.)—de Slavorum antiquitate, bellis, victoriis, variante item fortuna, atque susceptis magrationibus sunt apud maxime idoneos scriptores omnia. *Антонъ* (Versuch üb. die al. Sl. I. S. 32.): Dass Tapferkeit die Slaven auszeichnete, ist wohl nicht erst zu erinnern nöthig, denn ohne dieselbe, hätten sie nie die Besitzer der grossen Länder werden können, die sie zum Theil noch haben. *Лингартъ* (Gesch. v. Krain. T. II. S. 211.): Die Slavische Nation fühlte ihren Werth und handelte nach diesem Gefühle. Sie liebte ihre Freyheit und vertheidigte sie gegen ihre Unterdrücker mit einer Verzweifung, die ohne Beispiel war.

Отсюда и Поэзія Славянъ, народа издревле, во всѣхъ

своихъ вѣтвяхъ и подраздѣленіяхъ земледѣльческаго, проводившаго жизнь свою съ такимъ постоянствомъ и любовію въ объятіяхъ природы, такими неразрывными узами привязавшагося къ быту простому, сельскому, народа, уже по той степени, которую занимаетъ онъ въ лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія, не дикаго, но и не испорченнаго еще успѣхами въ гражданственности, стоящаго на благодатной рединѣ, столько желанной и искомой всѣми нами, вышедшаго уже изъ міра младенчества, но не успѣвшаго еще разочароваться своею юностію, Поэзія такого народа должна неизбѣжно быть отраженіемъ жизни его, запечатлѣнной возможной гармоніей между имъ и его матерью, природой, въ коей здравой умъ и фантазія не исключаютъ другъ друга, не ссорятся, но находятся въ счастливомъ равновѣсіи. Эта Поэзія — плодъ простой, неискаженной природы, картина помысловъ, чувствъ, нравовъ и дѣяній людей, не раззнакомившихся еще съ питавшею ихъ въ дни нѣжнаго младенчества, для коихъ она не мачиха, но мать, *веселящаяся о чадѣхъ своихъ*. Оттого всѣ изліянія ихъ чувствъ, всѣ ихъ пѣсни дышатъ чистѣйшею любовію къ природѣ; оттого въ пѣсняхъ ихъ такое богатство образовъ; оттого они для каждаго движенія сердца своего такъ легко находятъ въ природѣ вполнѣ выражающее его изображеніе; оттого въ Поэзіи ихъ все такъ ясно, понятно, естественно, все такъ идетъ къ дѣлу, потому что « они не мудрятъ, не потѣютъ, сочиняя свои пѣсни; у нихъ пѣсни выростаютъ сами, какъ цвѣты на поляхъ зеленыхъ, и

ихъ такое множество, какимъ не можетъ похвалиться ни одинъ народъ въ свѣтѣ 1).»

«Зпѣванкы, 2, гдѣ сте са вы взалы,
Чи сте зъ неба падлы, чи сте раслы въ гаи?»

спрашиваютъ сами Славяне (Словаки) свои пѣсни, гдѣ онѣ взялись, откуда пришли къ нимъ?

«Зъ неба сме непадлы, въ гаи сме нерастлы»

отвѣчатютъ имъ пѣсни;

«Але насъ младенци (2), а дѣвченце нашлы.»

Въ пѣсняхъ ихъ вы не найдете «людей властолюбивыхъ, жестокихъ, страстныхъ ко всему необычайному, привязанныхъ къ мечтамъ собственнаго воображенія, которое, среди безмолвія за́мковъ, среди пустынныхъ обиталищъ, окружаетъ ихъ вѣдьмами и призраками чародѣйства, и которое возбуждаетъ въ нихъ страсть единственно ко всему необычайному; напротивъ, въ пѣсняхъ ихъ увидите людей далекихъ отъ желаній причудливыхъ и странныхъ, отъ страстей буйныхъ и насильственныхъ, имѣющихъ воображеніе не своевольное и не разстроенное, способныхъ къ постоянному совершенствованію своихъ нравовъ и вкуса (*Каз. Бродзинскій*, въ письмѣ къ Редактору Варшавскаго журнала. См. В. Е. 1826. N XIII.).» А все это отъ того, что Славяне, подобно древнимъ (Индійцамъ, Египтянамъ, Персамъ, Евреямъ, Эллинамъ) и нѣкоторымъ новѣйшимъ народамъ, «воспитали себя, не касаясь чужеземцевъ, подъ небомъ

1) *Шафарикъ.*
2) Юноши, парни.

и на почвѣ своего отечества, въ полнотѣ мужественной силы, влiявшей въ члены ихъ питательнѣйшіе соки. Все, что было народнымъ и патріотическимъ, имѣло у нихъ великій характеръ единства: ибо чужеземное противодѣйствіе не предшествовало развитію отечественной самобытной цивилизаціи. « И въ самомъ дѣлѣ, « въ вѣка и тысячелѣтія Древности, народныя поколѣнія были тѣснѣе связаны между собою и съ своею отечественною почвою, мѣстность имѣла большое влiяніе на особенность народовъ и Государствъ. Вотъ почему эти народы въ малой сферѣ своей, но совершенной и гармонической по явленіямъ, достигли цивилизаціи съ прекрасными формами и историческимъ характеромъ, даже лучше, опредѣлительнѣе выраженнымъ, нежели во времена новѣйшія (*Риттеръ*. См. Объ историческомъ началѣ въ Географіи. Ж. М. Н. П. 1836. N IX. стр. 581-2.). Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ жизни Славянъ, при такихъ природныхъ ихъ свойствахъ и характерѣ, и ихъ естественная Поэзія неминуемо должна быть зеркаломъ жизни *дѣйствительной*, жизни по преимуществу, жизни, въ коей духовное и матеріальное, свѣтлый, здравый умъ и вѣрное, истинное чувство, внутреннее и внѣшнее, выражаемое, задуманное, и выражающее, творящее и творимое, не пересиливаютъ, не подавляютъ одно другаго, но совпадаютъ во всѣхъ точкахъ, проникаютъ другъ друга, но соединены тѣмъ чрезвычайно рѣдкимъ, счастливымъ союзомъ, отъ котораго въ жизни человѣческой зависитъ благо наше, каждой единицы и всѣхъ вообще, а въ Поэзіи — ея совершенство, красота, изящество. Такимъ обр.

Поэзія Славянъ — Поэзія жизни дѣйствительной, жизни въ полномъ смыслѣ этого слова, жизни, принимаемой «не какъ простое условіе развитія духовнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляющей и средство и цѣль бытія, вершину и корень всѣхъ отраслей умственнаго и сердечнаго просвѣщенія.» Поэзія, въ коей содержатся не одни только вымыслы ума, безъ всякаго соотвѣтствія съ дѣйствительностію, равно и не такая, въ которой дѣйствительность перенесена во всей ея наготѣ, представляющая бытъ житейскій съ рабскою точностію; напротивъ Поэзія, непротиворѣчащая ни одному изъ двухъ міровъ — ни идеальному, ни дѣйствительному, не отдающая ни тому, ни другому исключительнаго предпочтенія; въ ней оба они присутствуютъ въ строжайшей соразмѣрности, законы обоихъ ихъ уважены; по нимъ столько исполнено, сколько требовалось, сколько нужно было исполнить; въ ней все дышетъ, все навѣваетъ дѣйствительной жизнію. Внимая такой Поэзіи, невольно говорите себѣ: «Такъ есть! такъ точно, дѣйствительно должно быть!» Эта Поэзія всегда возбуждаетъ васъ къ дѣйствію, заставляетъ жить жизнію вполнѣ, на самомъ дѣлѣ, потому что она сама сдружилась съ жизнію, вытекла изъ нея, есть плодъ жизни, такъ сказать, *прожитой*. Къ этой Поэзіи всѣ мы теперь такъ жадно стремимся, между тѣмъ какъ предки наши давнымъ давно имѣли ее, ее, представляющую собой въ одно и то же время усовершенствованный идеалъ естественной Поэзіи и дѣятельнаго смысла Славянъ. И этому такъ слѣдовало быть. Народъ земледѣльческій, про-

вождающій всѣ дни свои въ трудахъ и занятіяхъ, вовсе почти не имѣетъ времени предаваться праздности и лѣни, невольно пріобрѣтаетъ наклонность къ положительному, направленіе дѣятельное, обращающееся ему послѣ въ природу; у него нѣтъ досуга играть мечтами своего воображенія, забавляться нестройными его созданіями, строить другой какой-то небывалый, невѣроятный міръ, и, отъ нечего дѣлать, переселяться въ него; напротивъ, находясь въ состояніи общества самомъ желательномъ, самомъ нестѣсненномъ, гдѣ требуется безпрестанная дѣятельность, онъ, по тому самому, все взвѣшиваетъ дѣломъ, на все смотритъ глазами дѣятельнаго смысла, и неиначе привыкъ поступать, какъ *дѣлая дѣло*. А такъ какъ жизнь земледѣльца ни на мгновеніе не отрывается отъ природы, что бы ни дѣлалъ, куда бы ни взглянулъ, всюду видитъ ее, и одну ее, то отсюда и Поэзія его вся унизана, перевита, усыпана самыми прелестными, непостижимо—вѣрными, изящными образами природы, словно долины благословенной Греціи, роскошно усѣянныя дивными, вѣчно благоухающими цвѣтами. Онъ во всякое время бесѣдуетъ съ нею, какъ своею нѣжнѣйшею матерью, всегда готовою выслушать своего сына, порадоваться его радостью, погоревать его горемъ. И потому, повторяемъ, при такомъ направленіи жизни Славянъ къ положительному, ко всему дѣйствительному, и Поэзія ихъ запечатлѣна тѣмъ же самимъ характеромъ, дышетъ духомъ ихъ природы, ихъ свойствъ, духомъ внутренней и внѣшней жизни, выразившейся стремленіемъ къ дѣйствительности.

Какъ хорошо, вѣрно понималъ эту Поэзію пламенный *Колларъ*:

«Целе небе славске напелнюе
Неенъ гармоніе музицка
А съ ни зпеву звучность надлидска,
Ктера сардце дивнѣ окузлуе!...

Таковъ, по нашему мнѣнію, общій характеръ всей народной Поэзіи Славянъ, рѣзко отличающій ее отъ Поэзіи другихъ народовъ и дающій ей полное и законное право на одинакую съ прочими самобытность. Она, какъ и слѣдуетъ Поэзіи каждаго, самостоятельнаго по происхожденію и жизни своей, народа, непохожа ни на какую другую Поэзію, ни своихъ сосѣдей и однокровныхъ, ни отдаленныхъ и чуждыхъ народовъ, исключая, развѣ, той черты сходства, которою сближается все, что возникаетъ изъ нѣдръ одного и того же начала, получаетъ бытіе отъ тождественной причины. Нѣкоторые Поэзію Славянъ почитаютъ заодно съ Поэзіей Грековъ. Какъ ни лестно такое тождество для насъ, но оно несправедливо, основываясь на поверхностномъ знакомствѣ съ той и другой Поэзіей. Согласны, Поэзія новыхъ Грековъ, точно, своимъ духомъ и вообще всѣмъ составомъ сильно дышетъ Славянщиной, и это потому, что нынѣтніе Греки, по розысканіямъ нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ ученыхъ, не что иное, какъ *огречившіеся* Славяне, принявшіе чуждый языкъ, но удержавшіе свой Славянскій духъ и пріемы. Но чтобы Поэзія древне-Греческая была одинакова съ Славянскою, это рѣшительно ложно. Если есть

между ними какое сходство, такъ это то самое, о которомъ мы сей часъ только что сказали, сходство обще-человѣческое; далѣе то, которое замѣчается между народами, какъ и между ихъ единицами, поставленными Судьбою въ одинакія положенія, провождающими одинакую жизнь. Тутъ вся оригинальность зависитъ не отъ сходства предметовъ, составляющихъ занятіе, но отъ образа проявленія себя въ занятіи, отъ пути и пріемовъ трактованія ихъ. Всѣ, коимъ суждено дожить до глубокой старости, проходятъ степени жизни человѣческой; но юность, возмужалость, и т. д., одного человѣка, отличаются отъ юности, возмужалости другаго, получая свой характеръ отъ своего недѣлимаго: Quemque sua voluntas trahit; Quisque suae vitae semina jacta metit (Fort.). Такъ и здѣсь. Жизнь древнихъ Грековъ и Славянъ была одинакова — земледѣльческая; оттого Поэзія обоихъ ихъ, точно, носитъ на себѣ печать дѣйствительности, Поэзія дѣйствительнаго міра; но это сходство, это сродство, — въ общихъ чертахъ; все дальнѣйшее у того и другаго народа—свое, самобытное, условленное особымъ характеромъ своего народа, его судьбою, образомъ выраженія жизни, нравами, обычаями, мѣстностью, климатомъ, и т. д. Въ Поэзіи Грековъ, по общему сознанію всѣхъ знатоковъ ея, преобладаетъ форма надъ идеей; напротивъ, въ Поэзіи Славянъ форма и идея находятся въ гармоническомъ соотношеніи между собою, соразмѣрномъ сліяніи, проникновеніи другъ друга; форма и идея не подавляютъ одна другой, но уравновѣшиваются; первая потому, что она не переходитъ за

предѣлы видимаго міра и, оттого, удобно облекается въ форму; форма потому, что она выражаетъ идею столько, сколько должна выразить, ни больше, ни меньше. Отсюда видно, что Поэзія Славянъ занимаетъ счастливую средину между Поэзіей Грековъ и Поэзіей прочихъ Европейскихъ народовъ, у которыхъ идея преобладаетъ надъ формой, у которыхъ форма разсыпается на части для того, чтобы помощію разнообразія выразить хоть сколько-нибудь идею: слѣдствіемъ этого бываетъ неопредѣленность, туманность, неограниченность воображенія, и т. д. Такое направленіе, духъ Поэзіи Греческой, Славянской и остальныхъ Европейцевъ не есть дѣло просто случая; напротивъ, оно—плодъ совокупности всѣхъ условій народнаго образованія, имѣетъ основаніе свое въ тѣхъ обстоятельствахъ, соединеніе коихъ порождаетъ народный характеръ, установляетъ его навсегда. Выборъ той или другой Словесности, той или другой Поэзіи народами зависитъ не отъ прихоти, не отъ предварительнаго соглашенія между собою, не отъ намѣреннаго соображенія и предусмотрительности, заблаговременной, на досугѣ сдѣланной смѣты, чего имъ будетъ стоить, каковы будутъ послѣдствія, выгоды и невыгоды, если они дадутъ тотъ или иной путь дѣятельности своего духа, своей Литературѣ. Напротивъ, она условливается, совершенно опредѣляется, еще при самомъ началѣ ихъ самостоятельнаго бытія, свободно, необходимо развивающагося по своимъ собственнымъ законамъ, точно по такимъ же, по какимъ совершаютъ весь кругъ своей жизни существа органи-

ческія, повинующіяся безпрекословно своимъ уставамъ и однажды на всю вѣчность опредѣленному ходу. Какъ жизнь каждаго человѣка есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе полученныхъ имъ даровъ отъ Природы, добрыхъ свойствъ и недостатковъ, сѣмена коихъ условливались уже самимъ его рожденіемъ, какъ жизнь всякаго изъ насъ есть болѣе или менѣе удачная жатва этихъ возрастающихъ, зрѣющихъ сѣменъ, подбираніе плодовъ ихъ, такъ, именно, и жизнь цѣлаго народа и всего, что ни принадлежитъ ему, есть, тоже, не что иное, какъ безпрестанное проявленіе того начала, на коемъ, какъ на своемъ основномъ камнѣ, заложено зданіе всего предыдущаго его существованія. Начало это, какъ мы выше сказали, зависитъ отъ первобытнаго образа жизни, первоначальной самостоятельности народа. И въ самомъ дѣлѣ, что такое былъ древній Грекъ? Имѣлъ ли онъ время и случай глубоко заглядывать въ самого себя, отвлекаться отъ окружавшаго его міра, распоряжаться полномочно чувственнымъ, внѣшнимъ? Окруженный со всѣхъ сторонъ прелестнѣйшею природой, представляемой ему кромѣ того самою его религіей въ крайне-плѣнительномъ видѣ, провождая всѣ дни подъ открытымъ небомъ, занимаясь дѣлами въ глазахъ всѣхъ согражданъ, публично, могъ ли онъ при такомъ образѣ жизни, протекавшей на такомъ поприщѣ, гдѣ все кипѣло дѣятельностію, бурно мчалось, само не понимая куда, не имѣя досуга обдумать основательно въ вихрѣ всеобщаго стремленія и напора, могъ ли, спрашиваемъ, древній Грекъ не поддаться обаянію окружавшаго

его порядка вещей, сохранить власть надъ *внѣшнимъ*, устоять противъ его могущества? Могъ ли онъ, пластикъ отъ колыбели своей, по рожденію и положенію, свободно располагать *формой*, когда его помыслы и чувства, находясь въ непрерывномъ столкновеніи съ великолѣпнымъ міромъ, такъ легко отыскивали въ немъ свое выражающее, покровъ свой, одежду для себя, такъ непринужденно отливались въ соотвѣтствующіе имъ изящнѣйшіе образы, представлявшіе выражаемое въ самомъ чувственномъ, осязаемомъ видѣ?... Другое, совсѣмъ другое, былъ первобытный Германецъ. Онъ, житель мрачнаго Сѣвера, взросшій въ своихъ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ прежде собою всю его родину, на кои смотрѣлъ онъ какъ на святыню, питалъ родъ суевѣрнаго уваженія, и отъ коихъ даже желѣзное мужество Римлянъ трепетало, Германецъ, провождавшій жизнь свою въ этѣхъ дубровахъ и чащахъ, занимался, естественно, одной только охотой, пріучавшею его къ отважнѣйшимъ предпріятіямъ, пренебрегая всѣ другія занятія, какъ несогласныя съ его понятіями о своей личной независимости и свободѣ. Оттого даже земледѣліе, столько любимое Славянскими племенами, онъ предоставлялъ своимъ рабамъ и невольникамъ, прибѣгая къ нему, развѣ, въ самой крайней нуждѣ. И такъ какъ лѣсъ не представлялъ ему собой на одномъ мѣстѣ достаточнаго жилища, то онъ безпрестанно скитался по нему и часто выселялся въ плодороднѣйшія области своихъ сосѣдей; но и здѣсь не могъ оставаться долгое время, скучая по своимъ чащамъ и озерамъ, не имѣя терпѣнія перене-

сти однообразіе осѣдлой жизни, и потому скоро возвращался въ лѣсъ, и, так. обр., былъ вѣчнымъ скитальцемъ даже на своей родинѣ. Лѣсъ пробуждалъ и поддерживалъ въ немъ это романтическое чувство, противу воли гнавшее его съ мѣста на мѣсто, въ какую-то неясную даль; лѣсъ, разъединяя его съ своими одпородцами, заставлялъ его жить по своему, превращать охоту въ войну, и съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ характеру его то непреодолимое стремленіе къ чудесному, необыкновенному, сверхъестественному, за которымъ съ такою жадностію онъ гонялся вездѣ, и которое, даже и теперь, такъ нравится Нѣмцу. Провождая большую часть своего времени въ одиночествѣ, безпрерывно внимая шуму своихъ вѣковыхъ лѣсовъ, онъ непринужденно входилъ въ самого себя, предавался думамъ и мечтаніямъ, позволялъ своей Фантазіи далеко по поднебесью носиться на своихъ, незнавшихъ усталости, крыльяхъ, гордо ширять въ воздушной глубинѣ; и его помысламъ и мечтамъ не было границъ: они были неопредѣленны, мрачны, унылы, исполинскаго размѣра. Отсюда Поэзія его блещетъ безчисленнымъ множествомъ разнообразныхъ выраженій; отсюда въ ней замѣчаете необузданный полетъ Фантазіи, вѣчное усиліе формы содѣлаться безконечною, чтобы выразить собой какъ можно ближе, хоть нѣсколько, безконечность самой идеи. Слѣдовательно, тутъ форма необходимо должна была подчиниться идеѣ, распасться на нѣсколько частей, и своимъ разнообразіемъ и многосторонностію, своимъ числомъ, соперничать съ мыслію, безъ надежды

когда-нибудь одержать надъ ней побѣду. Грекъ, обставленный отвсюду роскошною природой, легко находитъ въ ней образы для своихъ думъ и чувствъ; формы, самыя разнообразныя, самыя изящныя, добровольно, такъ сказать, идутъ ему въ руку, осаждая его на каждомъ шагу. Напротивъ, Нѣмецъ, проживштій весь свой вѣкъ на дикомъ, скудномъ Сѣверѣ, въ своихъ лѣсахъ, навѣвавшихъ на него своимъ шумомъ мрачность, задумчивость, гнавшихъ его войти въ самого себя, естественно долженъ былъ заключиться, сосредоточиться въ своей сердечной глубинѣ. Его идеи, лишенныя возможности проявить себя въ богатыхъ образахъ своей бѣдной природы, облекались въ формы простыя, которыя отъ безконечности первыхъ и сами получали неопредѣленность, становились менѣе осязаемыми, необъятными, совершенно подчинялись имъ: идея подавляла форму, преобладала надъ нею, владычествовала самодержавно, неограниченно. Что же Славянинъ? «Славянинъ, кажется, отъ самой природы наслѣдовалъ склонность больше къ общественной дѣятельности и веселому провожденію жизни, чѣмъ къ мрачному унынію и головоломнымъ созерцаніямъ; здоровая, чистая, свѣжая кровь, струящаяся въ его жилахъ, сообщаетъ ему ту упругость и раздражительность мускуловъ и нервъ, то проворство и ловкость членовъ, ту ясность и пылкость взгляда, ту быстроту и пріятность движеній, ту говорливость языка, то радушіе и горячность сердца, которыми преимущественно и по всему праву отличается Славянинъ предъ остальными народами. И все это отнюдь

не есть плодъ воспитанія, образованія, упражненія, но просто дѣло природы (Gesch. d. S. Spr. u. Lit. S. 51—2).» Придайте къ этимъ дарамъ природы еще любимый образъ жизни Славянъ, о которомъ мы говорили выше такъ подробно, эту страсть ихъ къ земледѣльческому, сельскому быту, природу окружающую ихъ, природу не угрюмаго, грознаго, хладнаго, скупаго Сѣвера, не бѣдную, чахлую, равно какъ и не природу знойнаго, веселаго, смѣющагося Юга, Юга Греческаго, воздухъ, дышащій благоуханіемъ ароматовъ, землю, покрытую блистательнѣйшими цвѣтами, вѣчно зеленѣющими деревьями и богатыми произрастеніями, напротивъ природу Славянскаго міра, ни богатую, ни бѣдную, всю заключенную въ умѣренномъ поясѣ, отличающемся благораствореніемъ, своею строгою во всемъ соразмѣрностію, гармоніей. Наконецъ, присоедините сюда ту умѣренность въ желаніяхъ, то довольство малымъ, необходимымъ, ту незаносчивость въ поступкахъ и начинаніяхъ, опирающіяся всегда на благоразуміи и здравомъ смыслѣ, отличительномъ свойствѣ Славянъ во всякое время и во всякомъ положеніи: тогда вы поймете, отчего и въ Поэзіи ихъ, какъ вѣрномъ отраженіи ихъ жизни, вездѣ видно строгое соотношеніе, гармонія между идеей и формой, между мыслію, чувствомъ и ихъ образомъ, ихъ выраженіемъ, отчего ни та, ни другая не подавляютъ другъ друга, напротивъ проникаютъ себя взаимно, во всѣхъ точкахъ своего соприкосновенія, сливаются, и, так. обр., образуютъ цѣлое гармоническое, истинно изящное твореніе.

Изложивши предварительно, по крайнему своему разуменію, основанному на внимательномъ, отчетистомъ и совѣстливомъ изученіи, общій духъ, главное направленіе и отличительныя свойства народной Поэзіи Славянъ вообще, мы теперь попытаемся означить, какъ эта основная идея проявлялась *въ частномъ*, какъ она въ немъ высказывала себя, какъ каждое Славянское племя выражало ее въ своей собственной, такъ сказать, *домашней* Поэзіи, въ какіе образы она облекалась у нихъ, какія принимала формы, *частное* направленіе, не измѣняя себя, удерживая свою сущность; однимъ словомъ: какой характеръ и другія знаменательныя черты Народной Поэзіи, или, что все равно, пѣсень каждаго отдѣльнаго Славянскаго племени? Въ чемъ онѣ сходятся и отличаются между собою въ дальнѣйшихъ подробностяхъ? какую тему каждый изъ Славянскихъ народовъ бралъ себѣ и распѣвалъ, и въ какую одежду облекалъ ее? Частный характеръ Поэзіи есть необходимое слѣдствіе общаго ея духа, который, какъ уже и выше было замѣчено, зависитъ отъ духа народа, порожденнаго его жизнію, обстоятельствами, сопровождавшими его существованіе и выработавшими его *личный*, ему одному только принадлежащій, свойственный, характеръ. Слѣдовательно, чтобы уловить частнѣйшія отличительныя свойства Поэзіи народа Славянскаго, иначе собственный характеръ Поэзіи каждаго его племени, нужно разоблачить всю прежнюю и настоящую жизнь народа, со всѣми ея оттѣнками. Гдѣ же ключь къ этому? Въ самой Поэзіи народа, въ его пѣсняхъ, потому

что Поэзія, какъ извѣстно, предпочтительно есть самое вѣрнѣйшее, самое безпристрастнѣйшее и основательнѣйшее изображеніе, отпечатокъ образа бытія своего народа, какъ своего виновника. Народъ не можетъ взводить на себя небылицъ, воспѣвать въ своихъ пѣсняхъ чужую жизнь, чужія дѣянія, помыслы и чувствованія, выдавать за свои. Нѣтъ, въ нихъ онъ изображаетъ то, что самъ испыталъ собственнымъ своимъ опытомъ, что ему выпало на его долю, что онъ встрѣтилъ на своемъ жизненномъ пути, что онъ *пережилъ своею жизнію*....

Начнемъ.

I. *Чехи*, изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ на Западѣ Европы, долѣе и мужественнѣе прочихъ боролись съ Нѣмцами, покушавшимися вытѣснить ихъ изъ ихъ родины или, по крайней мѣрѣ, овладѣть и онѣмечить, точно также, какъ они сдѣлали это съ несчастными при-Балтійскими, Браниборскими, и др. Славянскими племенами. Вся ихъ исторія, вся ихъ жизнь, представляетъ собою непрерывную цѣпь безпрестанныхъ, неумолкаемыхъ споровъ, браней и войнъ съ своими сильными сосѣдями, столько настойчивыми, по самой природѣ своей, въ задуманномъ и начатомъ однажды дѣлѣ, систематически губившими и переводившими инородцевъ, обратившихъ по какому бы то ни было поводу на себя ихъ негодованіе, гнѣвъ. Но какъ ни постоянны были Нѣмцы въ своихъ натискахъ, какъ ни неутомимы и разнообразны въ борьбѣ съ Чехами, но тутъ встрѣтили истинно Славянское мужество, стой-

кость и крѣпость. Огражденные со всѣхъ почти сторонъ горами и лѣсами, занимая выгодное мѣстоположеніе и питая страстную привязанность къ своему языку и всему родному Чехи, несмотря на свою малочисленность и всестороннее сосѣдство Нѣмцевъ 1), несмотря, даже, на сильную приверженность къ Нѣметчинѣ многихъ своихъ Князей и Королей 2), тѣсныя ихъ связи съ Нѣмецкой Имперіей, бодро, неусыпно отстаевали свою *дѣдину*. Можно судить, какихъ усилій стоило имъ удержать за собою отчизну, сохранить свою народную самообразность, не переродиться въ Нѣмцевъ, можно судить о долговременности ихъ напряженій и противуборства этимъ послѣднимъ по словамъ одного Чешскаго витязя IX вѣка (см. Краледв. рук.), въ которыхъ онъ жалуется на то, что

«, , , Пріиде цузи
усилно въ дѣдину
и цузими словы
. . . заповида,»

что имъ, еще тогда, нельзя было уже сказать своему товарищу:

« Батіо 3), ты млуви къ нѣмъ (дѣтямъ)
отецкыми словы. »

Тѣснимые отъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ постоянно

1) Еще Князь за-Лабскій говоритъ (въ Краледв. рук.): «Вездѣ намъ сусѣде нѣмци.»

2) Владиславъ 1-й, Собѣславъ 2-й, Фридрихъ 2-й, Премыслъ Оттокаръ, Вацлавъ 1-й, Оттокаръ 2-й, Янъ Люксембургскій, и др.

3) Братецъ!

одними и тѣми же врагами, они имѣли полное право говорить свѣтилу небесному:

«Ай ты слунце, ай слунечко!
ты-ли си жалостиво,
Чему ты свьтишъ, на ны,
на бѣдне люди?
Кдѣ естъ кнѣзъ, кдѣ людъ нашъ браный?
кто ны врагомь выпрже,
сира властице?
Длугымъ тагемъ нѣмци тагу,
въ наше краины.
Дайте, небожатка, дайте,
стрьбро, злато, збожнце,
покы вамъ, выжегаю
дворы, хыжице! 1).»

Однако же, при всей неутомимости непріятелей своихъ, не взирая на собственное сознаніе, что

«Трудно намъ ватети съ тѣми врагы 2),»

они выснлись въ «краинахъ надъ врагы,» истребляли въ своихъ «земѣхъ непрятелы,» зная твердо, что

«Мрзкостъ естъ пороба господину,
грѣхъ въ поробу самохтѣць дати што.»

Бальбинъ (Epit. Boh. p. 1.) справедливо судилъ, говоря: « Bohemia omnibus saeculis cruenta. » Но никогда ненависть Чеховъ къ своимъ недругамъ не доходила до такой высокой степени, до такого, почти нечеловѣческаго, изступленія, какъ въ продол-

1) Бенешъ Германовъ. См. Краледв. рукоп.
2) Честміръ а Влаславъ. Там.

женіе XV-го стол., когда долготерпѣніе Чеховъ, больше нежели обиженныхъ навязываніемъ имъ чуждаго языка, чуждыхъ нравовъ, обычаевъ, одѣянія, и т. п., наконецъ совсѣмъ лопнуло, и месть, свирѣпая, жестокая, неутолимая месть, вспыхнула одновременно и единодушно въ сердцахъ и обняла своимъ заревомъ не только Чехію, но и смежныя Славянскія земли. Тогда-то мужество Чеховъ разыгралось бурнымъ ураганомъ, и уже ничто въ мірѣ не могло остановить Чешскихъ львовъ. Прочь Латынство, прочь Нѣмчизна, прочь все не свое, неродное! Чехи отпали отъ Ватикана, ни думавшаго, ни гадавшаго о томъ. Они, водимые здравымъ смысломъ, скорѣе прочихъ замѣтили излишество власти, присвоенной Первосвященниками Рима, ея злоупотребленія въ дѣлахъ Вѣры, перешедшія слишкомъ далеко за предѣлы всякой мѣры, ихъ самоуправство, отступленіе отъ чистоты первобытнаго Христіанскаго ученія, и первые изъ Европейцевъ возстали открытымъ образомъ, лицемъ къ лицу, дѣйствуя и словомъ и дѣломъ, противъ недостойныхъ Намѣстниковъ Петра, при своихъ золотыхъ ключахъ только и помышлявшихъ, что о золотѣ, первые произвели *противодѣйствіе* въ царствѣ Религіи. Они старались *преобразовать* (reformare), обновить, воспроизвесть ее въ прежній видъ, искаженный суетностію и чувственностію Папъ, противупоставляя, так. обр., силамъ Запада мощь Востока, натискамъ Романо-Тевтонскихъ племенъ стойкость племенъ Славянскихъ. И напрасно вѣчный Градъ гремѣлъ сво-

ими громами, напрасно онъ металъ свои огненные перуны, грозилъ и предавалъ анаѳемѣ, поднималъ всѣ народы и земли, всѣхъ владыкъ и сильныхъ Запада ополченіемъ, гналъ толпы *крестоносцевъ* (Пій II-й, Павелъ II-й, и др.). Чехи не испугались, шли весело на явную смерть, какъ на пиръ, и предводимые своими *грдинями* (Жижкой, Прокопомъ Большимъ или Голымъ, Прокопомъ Малымъ или Прокопкомъ, Горкой, и др.), удивили всю Европу мужествомъ, такъ, что самые ихъ враги сознавались, что въ то время «Чехове сами вицекрате витѣзстви добыли, нежли мнози ини народове по целый бытъ свуй (Aeneas Sylvius, послѣ Папа Пій II. См. Юнгм. И. Чеш. Лит. стр. 67.).» О, тогда именно, какъ говоритъ одна ихъ старинная пѣсня:

« и бы кланѣ, и бы порубанѣ,
и бы лканѣ, и бы радованѣ!...»

Передъ ихъ храбростію, соединенной съ совершеннымъ знаніемъ военнаго искусства, поддерживаемой правотою дѣла и любовію къ независимости и родинѣ, все падало ницъ, все трепетало и уступало. 13 лѣтъ не допускали они до престола Императора Сигизмунда, дѣйствовавшаго противъ нихъ со всею почти Западной Европой, и только за два года до смерти его отворили ему ворота въ стольный градъ, но отворили по доброй волѣ, сами истребивъ, ни кѣмъ неистребимыхъ, *Таборитовъ*. При *Подѣбрадѣ*, признанномъ всѣми современниками воинственнѣйшимъ и лучшимъ полководцемъ, они снова выдержали напоръ, чуть не всей, Европы, двинувшейся на

нихъ по манію Римскаго Владыки, и со славою вышли съ поля битвы, вездѣ и всюду пожиная неувядаемые лавры. Aeneas Sylvius, современникъ и свидѣтель этой исполинской борьбы Чеховъ, говоритъ въ своей Historia Bohem. (Praefat.): «Nec mea sententia regnum ullum est, in quo tot mutationes, tot bella, tot strages, tot miracula emerserint, quo Bohemia nobis ostendit.» Эта воинственность, эта ненависть, вособенности къ Нѣмцамъ, никогда не покидала Чеховъ, и, какъ всѣмъ извѣстно, начало славной тридцатилѣтней войны, этого великолѣпнаго, чудеснаго эпизода въ жизни Западныхъ Государствъ, которымъ одни столько гордятся, другіе столько гнушаются, начало этой войны, освободившей Германскій Сѣверъ Европы отъ зависимости Рима, принадлежитъ, тоже, Чехамъ, потому что она въ сущности своей не что иное, какъ только продолженіе, возобновленіе *войны Гусситской*: ее не было бы, по крайней мѣрѣ не въ такомъ видѣ была бы она, если бы не было этой послѣдней. Только она покончилась не въ пользу ея виновниковъ, не потому, чтобы Чехи забыли мужество своихъ предковъ; нѣтъ, а потому, что герой ихъ, природный Чехъ, глава противной партіи, партіи Императора, Католиковъ, этотъ чудный *Вальдштейнъ* (переименованный Шиллеромъ въ *Валленштейна*) задумалъ инымъ образомъ доставить перевѣсъ своей отчизнѣ. Но рука, поразившая его преждевременно, и, еще прежде, битва *Бѣлогорская*, послѣ которой вся надежда Чеховъ почила на немъ, «целый ческый народъ, какъ говоритъ *Добровскій* (см. *Пресл.* Росплинаръ стр. 10.),

на души и на шѣле огромила а высилила.» И точно, хоть въ потомкахъ жилъ тотъ же самый мощный духъ, тѣ же чувства ихъ волновали, тѣ же мысли и понятія пролетали въ головахъ ихъ длинной вереницей о прежнихъ, минувшихъ, дняхъ славы,

«Неседнулъ же никды на домъ Нѣмецъ,»

хоть сердце ихъ горевало горемъ

«. . . пустымъ тѣмпо градомъ,»

думы смѣнялись думами о постигшемъ ихъ несчастіи и отношеніи къ тѣмъ, которыхъ отцы ихъ первоначально «пре работы» къ себѣ «пріяли,» которые «драли и копали, боли вжды найшенши,» но теперь «вчилъ» имъ «розказую,» хоть они видѣли, что «Ческа земѣ

Зособнѣна, а ты странате
Гадры су въ ни цизоземцо племѣ,

и очень знали, что

«Пѣкнобрега Нѣмцо сокынѣ 1)
Звитѣзила въ преможени самемъ;»

но, опутанные со всѣхъ сторонъ цѣпями, они не могли уже сказать другъ другу, какъ это было прежде:

«Нетужте, кметице, нетужте!
южъ вамъ травичка встава,
тако длуго ступана
цузимъ копытемъ.

1) Соревновательница, соперница.

Вите вѣнце зъ полскыхъ квѣтовъ,
свему выспроститслю!
Осенѣ 1) сѣ зелена,
промѣнѣ сѣ вше.«

Но *выпроститель* (спаситель, избавитель) не приходилъ къ нимъ по сю пору.... Не смотря, однако же, на то, чувствованія ихъ не перемѣнились нимало къ старинным своимъ недоброхотамъ:

«Тенкратъ Нѣмецъ Чеху прее,
Кдыжъ се гусъ на ледѣ грее, —»

не понизились ни одной ступенью, напротивъ поднялись еще больше, еще выше. Прислушайтесь, что они говорятъ сами о себѣ въ теперешнемъ порядкѣ вещей:

«Мы цо кни доказали знаме,
Нежъ то скрыто преде иными,
Цо мы въ книзе лидства быти маме.
Вшецко маме, вѣрте мои дрази
Сполувластенци 2) а прателе!
То, цо мези велке, доспѣле,
Въ човѣченствѣ народы насъ сази.
Нуже! покудъ сардце младе біе,
Гледьме штѣсти власти 3) ласкаве,
Бдици пробузуйте дримаве,
Тепли хлодне, живи вше цо гніе.
Дейте намъ ту, съ духемъ вшеславости,
А ай народъ мате видѣти,
Якый не былъ ешпѣ въ минулости....

Ихъ противодѣйствіе «невластенцамъ» несвоимъ, неродному, ни чуть не уменьшилось, но только, слѣ-

1) Жатва.

2) Соотечественники, земляки.

3) Отечество, родина, своя сторона.

дуя закону extremae necessitatis, измѣнило свой бѣгъ, перемѣнило прежнее поле битвы на другое, новое, ограничилось внутреннимъ противуборствомъ, не имѣя возможности направлять свои удары собща, въ одно и тоже время, словомъ и дѣломъ. Тѣмъ не менѣе борьба продолжается, сѣча кипитъ, и бьетъ и хлещетъ, неутомимо, беззапретно, неумолкаемо, и едва ли когда кончится. Любовь къ родинѣ, къ своему, сильнѣе всего въ мірѣ въ сердцѣ Чеха:

« Вшуды добрѣ, дома найлепѣи,
Паромъ 1) по вшехъ вшуды цизинахъ!
Ахъ мнѣ ве Славенскыхъ краинахъ
Сама земъ ужъ вони пріемнѣи 2). »

Онъ помнитъ, что

« Краснѣи се никдо негоноси
Смѣлымъ челемъ, яко властенецъ,
Енжъ въ свемъ сардци целый народъ носи... »

Теперь спрашиваемъ: Жизнь, въ которой событія безпрестанно смѣнялись событіями, не давая ни на мигъ обозрѣться, остановить взоръ на быломъ, осмотрѣть настоящее, задуматься надъ грядущимъ, когда, не покончивъ одного, должно было начинать тысячу другихъ дѣлъ, переплетавшихся между собой чудно, непостижимо, фантастически, когда брань слѣдовала за бранью, чувствованія волновались, шипѣли, брызгали и бурной, неукротимой рѣкою неслись, все увлекая и низвергая въ свою бездонную пучину, когда въ этомъ хаотическомъ

1) Перунъ, громъ.
2) Пріятнѣе, сладостнѣе.

положеніи умъ, этотъ царь души, бросалъ свой скипетръ и руль, фантазія неслась на всѣхъ крыльяхъ, обыкновенный, прозаическій порядокъ вещей невыразимо-странно перемѣшанъ, а человѣкъ приведенъ въ высшую степень раздражительности, уязвленъ, такая жизнь, скажите, какіе должна была вызвать изъ глубины его души звуки, какія ощущенія породить въ немъ, что должно было тогда двигать, потрясать его человѣческій составъ? Какою печатью должны были означиться его поэтическія изліянія? Какой родъ Поэзіи вызывала такая его жизнь? Да какой же, Боже мой, какъ не *Лирическій?* Лучшаго, желаннѣйшаго положенія для Лирики нельзя, и никто не вправѣ, ни требовать, ни хотѣть. И въ самомъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ Чеховъ вы видите преимущественно чуствованія. которыя непосредственно льются изъ сердца и отъ сердца и, потому, прямо до него досягаютъ, чувствованія, выражаемыя либо въ минуту порожденія ихъ, на самомъ мѣстѣ дѣйствія, въ жару кипѣнія, либо, спустя нѣсколько времени, при разсужденіи о волновавшемъ душу, при воспоминаніи о быломъ страданіи, нѣкогда разрывавшемъ сердце, но теперь, своимъ воспоминаніемъ, доставляющемъ какую-то тайную, безотчетную сладость, либо же въ пѣсняхъ ихъ встрѣтите чувствованія, выраженныя по поводу думъ о событіи, вспавшемъ на мысль случайно, гдѣ разсказъ ведется со всею простотою и дѣтскою откровенностію, и перевитъ ощущеніями, тутъ же родившимися. Отсюда, пѣсни перваго рода имѣютъ тонъ *Оды:* онѣ чрезвычайно живы, порывисты, стремительны, исторгаются изъ

сердца свѣтлой, роскошной рѣкой. Но ихъ гораздо меньше, чѣмъ пѣсень втораго рода, носящихъ характеръ *Элегіи*, въ коихъ струятся чувствованія болѣе скокойныя, тихія, легкія, безъ всякихъ судорожныхъ изступленій, въ свободныхъ, естественныхъ, непринужденныхъ звукахъ: этотъ разрядъ чрезвычайно многочисленъ. Наконецъ, пѣсни третьяго рода, отмѣченныя знакомъ *Романса*, Лиро-Эпическія, отличаются спокойнымъ изложеніемъ, соединеннымъ нерѣдко съ игривымъ движеніемъ, часто съ примѣсью чудеснаго, темнаго, фантастическаго: онѣ очень просты, незамысловаты и, во многихъ случаяхъ, обязаны началомъ своимъ какому-нибудь преданію, повѣрью (повѣсти, бахорки), и т. п. Этѣхъ пѣсень меньше всего у Чеховъ, которые «смишени таковето лирикоепицке за невкусне маю 1).» Чешскій пѣвецъ поетъ просто однѣ лишь пѣсни; «бахорки, дѣе старе анебо новины скоро 2) никды 3).» И далѣе: хотя Чешскій селянинъ слушаетъ терпѣливо пѣсни пѣвца о «враждахъ, кометахъ а пророцвихъ», и т. д.; однако «недбае много, абы се е зпиваши навчилъ:» воротясь домой, онъ ихъ *повторяетъ* отъ нечего дѣлать; у него перенимаютъ другіе, и онѣ ходятъ по селенію въ родѣ *сельскихъ новинъ* (седлске новины), ни болѣе ни менѣе 4). Отъ чего же такая немилость Чеховъ къ пѣснямъ изъ области Эпопеи?

1) *Ярославъ Лангеръ*. См. Ч. Ч. М. 1834. N. 3. стр. 269.

2) Почти.

3) Никогда.

4) *Онъ же*.

Мы уже выше говорили, что народная Поэзія, какъ чистѣйшее выраженіе духа народнаго, всегда условливается образомъ жизни народа, степенью его совершенствованія; иначе она не была бы тѣмъ, чѣмъ есть, чѣмъ должна быть по своей природѣ и назначенію. И потому, согласно эпохѣ существованія и образованности народа, у него является Поэзія, которая есть плодъ и представитель тогдашней его жизни, слѣдовательно имѣетъ свой особенный характеръ, свое особенное направленіе, и т. д. Если, почему бы то ни было, какой періодъ бытія народнаго остался невоспѣтымъ въ свою пору, то такая потеря никогда уже не можетъ восполниться. Чехи, какъ и многіе другіе народы, имѣли, тоже, свой Героическій вѣкъ, воспѣвали дѣла своихъ доблестныхъ богатырей, и потому униxъ есть пѣсни *грдинске, выправне.* Поэзія ихъ въ началѣ своемъ была Эпическая. Большую часть этѣхъ пѣсень время унесло съ собою; но кой-какія сохранились въ, такъ называемой, Кралодворской рукописи, открытой извѣстнымъ Вацлавомъ *Ганкой* (1817 г.). По нимъ, по этѣмъ уцѣлѣвшимъ пѣснямъ, можно судить о богатствѣ Чешской Эпопеи въ стародавнія времена. Нѣкоторые было вооружались противъ древности этихъ пѣснопѣній; но, какъ бы то ни было, судя по одному письму, ихъ относятъ уже къ XIII в., а другія (напр. *Либушинъ Судъ*) даже къ XI; судя же по языку и др. свойствамъ, есть нѣсколько, восходящихъ къ началу IX в. (Забой а Славой, Честміръ а Влаславъ). *Юнгманнъ* (въ своей Исторіи Чешской Словесности) говоритъ:» Снѣмы (сеймы), Честміръ, Забой

и, можетъ быть, Еленъ, своимъ содержаніемъ принадлежатъ къ этой (500—875 г.) эпохѣ, во 1) потому, что по обращеніи Чеховъ въ Христіанство, покончившемся въ X вѣкѣ, невѣроятно, чтобы кто-нибудь сочинялъ пѣсни, дышащія такъ сильно язычествомъ; напротивъ ихъ, уже составленныя, могъ всякой сохранить изъ естественной любви къ своему родному языку; во 2) переписчики этѣхъ пѣсень не были сочинителями ихъ: доказательствомъ тому многія ошибки и порча стиховъ, замѣчаемыя особенно въ древнѣйшихъ изъ нихъ, между тѣмъ въ *Ярославѣ*, какъ новѣйшемъ стихотвореніи (полов. XIII в.) и меньше переписывавшемся, вовсе этого не видимъ; въ 3) многія мѣстныя обстоятельства, внутренняя истинность и весь ихъ составъ говорятъ ясно о томъ, что онѣ началомъ своимъ обязаны, если не современнымъ, по крайней мѣрѣ ближайшимъ къ этимъ послѣднимъ, пѣвцамъ; въ 4) самый языкъ свидѣтельствуетъ объ ихъ глубокой древности (стр. 9).» Так. обр, обращая вниманіе на содержаніе этихъ пѣснопѣній, видимъ, что Чешская народная Поэзія началась Эпикой, чему и слѣдовало такъ быть по условіямъ жизни древнихъ Чеховъ, ихъ мѣстному положенію, отношенію къ своимъ сосѣдямъ и собственному природному характеру. Далѣе, когда героическій вѣкъ Чеховъ прошелъ, когда они, отъ внѣшняго соприкосновенія и сношенія съ западными Европейцами, быстро подвигавшимися въ своемъ образованіи и гражданственности, и сами, въ слѣдъ за ними, начали гражданскую жизнь, просвѣщеніе себя науками, искусствами, и т. д., вступили

въ другой возрастъ, возрастъ броженія и кипѣнія страстей, величайшаго развитія и напряженія силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, находясь въ вѣчной дѣятельности, требовавшей безпрерывнаго, личнаго участія, и неоставлявшей времени взглянуть чистыми, свѣтлыми глазами на текущее, прошедшее и наступающее, въ этотъ передъ ихъ жизни и Поэзія ихъ, согласно Лирикѣ жизни, должна была измѣнить свой прежній характеръ и принять новый, *Лирическій,* обратиться въ пѣсни Лирическія. Вотъ и вся разгадка тутъ. Безъ сомнѣнія, это должно понимать вобщности, о большинствѣ народныхъ стихотвореній, о перевѣсѣ одного направленія надъ другимъ. Строгихъ граней въ области Поэзіи, какъ и въ жизни, провести нельзя; исключенія необходимы и тамъ, и здѣсь, и вездѣ. Переходы бываютъ такъ постепенны, незамѣтны, что вовсе невозможно навѣрное указать, гдѣ именно одна область оканчивается, а другая начинается; обыкновенно, въ такомъ случаѣ, предѣломъ первой полагаютъ ослабленіе общности ея и преобладаніе общности другой, начало которой скрывается всегда въ предыдущемъ. Такъ въ періодъ Эпической Поэзіи у всякаго народа находимъ много стихотвореній Лирическихъ; и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если и у Чеховъ въ этомъ періодѣ встрѣчаемъ пѣсни Лирическія, въ которыхъ пѣснь льется «отъ сердца къ сердцу,» напр. Зезгулице (кукушка), отличающаяся анакреонтическимъ изяществомъ, Кытице, Руже (букетъ, роза),-нѣжной грустью Опуштѣна, Скриванекъ (брошенная, жаворонокъ),-безконечной горестью, Ягоды,-свободной радостью юно-

шескихъ лѣтъ, Збыгонъ,—смѣлымъ освобожденіемъ похищенной Милой, Людише а Люборъ,—рыцарскимъ подвигомъ для полученія невѣсты-Княжны, Еленъ, — горестью дѣвъ по юношѣ, убитомъ его злодѣемъ, и мн. др. И потому названіе Лирической, Эпической и т. д., Поэзіи, должно присвоять извѣстному періоду Поэзіи, единственно по перевѣсу которой-нибудь изъ нихъ въ народныхъ стихотвореніяхъ. Въ собственномъ, строгомъ смыслѣ, нѣтъ чистой, безпримѣсной, самостоятельной ни Эпики, ни Лирики, ни Драмы; а говоря о нихъ отдѣльно, всегда разумѣемъ преобладаніе той или другой надъ остальными. Въ Чешскихъ народныхъ пѣсняхъ преимущественно замѣчаемъ перевѣсъ Лирики, слѣдовательно это Поэзія—*Лирическая*, хотя есть стихотворенія, какъ мы сказали, и Эпическія; но они, въ сравненіи съ Лирическими, — капля въ морѣ....

II. Тотъ же самый духъ вѣетъ и въ пѣсняхъ *Моравскихъ*, потому что *Моравцы*—тѣже *Чехи*, но называются такъ по мѣсту своего жительства, именемъ географическимъ. Нравы, обычаи, языкъ, и т. д., у нихъ одинаковы съ Чешскими, исключая небольшихъ, очень незначительныхъ, разностей и отступленій, зависящихъ отъ мѣстности и сосѣдства съ другими Славянскими племенами и чужеземцами, напр. Мораванъ на границѣ Венгріи, сталкиваясь съ Словаками, въ выговорѣ словъ своихъ имѣетъ много Словацкаго (болъ, душа), на границѣ Польши-много Польскаго (вмѣсто *ѝ* употребляетъ *о́* съ прибавкой неполнаго *ī*), и т. д. Отсюда, языкъ Морав-

скій составляетъ собой переходъ языка Чешскаго къ языку другаго сосѣдняго Славянскаго народа, и потому въ Моравіи часто слышите, что одинъ и тотъ же человѣкъ произнесетъ вамъ тоже самое слово разъ такъ, а разъ инакъ. Историческая жизнь Моравцовъ тѣсно, неразрывно, соединена съ жизнью Чеховъ. Правда, сначала Моравія пошла было инымъ путемъ при своемъ знаменитомъ К. *Сватоплукѣ* (ум. 894.), котораго К. Багрянородный (De adm. imp. c. 14, 42.) называетъ освободителемъ своего народа и прочихъ южныхъ Славянъ отъ иноземцовъ и основателемъ огромнаго *Велико-Моравскаго* Царства, заключавшагося между Эльбой, Тиссой, Дравой и Савой; но скоро, по смерти его, Царство это, раздробленное между тремя его сыновьями, жившими небратски, сдѣлалось добычей Нѣмцовъ и Венгровъ. *Бретиславъ*, сынъ Удальрика, присоединяетъ его 1029 г. къ Чехіи, и съ тѣхъ поръ судьба Моравіи становится неразлучною съ судьбой Чехіи:

«Она, ачъ естъ нынн дѣепрозна,
Друтды 1) была въ панстви широка,
Славске речи пилна, въ бои разна 2).»

Перечитывая пѣсни Моравцовъ, мы ничего не нашли въ нихъ отличнаго отъ пѣсень Чешскихъ: тотъ же характеръ, тѣже свойства, тѣже любимые обороты, сравненія, и т. д.

III. *Словаки*, самы себя называющіе *Словенцами*, потомки тѣхъ Карпатскихъ и Дунайскихъ Славянъ,

1) Нѣкогда.
2) *Слав. Дцер.* знелка 218.

которые въ древности занимали собой все пространство отъ Дуная и Тиссы до Карпатовъ, тревожили еще при Юстиніанѣ Греческую Имперію, никогда, по свидѣтельству Исторіи, не составляли самобытно существующаго политическаго народа, исключая, развѣ, того времени, когда всѣ народы бываютъ самобытны, времени младенчества народа, до-историческаго. Сперва они были членомъ Велико-Моравскаго Государства, потомъ, по разрушеніи его, вошли въ составъ Венгерскаго, наконецъ Римско-Нѣмецкой, послѣ Австрійской, Имперіи. При такомъ ужасномъ отсутствіи политической жизни Словаковъ, очевидно, въ Поэзіи ихъ нельзя искать драматической стихіи, ея преобладанія, всегда свидѣтельствующаго о сильной политической дѣятельности народа. Окруженнымъ совсѣхъ сторонъ многочисленными, могучими, сосѣдами: Нѣмцами, Венграми, Чехами, Поляками и Руссинами, что оставалось имъ дѣлать? Можно ли было помышлять о самобытности? Конечно, у нихъ нѣтъ недостатка въ пѣсняхъ историческихъ; но всѣ эти пѣсни относятся къ событіямъ, въ коихъ Словаки играли второстепенную роль, участвовали не sua sponte, страдательно, пѣсни, принадлежащія больше къ Исторіи господствующаго народа. Избытокъ въ этѣхъ пѣсняхъ скорѣе указываетъ на общую всѣмъ Славянскимъ племенамъ природную склонность къ Поэзіи, пѣснопѣнію, чѣмъ на избытокъ политической дѣятельности Словаковъ. Если «Словенка въ Каграхъ естъ, атъ такъ диме 1), уставична, непретержена писень, естъ звидителнѣна

1) Говорить, сказать.

проспонароднп Муза, а и будь въ жели будь въ радости уста заврити 1), былабы снадъ 2) найцителнѣши 3) покута 4) про ни на земи,» если «где она нени тамъ вше пусто а нѣмо, камъ она приде озиван се тудижъ 5) либезнымъ зпѣвогласемъ поле, винице 6) заграды 7), пагорки 8) а долины, якобы еи притомность 9) вшемъ стромомъ а кровинамъ живе языкы пропочила 10),» если, говоря словами Словацкой же пѣсни, «Кде Словенка тамъ зпѣвъ» или:

«То божѣ слнѣчко по неби си бега,
То словенско племя вшаде са розлѣга,»

если все это такъ, то какъ же они могли пропустить безъ вниманія что-нибудь, относящееся до ихъ родины, не воспѣть событія, случившагося на ихъ землѣ, предъ ихъ глазами, сдѣлавшаго на нихъ впечатлѣніе, имѣвшаго непосредственное вліяніе? Тогда Славянинъ не былъ бы Славяниномъ. Так. обр. Словаки, находясь подъ чуждымъ правленіемъ, естественно должны были обратить свою дѣятельность въ другую сторону, на другіе предметы, искать другихъ занятій. Къ чему же было прежде всего,

1) Сомкнуть, заключить.
2) Можетъ быть; легко; безъ сомнѣнія.
3) Самое чувствительное.
4) Наказаніе.
5) Тотчасъ, немедленно.
6) Виноградникъ.
7) Сады.
8) Присутствіе.
9) Кустарникъ.
10) Доставила. См. Познам. а поедн. ку Слов. п. стр. 488.

сручнѣе имъ обратиться, какъ не къ природѣ, къ домашней, семейственной, сельской жизни, столько любимой искони всѣми Славянскими племенами? Славяне, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, отъ природы — народъ миролюбивый, отъ пеленокъ предпочитавшій жизнь тихую, земледѣльческую всему прочему; а если когда мѣнялъ соху на мечь, то не иначе, какъ только въ самомъ крутомъ положеніи, чтобы отстоять себя, свои права и свободу, и потомъ, по прошествіи ненастья, снова воротиться къ своимъ полямъ и лугамъ. Эту любовь къ сельской жизни и ея занятіямъ, любовь къ природѣ, предпочтительно питали и питаютъ Словаки, хотя въ ней нельзя отказать и другимъ Славянскимъ народамъ; но первые, по своей малочисленности и невозможности играть блестящую роль на политическомъ поприщѣ, по своему мѣстному положенію, и т. д., передъ всѣми однородцами долѣе согрѣвали ее, такъ что они душой сроднились съ природою. А потому они народъ, можно сказать, въ Европѣ—самый близкій въ первобытной патріархальной жизни, народъ, по преимуществу, самъ въ себѣ живущій, миролюбивый, тихій невинный, довольствующійся малымъ, что посылаетъ ему его доля; ему нѣтъ нужды ни до какихъ потрясеній и переворотовъ. Онъ спокойно смотритъ на наши гражданскіе бураны и невзгоды, всегда готовъ навстрѣчу всѣмъ случайностямъ и съ евангельскимъ терпѣніемъ понести крестъ житейскихъ горестей; онъ цѣлымъ сердцемъ преданъ своему быту, всѣмъ занимается, есть самый трудолюбивый и спокойный на-

родъ. Въ то время, какъ другіе ломаютъ головы и чахнутъ надъ политикой, онъ, говоритъ *Чапловичь* (въ своей Gemälde von Ungarn. T. II. S. 45), «arbeitet gern mit Händen und Füssen, versegt sich aus die manichfaltigsten Erwerbzweige. Er baut sein Feld, züchtet Vieh, handelt, treibt Gewerbe, arbeitet in Bergwerken, ist ein geschickter Fuhrmann, zu Wasser und zu Lande, Sorger und Vogelfänger, lernt fleissig.» Отсюда и въ пѣсняхъ ихъ, какъ образѣ народной жизни, такой бытъ ихъ долженъ рисоваться неминуемо широкою кистью. А если это такъ, каковъ же характеръ ихъ Поэзіи, духъ ихъ пѣсень? Тотъ самый, который вытекаетъ естественно изъ жизни сельской, земледѣльческой, бываетъ непринужденнымъ ея слѣдствіямъ, отличительнымъ признакомъ. Слѣдовательно-*Идиллическій*, характеръ Идилліи въ ея первичномъ видѣ, въ ея истинномъ значеніи, или, если хотите, въ такъ называемомъ обширномъ смыслѣ, Идилліи, какъ полной картинѣ, безыскуственномъ, чистѣйшемъ изображеніи жизни и быта людей, не раззнакомившихся еще съ природой, близкихъ къ ней, неиспорченныхъ нашею притворною, черезъ чуръ уже перехитренною, гражданственностію. Но отнюдь не той Идилліи, въ которой только что пастухи да пастушки, какъ будто одни они и наперсники природы, дѣти первобытнаго состоянія человѣчества, одни они населяютъ поля, села, и т. д., одни они далеки всякой принужденности, всѣхъ условій законовъ и приличій утонченнаго свѣта; или въ которой, такъ какъ поэтъ не находитъ болѣе въ поднебесной блаженной Аркадіи, ея обитателей безъ за-

ботъ и гибельныхъ страстей, безъ печалей и воздыханій, то изобрѣтаетъ какихъ-то небывалыхъ, лишенныхъ всякой вѣроятности, людей золотаго вѣка, этого анахронизма во всякое время, или же въ которой только и видите что лица нѣжныя, невинныя, такія добрыя, тихія аки голуби, мечтательныя аки луна, окруженныя на каждомъ шагу прелестями живописной природы, любовь для коихъ—вѣчное занятіе, и больше ничего. Нѣтъ, въ пѣсняхъ Словаковъ не ищите подобной Идилліи, а скорѣе приглядитесь къ нимъ хорошенько, вникните строго въ ихъ характеръ и духъ, и вы найдете въ нихъ истинную Идиллію, представляющую людей небезгрѣшныхъ, но и неиспорченныхъ еще успѣхами въ гражданственной жизни, незнакомыхъ съ ея искуственными нуждами, прихотливымъ вкусомъ и пустыми условными обычаями и пріемами. Напротивъ, тутъ увидите картины простосердечныя, но не низкія, грубыя, отвратительныя, картины дробныя, мѣлкія, но интересныя, живыя, отлично изящныя. Разумѣется, приписывая пѣснямъ Словаковъ характеръ Идиллическій, мы отнюдь этимъ не утверждаемъ, чтобы пѣсни ихъ вовсе не имѣли ничего лирическаго, драматическаго, эпическаго. Идиллія, въ ея настоящемъ видѣ, не исключаетъ этихъ родовъ Поэзіи, образовавшись сама у Грековъ изъ мимовъ, составлявшихъ родъ побочной драмы, представлявшихъ отдѣльныя явленія человѣческой жизни, въ которыхъ схватывались болѣе—менѣе вѣрно характерныя особенности въ нравахъ, обычаяхъ, и т. п., извѣстныхъ лицъ, селеній, городовъ, областей, и пр. Изложеніе ея—то повѣст-

вовательное, то разговорное, то перевитое пѣснями и она писалась гекзаметрами; даже иногда и эпиграмма называлась Идилліей, т. е. вообще небольшія легкія стихотворенія какого бъ ни было содержанія. Потому неудивительно, если въ пѣсняхъ Словаковъ встрѣтите что-нибудь эпическое, лирическое, и т. д.; дѣло въ томъ, что это послѣднее не есть главное, а привходящее, и привходящее по самому свойству и происхожденію Идилліи; или если найдете даже пѣсни, цѣликомъ содержанія эпическаго (каковы историческія), лирическаго, и т. п.; но онѣ далеко не составляютъ большинства, а исключеніе. Обыкновенная жизнь Словаковъ, прежде и теперь, мало, очень мало, имѣла и имѣетъ случаевъ, годныхъ для вдохновеній эпика, сильныхъ порывовъ лирика и смѣлыхъ движеній и положеній драматика. Для этого требуется въ высокой степени развитіе умственной жизни народа. Напротивъ, все у нихъ обращается въ кругу домашнемъ, въ кругу ихъ обычной жизни и предлежащей, окружающей, природы, что, какъ справедливо замѣчаетъ *Янъ Колларъ* (Слов. нар. пѣсни 1834-5 г. 2 ч. стр. 489.), «пѣкнымъ доказемъ естъ того, же нашъ лидъ великымъ естъ природы миловникемъ.» Они издревле не разставались съ нею, составляя, так. обр, предпочтительно, передъ всѣми своими одноплеменниками, по причинамъ, приведеннымъ выше, т. е. по невозможности имѣть политическое существованіе, народъ, занимающійся земледѣліемъ со всѣми его отраслями и соприкосновеннымъ съ нимъ. Что дѣлали ихъ праотцы въ глубокой древности, то дѣлаютъ и теперь ихъ потомки:

«О Словаци! ти наши предкове
Пилни плугу, мотыкы бывали,
Заграды, винице штѣповали,
Статекъ а добытекъ ховавали,
Мѣстъ и градо моцъ наши отцове
Широко, далеко наставѣли
А пустины въ быдла обрацели.»
«.... ажъ поднесъ су Словаци стали 1),
Якъ были отцове такъ дитькы зостали 2).»

Отъ такой любви къ природѣ и всегдашняго обхожденія съ нею, отъ жизни, провождаемой ими вѣчно въ ея объятіяхъ, и Поэзія ихъ проникнута этой природой, есть ея чадо, непосредственное отраженіе ихъ сельской жизни, вся дышетъ Идилліей, или, лучше сказать, вся есть не что иное, какъ одна безпрерывная Идиллія. Она родилась не въ душныхъ стѣнахъ городской жизни, но на поляхъ, подъ вольнымъ, чистымъ небомъ, излилась отъ полноты сердца, естественно, непринужденно, сама собой, гдѣ попало и какъ попало, потому что для Словака пѣсня тоже, что жизненный воздухъ: она сопутствуетъ ему неотлучно во всѣхъ его занятіяхъ; нѣтъ работы, нѣтъ труда, нѣтъ отдыха, гдѣ бы онъ разстался съ нею: «Quantumvis laboriosissima sit natio Slavorum, agit tamen hilariter,—говоритъ *Matheus Belius* (Not. Hung. T. I. p. 53),—diebus inprimis festis et si quae sint a laboribus vacationes. Simul ac in vico tibia utricularis insonuit, concurrunt alacres eduntque adhuc sobrii saltationes, quibus seniores moderantur, ne quid tumultuarie, aut cum alicujus injuria eueniat.»

1) Крѣнки, сильны.

2) Слов. нар. пѣсн. ч. 2 стр. 144, 140.

Это относится не къ одному какому-нибудь округу Словаковъ, но вообще ко всѣмъ имъ, взятымъ вмѣстѣ:

Словаци, словаци!
Вшецци сте еднаци,
Ако бы васъ мала
Вшецкыхъ една маци 1).

Что касается до внѣшней формы пѣсень Словацкихъ, послушать нѣкоторыхъ, такъ онѣ тѣже *Краковяки.* Справедливо, форма, какъ проявленіе внутренняго, много значитъ и въ жизни вообще, и въ искусствѣ. Однако же, не всегда можно заключать отъ внѣшняго къ внутреннему, равно и наоборотъ; это тогда только истинно, когда форма и идея во всѣхъ точкахъ совпадаютъ одна съ другою; иначе всѣ поэмы, писанныя гекзаметрами, были бы *Иліады, Одиссеи.* Такъ и тутъ: формою пѣсни Словацкія и Краковяки сходствуютъ между собою, и то не вездѣ, преимущественно въ пѣсняхъ обрядовыхъ, и т. п., гдѣ уже самое содержаніе требуетъ краткости, но духомъ своимъ весьма отличны однѣ отъ другихъ. Не знаемъ, чему приписать такое сходство ихъ въ этомъ случаѣ. Данныхъ для рѣшенія этого мы, по сю пору, еще не имѣемъ у себя подъ руками, да и не знаемъ, можно ли будетъ надѣяться имѣть ихъ когда-нибудь. Неужели и здѣсь все рѣшается заимствованіемъ, подражаніемъ? Но отчего же пѣсни Словаковъ не носятъ на себѣ формы пѣсень Чеховъ,

1) Словацкая пѣсня.

Словинцевъ, Руссиновъ, Сербовъ, съ коими они такіе же соседи, какъ и съ Поляками? Языкъ? Но по языку Словаки гораздо ближе къ Чехамъ, Руссинамъ, чѣмъ къ Полякамъ. Жизнь? Жизнь Словаковъ и Поляковъ тоже ничего не имѣетъ между собою общаго. Такъ что же? Пусть рѣшатъ болѣе опытные; на нашъ глазъ, если ужь непремѣнно должно высказать свое мнѣніе, на нашъ глазъ тутъ просто *случайное* сходство, подобно какъ случайное же сходство во внѣшней формѣ между пѣснями другихъ народовъ.

IV. Пѣсни *Поляковъ*.... но Поляки такъ бѣдны пѣснями, что, не согрѣшивъ, можно сказать: «У Поляковъ нѣтъ пѣсень.» Всѣ ихъ пѣсни—или перeиначеніе, переводъ, подражаніе пѣснямъ Руссиновъ, или прямо сочиненіе какого-нибудь позднѣйшаго поэта; собственно же *народныхъ* пѣсень не имѣется у нихъ. Отъ чего это? Какъ! Племя Славянское безъ пѣсень? Славяне, если не во всемъ мірѣ, такъ ужъ безпрекословно въ Европѣ, *самый пѣсенный* народъ. Или и впрямъ Поляки не Славянскаго происхожденія, какъ того хотятъ нѣкоторые, а только лишь *ославянившіеся*? Такое перерожденіе очень сбыточно; Исторія много представляетъ подобныхъ примѣровъ: Пруссы, Сѣверо-Германскіе Славяне, Сербы въ Новороссіи, Славяне въ Мореи, и т. д. Но предложеніе это требуетъ доказательствъ, да и доказательствъ; если бъ оно когда-нибудь обратилось въ аксіому, бѣдность Поляковъ въ пѣсняхъ сама бы собою объяснилась. Однако, пока это сбудется (чему плохо вѣримъ), мы, не отнимая чести у Поляковъ быть и имъ Славянами, поищемъ тому другихъ причинъ.

Славяне ли Поляки, не Славяне, что намъ до того? Мы знаемъ, что народъ, какого бы онъ ни былъ племени, происхожденія, вовсе безъ Поэзіи быть не можетъ. Такое явленіе не въ природѣ вещей; такой безпоэтичный народъ—не сбыточное дѣло. Забыть, затерять нѣкоторыя поэтическія свои произведенія, по давности ли то, или другимъ какимъ причинамъ, передѣлать ихъ на иной ладъ и складъ—это возможно; но совсѣмъ не имѣть ихъ, быть отъ природы лишену всякой способности къ Поэзіи, чувствовать къ ней непримиримое отвращеніе, антипатію, во все время своего бытія, въ этомъ никто насъ не увѣритъ. Недѣлимое человѣческаго рода, какъ уже и выше мы замѣчали, одинъ, два, десять, нѣсколько человѣкъ безъ поэтическаго дара, расположенія и любви къ Поэзіи, мы это почти на каждомъ шагу видимъ; не всѣмъ же быть поэтами: *poëtae nascuntur.* Если бы можно было собрать всѣхъ непоэтовъ въ одно мѣсто и отвесть имъ землю, если бы и ихъ потомки были все такіе же антипоэты, вотъ тогда бы сказали, что на бѣломъ свѣтѣ точно существуетъ народъ непоэтическій, безъ Поэзіи. Но допустить бытіе народа непоэтическаго, отъ самаго его начала до послѣдняго конца, народа, до единаго человѣка отъ природы непоэтическаго, кто хочетъ, пусть вѣритъ и исповѣдуетъ сердцемъ этотъ догматъ; мы лучше пристанемъ къ сторонѣ *невѣрныхъ*, откровенно сознаемся въ своей неспособности къ такой выспренней Поэзіи. . . Так. обр., каждый народъ имѣетъ свою Поэзію, ему одному только свойственную, какъ плодъ внутренняго его творчества,

его поэтической способности. Эта его Поэзія, въ такомъ или иномъ видѣ, является смотря по роду жизни народа, его положенію и обстоятельствъ. Гдѣ народъ имѣлъ больше досуга, больше случаевъ оставаться съ самимъ собою, входить въ себя и раздумывать о своей радости и горѣ, тамъ и поэтическія его произведенія представляются въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, носятъ печать большей художественной оконченности въ отдѣлкѣ внутренней и внѣшней, гораздо зрѣлѣе, совершеннѣе, гораздо разнообразнѣе и многочисленнѣе. Но гдѣ, по чему бы то ни было, у народа отнято было время и способы вникать въ самаго себя, размышлять о своей судьбѣ на свободѣ, гдѣ онъ только урывкомъ, на скорую руку, призадумывался, входилъ въ поэтическое состояніе, Поэзія такого народа — въ меньшихъ размѣрахъ, характеръ ея—краткость, сжатость, перерывъ, поспѣшность, недоконченность, какъ въ самомъ изобрѣтеніи, такъ и въ выраженіи и обработкѣ. Правда, и эта Поэзія многочисленна, но многочисленность ея слишкомъ однообразна, менѣе важна по своему внутреннему и внѣшнему поэтическому достоинству.... Теперь припомните себѣ Исторію Польскаго народа. Что это за жизнь? Извнѣ—вѣчныя войны съ Крижаками, прочими Нѣмцами, Шведами, Русскими, непрерывныя нападенія Литовцевъ (*napas'c' Litewska*), Татаръ, Козаковъ, (*страхы—на Ляхы*), безпрестанныя брани съ Турками, Венграми, и т. д.; внутри—возстанія и бунты Руссиновъ по поводу различныхъ утѣсненій и гоненій на исповѣдуемую ими религію, этотъ странный образъ Пра-

вленія Республико-Монархическій, на который столько жаловались всѣ благонамѣренные и добра желавшіе своей отчизнѣ Поляки, это неумолкаемое броженіе и смятеніе въ знаменитой Ржечи Посполитой, это несогласіе, разладъ ея, больше всего на свѣтѣ для нея любезный, драгоцѣнный: «Polska nierządem stoi! 1),»—«Gdyby Polska rządna była, tedyby niedługo zginęła:» 2)

«Nierządem Polska stoi,» dobrze ktoś powiedział,
Lecz drugi odpowiedział: «Nierządem że zginie 3);»

эта ея *золотая вольность*, по милости которой сильный давилъ слабаго: «Kto mocnieyszy ten lepszy,« смѣясь надъ законами и королемъ:

«W Polszcze złota wolność pewnych reguł strzeże,
Chłopa na pal, Panu nic, Szlachcica na wieżę»;» 4)

это ея общее *равенство*, повсемѣстное «*Panie Bracie!*», по которому каждый

«Szlachcic na zagrodzie
Równa się Woiewodzie,»

по которому:

1) «To było powszechne szalone u nas domnienie,» замѣчаетъ Графъ Стан. *Потоцкій.* (въ Mowach и Rozpr. Warsz. 1816 r. Rozpr. V.).
2) «Кто говоритъ: «Nierządem Polska stoi,»-пишетъ *Фредро* (см. его Przysłowia),—«sam ma nierząd w głowie.»
3) L. *Opaliński.* (Satyr. 89).
4) *Ad. Naruszewicz.—Красицкій* въ сатирѣ: «Świat zepsuty» пишетъ слѣд.:

«Był czas, kiedy błąd ślepy nierządem się chlubił,
Ten nas nierząd, o bracia, pokonał i zgubił,
Ten nas cudzim w łup oddał: z nas się złe zaczeło,
Dzień ieden nieszczęśliwy zniszczył wieków dzieło.»

«Starszy Szlachcic Polski,
Niż Baron Niemiecki. 1)

Эта, наконецъ, мѣлкопомѣстная, дробная Шляхта, столько необузданная, столько многочисленная, разсыпанная повсюду, съ своею слишкомъ ненравственною жизнію, какъ саранча толпившаяся въ хоромахъ роскошныхъ вельможныхъ пановъ, употреблявшихъ ее своимъ оружіемъ и для того кормившихъ ее наубой, лукаво припѣвая:

«Stara polska iest to cnota,
Nie zamknąć nikomu wrota,»

и хвастаясь тѣмъ,

«Co Polak wypiie na dzien,
Niemca maiątek stanowi»,

хотя часто случалось, что иной

«Zaczął złotem»

а смотришь —

«Skonczył błotem», —

Шляхта, въ одно и то же время безстыдно цѣловавшая прахъ ногъ Магнатовъ и гордо попиравшая всѣхъ ниже себя, наругавшаяся надъ бѣднымъ селяниномъ, вольно обиравшая, грабившая его и ни на мгновеніе не дававшая ему покоя своими безконечными переѣздами съ одного мѣста на другое, то на сеймики, то на сеймы, то на трибуналы, то на элекціи, и т. п., съ своимъ грознымъ:

1) *Вацл. Потоцкій* говоритъ:

«Skoro Szlachta nastała, giną Baronowie,
Brat, a brat, równi wszyscy koronni synowie.»

«Nie pozwalam!,» гдѣ, въ ту годину, когда нужно было дѣйствовать, сражаться, гнать враговъ изъ родины, она спорила и ссорилась, судила и рядила:

« I tymeście podobno wiele utracili,
Bo gdy bić trzeba było, toście wy radzili....« 1)

Шляхта, изъ среды коей самый ничтожный, самый голый, *хлѣборобъ*, потому только, что былъ шляхтичъ, мечталъ,—о пустомъ!—о коронѣ, могъ и имѣлъ право домогаться ее, быть выбрану въ *крули.*

« Tyś królem? Czemu nie ia? mówiąc miedzy nami
Ja się nie będę chwalił — ale przymiotami
Nie złemi się zaszczycam. Jestem Polak rodem
A do tego Szlachic. A choćbym i miodem
Szynkował, tąk iak niegdyś, ów Bartnik w Kruszwicy 2),
Czemużbym nie mógł osieść na Twoiéy Stolicy? 3)

Несчастный земледѣлецъ нигдѣ не ускользалъ отъ Шляхты: всѣ его работы, занятія, обряды, всѣ домашніе обиходы, тотчасъ прерывались, лишь только этотъ *гнѣвъ Божій* постигалъ его. Шляхтичъ, какъ мячикомъ, игралъ имъ, онъ былъ страдательнымъ членомъ въ государствѣ, навсегда удаленнымъ отъ всякаго участія въ немъ, его правахъ, лишенный всякой защиты законовъ и постановленій:

« Prawa są nasze iako paięczyna,
Wróbel się przebiie, a na muszkę wina. » 4)

Жалкій народъ! Самыя священнѣйшія обязанности

1) I *Kochanowski.*
2) Piast.
3) I. *Krasicki* (Satyr. do Króla.)
4) I. *Kochanowski.*

свои отправлялъ онъ изрѣдка, только украдкой: свадьбу, крестины, и т. п. Наконецъ, придайте сюда еще жидовскіе обманы, плутни, продажу горячаго вина и прочихъ хмѣльныхъ напитковъ, словомъ всю внутреннюю промышленность и сбытъ произвеній земли, и. т. д., находившихся въ рукахъ иноземцевъ, преимущественно же въ рукахъ этихъ христопродавцевъ, потому что Шляхтичъ считалъ для себя низкимъ заниматься чѣмъ бы то ни было, кромѣ оружія, подъ опасеніемъ быть разжаловану въ *хлопы:* «Co Wloch to Doktor, co Niemiec to kupiec, co Polak to Hetman,» и послѣ всего этого, при жизни, которая вся была «*prawdziwe bezkrólewie,*»

когда

«W domu nikt o niczym nie wie,
Każdy rządzi swoim dworem,
Ty dokładay własnym worem,» 1)

скажите: до Поэзіи ли было Польскому простолюдину? Поэзія необходимо требуетъ досуга, спокойствія, свободныхъ думъ, вдоволь времени, такъ сказать, для разговору съ самимъ собою. А у него? Онъ не могъ привольно вздохнуть, не только *поэтизировать.* Гдѣ ему до историческихъ, обрядныхъ, и подобныхъ тому, пѣсень, когда онъ не имѣлъ ничего за душой, долженъ былъ всѣ дни и ночи проводить за работой на пана:

«Co sobie Ziemianin nagotuie, to mu Senator zie,»

когда на него смотрѣли не какъ на своего собрата, но какъ на *бездушную вещь:*

1) *Konst. Kwiatkowski.*

« Chłop ma bydź iak nasiekany kiy, »

когда

« Słomiany Starosta dębowego ziemianina zwalczy, »

и только тайкомъ отбывалъ кой-какіе свои обряды. Удивительно, какъ онъ, находясь въ такой Египетской работѣ, совсѣмъ еще не онѣмѣлъ, потому что у него, не смотря на всю горечь его жизненной чаши, есть свои поэтическія произведенія. Это *Краковяки*. Они были плодомъ того мгновенія, въ которое, мимо всѣхъ притѣсненій, вѣчныхъ насилій и безпокойствъ со стороны Шляхты и внѣшнихъ враговъ, несчастный селянинъ входилъ въ самого себя, и изливалъ свои чувствованія въ *немногихъ* словахъ, облекая ихъ въ поэтическія формы съ величайшею поспѣшностію, какъ бы въ попыхахъ, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ ему въ томъ, желая облегчить свою грудь отъ гнѣтущаго ее бремени хоть однимъ глубокимъ вздохомъ. Въ этихъ Краковякахъ заключены всѣ его думы, всѣ помыслы, всѣ чувствованія, какія только рождались, могли родиться въ немъ въ такое короткое время; и потому Краковяки составляютъ единственную народную Поэзію Поляковъ: они ихъ *національныя пѣсни*. Самыя свойства этѣхъ коротенькихъ пѣсень указываютъ на ихъ происхожденіе, обстоятельства, ихъ породившія. Свойства эти-*краткость*: два, три, четыре, рѣдко больше, стиховъ. Обыкновенно, въ первомъ стихѣ (или куплетѣ) какая-нибудь черта или образъ, взятый изъ окружающей природы, либо своего подручнаго міра, и то, большею частію, наудачу, такъ что съ мыслію,

чувствомъ, находящимся въ слѣдующемъ стихѣ (или куплетѣ) почти никакой связи не имѣетъ, а взятъ лишь для одной риомы, для того, что нужно же чѣмъ-нибудь начать. Часто случается, что въ Краковякѣ прямо изливается чувство, выражается какая-нибудь дума, практическая истина, и т. д., безъ всякаго снесенія, сравненія, уподобленія, безъ всякой подставки, повода, посредничества. Это-то говоритъ о поспѣшности, съ какою Краковяки складывались: не было досуга ни вполнѣ выразить, проявить чувство, помыслъ, ни найти для нихъ образъ во внѣшнемъ мірѣ, строго отражающій въ себѣ, совпадающій во всѣхъ возможныхъ точкахъ сходства, соотношенія, или подобія. Второе отличительное свойство Краковяка-его *веселость*. Страдая безпрестанно то отъ того, то отъ другаго, селянинъ, въ мимолетные часы своего кратковременнаго покоя, предавался съ жадностію веселости, не потому, чтобы у него было на сердцѣ весело, но чтобы сколько-нибудь и какъ - нибудь забыться, растеряться, прогнать хоть пѣснію свое обычное горе, и тѣмъ, если не облегчить, такъ, по крайней мѣрѣ, на два, на три мгновенія заглушить свои душевныя и тѣлесныя раны. Много, впрочемъ, этой веселости Краковяковъ помогаетъ отъ природы живой характеръ народа, а не то,-такъ какъ въ старой Польшѣ нѣкогда было весело жить вельможнымъ Панамъ, то, будто бы, эта веселость сообщилась и простолюдину. Это то же, что въ чужемъ пиру похмѣлье. Кромѣ того, жалобы на похищеніе дочерей у бѣдныхъ родителей, на разнаго рода насилія,

обиды и наругательства, и т. п., что очень часто составляетъ содержаніе многихъ Краковяковъ, показываютъ, что простолюдину трудно, невозможно было брать участія въ радостяхъ пановъ, его притѣснителей. Какъ ему было отвѣчать веселіемъ на веселіе своихъ владыкъ, когда онъ же самъ говорилъ о своей родинѣ:

«Nie będzie w Polszcze dobrze,
aż będzie *bardzo źle;*»

а онъ зналъ, онъ видѣлъ, отъ чего и отъ кого *не добро* въ Польшѣ....

Краковякъ всегда соединенъ съ музыкой и пляской. Лучшее, точнѣйшее описаніе его находимъ въ *Краковской Селянкѣ*, подъ названіемъ «Młody Wiesław,» соч. извѣстнымъ *Казиміромъ Бродзинскимъ*. Вотъ оно:

«Naprzód wychodzi, przed muzyką staie
Halina w pląsach rękę mu podaie,
Za nim się w koło młodziany zebrali,
Hucą i biią w podkówki ze stali.
Wiesław się niał za pas ręką prawą
I pląsa lekko przed Haliną żwawą.
W skrypce i basy sypnął grosza hoynie
Oycom za stołem skłonił się przystoyinie.
Tupnął, i głowę nachilił ku ziemi
I zaczął nócić słowy takowemi:
«Niechże, ia lepiéy nieżyię,
Dziewcze! skarby moie,
Ieśli kiedy oczka czyie
Milsze mi nad twoie:
Patrzayże mi prosto w oczy,
Bo Bóg widzi w niebie,
Ze mi ledwo niewyskoczy
Serduszko do ciebie!»
Bierze Halinę, i tak w około,
Przodkuiąc drużbom tańczy wesoło;

Halina w pląsach przed nim ucieka,
On w ręce biiąc goni zdaleka;
A gdy dogoni znowu z nią wróci,
Staie i w pląsach, tak daléy nuci:
«Nieuciekay dziewsze lube,
Moie sto tysięcy?
Dogonię ia swoią zgubę
I niepuszczę więcéy:
Krąży ptaszek w ciemnym lesie,
Gałązek się czepia,
Aż dognany piórka niesie
Gniazdeczko ulepia.»
Sam teraz w pląsach przed druchną stroni,
A ona za nim wesolo goni,
I dogoniony, gdy znowu wrócił,
Stanął i w płąsach różne pieśni nócił.»

Относительно духа Краковяковъ,—онъ виденъ уже изъ самаго ихъ происхожденія и отличительныхъ свойствъ, ихъ поспѣшно-сжатаго выраженія чувствованій души, ея волненій и потрясеній, большею частію принадлежавшихъ къ области любви. Простолюдинъ, изнемогая подъ игомъ крупной, а еще пуще, мѣлкой, сошечной, но безчисленной, Аристократіи, въ слишкомъ краткій срокъ своего досуга, лишь только начинавшійся, какъ ужь и готовый кончиться и, Богъ вѣсть, когда снова мелькнуть, пролетѣть незамѣтной пташкой, спѣшилъ выразить то, что было ближе всего къ нему и вообще всякому человѣку, чувствованія, незаглушимыя ни въ какое время и ни въ какомъ положеніи народа, чувствованія, порождаемыя любовію. Изливая эти чувствованія, онъ тѣмъ самимъ думалъ, хотѣлъ и надѣялся сколько-нибудь отвести свою растерзанную душу, пролить, хоть немного, цѣлебнаго

бальсама на свои жгучія раны, поддержать отраднымъ освѣженіемъ свой упадающій духъ и, т. об., съ новыми силами пойти опять на встрѣчу своему неотразимому, безотлучному врагу. А извѣстно, что, когда человѣкъ видитъ такъ окруженнымъ себя со всѣхъ сторонъ своимъ смертельнымъ врагомъ, своимъ горемъ, безталаньемъ, что какъ ни увертывайся, какъ ни изгибайся, что ни дѣлай и передумывай, а нельзя отъ него не только отвязаться, но ни на шагъ податься впередъ, ни пяди выиграть въ самой упорной битвѣ, человѣкъ, въ такомъ случаѣ, упрямѣе всего на свѣтѣ: онъ ожесточается, и, отказываясь отъ всякаго боя, противопоставляетъ свое желѣзное терпѣніе. Зато, улучивъ минуту, которою можетъ располагать какъ властелинъ, распоряжаться по своему, онъ, словно дитя, бросается на нее, торопится, опрометью спѣшитъ воспользоваться своею собственностію, не наглядится на нее, не натѣшится ею, и, на зло своимъ недругамъ, старается всѣмъ, что только есть у него, угостить свою дорогую, рѣдкую гостью; онъ ненарадуется ею, и потому, ловя случай, съ жадностію летитъ на пиръ, даетъ полную волю себѣ и, въ разгулѣ и на просторѣ, ищетъ растеряться, отогнать свою обычную тоску, злодѣйку - печаль, шумнымъ веселіемъ, хочетъ забыться въ этой новой, столько рѣдкой, усладительной для него, сферѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ себѣ сжатость, живость и веселость Краковяковъ, и ихъ *Лиризмъ*, эти знаменательныя свойства національныхъ Польскихъ пѣсень, свойства, столько за-

трудняшія многихъ ученыхъ и умныхъ людей, пытавшихся объяснить ихъ себѣ, явно и такъ сильно противорѣчившія жизни народа, которому обязаны своимъ началомъ, составляютъ выраженіе, картину его бытія.

Говорятъ, и у Руси (Южной), составлявшей нѣкогда одно политическое тѣло съ Польшей и Литвой, имѣются своего рода Краковяки, происшедшіе, будто бы, отъ подобныхъ же обстоятельствъ: таковы, именно, *Коломийкы.* Но это чистая напраслина на Руссиновъ, никогда не находившихся въ одинакихъ обстоятельствахъ съ Польскими простолюдинами. То правда, Руссинъ, со временъ Сигизмунда III-го, еще больше страдалъ, жребій его былъ несравненно хуже; однако, до появленія Уніи, онъ, находясь подъ ближайшимъ управленіемъ своихъ Русскихъ пановъ, бывшихъ къ нему гораздо снисходительнѣе и человѣколюбивѣе, чѣмъ Польскіе паны къ своимъ хлопамъ и вообще низшему классу, а послѣ, перешедши, большею частію, въ достояніе Магнатовъ-Поляковъ, хоть много былъ ими угнѣтаемъ, но все, таки, имѣлъ время и случай отправлять свои урочныя обязанности, исполнять свои обряды, слѣдовать своимъ обыкновеніямъ, и т. д., потому что онъ, помня о своей прежней независимости и добровольномъ, полюбовномъ, соединеніи черезъ Литву съ Польшею, *какъ равныхъ съ равными* (См. Привил. Ягайла 1410 г.), часто напоминалъ притѣснителямъ свои права. Далѣе, дробной шляхты менѣе разсыпано было по селеніямъ Руссиновъ, слѣдовательно они не знали и тѣхъ бѣдъ, какія терпѣлъ

селянинъ въ Польшѣ. Руссинъ, потому, имѣлъ больше времени оставаться съ собою, уединяться въ самаго себя, думать о своемъ горѣ, а отсюда его пѣсни—обширнѣе, отчетистѣе, многообразнѣе, совершеннѣе. Пѣснямъ, подобнымъ Краковякамъ, нельзя было явиться у него, такъ какъ не доставало причинъ и поводовъ къ тому. А то, что нѣкоторые (напр *Вацлавъ изъ Олеска*. См. изд. имъ Руссин. и Польск. пѣсни въ Галиціи, предисл. XL, XLI стр.) разумѣютъ подъ ними (*Коломійкы*), суть просто на выдержку взятые куплеты изъ другихъ пѣсень, начало коихъ Гг. Собиратели пѣсень не знаютъ, и потому выдаютъ эти куплеты за нѣчто цѣлое, въ родѣ Краковяко́въ. Не споримъ, многіе куплеты изъ пѣсень поются и отдѣльно, примѣняя ихъ къ какому-нибудь случаю; но все же они части другаго цѣлаго и отнюдь непохожи на Краковяки. Равнымъ образомъ у Руссиновъ есть довольно плясовыхъ пѣсень, состоящихъ, по самому уже роду своему и цѣли, изъ небольшаго числа куплетовъ; при всемъ томъ грѣшно бы было называть такія пѣсни — Краковяками, приписывать имъ одинакое происхожденіе и значеніе. Беремся всѣмъ, такъ называемымъ, *Коломійкамъ*, указать, къ какой онѣ относятся пѣснѣ, откуда именно взяты. . . .

Нѣкогда, впрочемъ, какъ еще Шляхта не достигала такой ужасной, неимовѣрной, многочисленности, силы и вліянія на простой народъ, какъ этотъ послѣдній пользовался большею свободою, и Поляки, утверждаютъ, имѣли довольно другихъ пѣсень, гораздо въ обширнѣйшемъ объемѣ и размѣрѣ. Такъ, напр.,

Бѣльскій въ своей лѣтописи говоритъ, что Казиміръ, возвращаясь въ Краковъ, былъ встрѣченъ народомъ пѣсней, начинавшейся:

«A wytayże, wytay, nasz mily gospodine!»

Длугошъ увѣряетъ, что онъ, въ свое время, слышалъ пѣсню, въ которой оплакивалась смерть Лутгарды или Лукѣрды, супруги Короля Пржемисла. Далѣе, *Чацкій* приводитъ посланіе Мелеціевъ къ Юрію Сабину 1551 г., гдѣ упоминается о давнихъ Польскихъ пѣсняхъ при похоронахъ, напр. слѣд.:

«Ha Lele, Lele!
Y procz ty mene umrał?
Za to ty nye miał szto isty, albo pyty?
Y procz ty umrat?
Ha Lele! Lele!
Y za ty nye myał krasice mlodzice?
Y procz ty umrał?»

Но усиленіе Шляхты, раннее знакомство съ Классическою Литературою, ея быстрое и, почти, повсемѣстное распространеніе между Поляками, изгнало эти пѣсни. Поэтъ воспѣвалъ своихъ пастуховъ и пастушекъ: Дафнисовъ, Палемоновъ, Лауръ, или какихъ-нибудь Дульциней, Шляхтичь перенималъ у него и вторилъ ему, горожанинъ-Шляхтичу, селянинъ горожанину, и т, д., боясь отстать, не показаться простакомъ, невѣжей, блеснуть своимъ вкусомъ, образованіемъ, презирая прадѣдовскія пѣсни, и, так. обр., мало помалу въ большей части Польши онѣ забылись и, наконецъ, истребились вовсе, а завыванія школяровъ, между тѣмъ, распространились. Но эта школьная Поэзія, какъ чуждая, народная,

не могла остаться навсегда между Польскими простолюдинами, не понимавшими ее вполнѣ, и потому, съ прошествіемъ моды на нее въ высшихъ классахъ, и она постепенно исчезала, вытѣснивъ и погубивъ только свою соперницу, естественную народную Поэзію. Что оставалось дѣлать бѣдному простолюдину? Тѣ, которые жили близъ или среди Руси, тѣ начали пѣть ихъ пѣсни, переводя какъ попало на свой языкъ и, даже, совершенно передѣлывая, такъ что съ трудомъ узнаешь подлинникъ; другіе же просто молчали или повторяли старыя дрязги школьной Поэзіи, пока, наконецъ, не дошли къ нимъ Краковяки, обязанныя, первоначально, своимъ происхожденіемъ поселянамъ Краковской земли. Съ жадностію бросились на эти Краковяки, и ихъ послѣ столько появилось, что почти невозможно сдѣлать имъ полнаго собранія, потому что по нимъ каждое селеніе, городъ, каждый селянинъ, молодой парень, и т. д., творилъ свои собственные Краковяки, и тѣмъ легче, тѣмъ скорѣе, что это — именно та форма, которая одна только и была способна къ выраженію душевныхъ чувствованій въ его положеніи. Это показываетъ также, отъ чего Краковяки сдѣлались народными пѣснями Поляковъ, ихъ народною Поэзіей.

V. Разсматривая Исторію *Сербовъ*, перечитывая ихъ народныя пѣсни, слѣдуя за ихъ нравами, обычаями, преданіями, повѣрьями, и т. п., видимъ, что вся жизнь Сербовъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, кой-гдѣ, даже, и теперь и, можетъ быть, еще надолго и въ будущемъ, есть не что иное, какъ непрерывная цѣпь ужаснѣйшихъ битвъ, самая пе-

страя, кровавая, картина войнъ съ разными разноплеменными, разноязычными, разновѣрными, народами. Здѣсь духъ ихъ поднялся до высшей степени героизма, исполинскаго мужества, твердости и упругости, сердце ожесточилось, характеръ сдѣлался энергическимъ, стойкимъ, словомъ: все 12 вѣковое бытіе Сербовъ представляется намъ безпрерывнымъ рядомъ богатырскихъ подвиговъ. Намъ не извѣстно, таковы ли они были и до прихода своего въ Иллирію, на прежнихъ старинныхъ жилищахъ; зато навѣрное знаемъ, что, послѣ водворенія ихъ на Ѳракійскомъ полуостровѣ, они не имѣли себѣ покоя ни въ какую годину, ведя вѣчныя брани съ иноплеменниками. Брани этѣ распадаются естественно на двѣ великія половины, на двѣ знаменательныя эпохи: въ обѣихъ ихъ разыгрывалась одна и таже драма, т. е., отстояніе родины отъ *находцевъ, насильниковъ* (по выраженію лѣтописца), битвы съ ними не на жизнь, а на смерть, потому что «еданъ путъ умрети», что «противъ смрти нема лѣка,» а «мртвога вече зубы не боледу,» и, дыша мщеніемъ, весело неслись на встрѣчу своимъ врагамъ, повторяя: «каковъ поздравъ, онакый и отздравъ». Начавъ разъ, они не бросали уже начатаго, по пословицѣ: «болѣ е што не почети, неголи почето на край не довести.» Въ первой эпохѣ имъ выпало «сватове держати и пиръ имати» прежде всего съ туземцами Илюрика, потомъ съ Булгарами, Печенѣгами, Половцами, Греками, Италіанцами, Венграми и Нѣмцами. Изъ государей ихъ этого времени особенно прославились своимъ воинственнымъ духомъ: Милутинъ, Стефанъ Дечанскій и Стефанъ Душанъ

Сильный, при коихъ «бяше красно време» Сербовъ, «не имаху чему плакати;» тогда каждый изъ нихъ говорилъ: «што болѣ піемъ, болѣ жедямъ» потому что «какво гнійздо, таква птица: каковъ отецъ, таква дитца.» Этотъ періодъ ихъ жизни весь полонъ геройскими дѣлами Сербовъ, чуть было не уничтоживших Греческой Имперіи и уже готовившихся замѣнить слабыхъ и недостойныхъ потомковъ Великаго Константина своими Царями, этотъ періодъ долженъ былъ, также, изобиловать народными пѣснопѣніями въ честь витязей судя вообще по врожденной склонности всѣхъ Славянъ къ нимъ и по тѣмъ извѣстіямъ иностранныхъ писателей, преимущественно Греческихъ, въ которыхъ явно говорится, что Сербы въ ту пору воспѣвали своихъ юнаковъ. Такъ, напр., у *Приска* мы читаемъ, что онъ, проѣзжая 590 г. нынѣшнюю Валахію, самъ слышалъ въ краю Аварскомъ, т. е. Славянскомъ, разныя пѣсни: « Quibus (Slavis) etiamnum ex avaricis (i. e. slavicis) cantilenis consopitis etc. (Stritt. II. 6.1); далѣе, Никифоръ *Грегорасъ*, отправленный 1326 г. посломъ къ Сербскому царю Стефану Дечанскому, говоритъ въ своемъ описаніи этого посольства: «Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ, особенно Славяне, пѣли пѣсни: In famulitio, quod pone sequebatur, nonnulli praesentia pericula parum metuentes *vociferabantur* et tragicis cantibus celebrabant laudes veterum heroum, quorum famam solam audivimus, res autem gestas non vidimus (ed. Par. 1. 252. Извѣстный *Вукъ Караджичь* (въ Предисл. къ св. Сербскимъ пѣснямъ, Ч. 1-я, стр. XXXVII.) вотъ что говоритъ о пѣсняхъ этого времени: «Што се тиче

старине наши пѣсама, я би рекао, да имамо старіи *женски*, него юначки; еръ *юначки пѣсама мало имамо старіи одъ Косова, а одъ Неманича нема старіе ниедне*; а между женскима може бити да и има и одъ иляде година, напр., между Краличкима, Додольскима и т. д. Я мисли, да су Србльи и пріе Косова имали и юначки пѣсама одъ старине, но будучи да е она премѣна тако сильно ударила у народъ, да су готово све заборавили, што е било донде, па само *одинде почели наново приповѣдати и пѣвати.*» 1) И такъ большая часть пѣсень Сербскихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ женскихъ, обрядныхъ, и т. п., относится не къ этому времени, но къ другой половинѣ бытія этого народа, т. е., ко времени появленія Турокъ въ Европѣ, разрушенія ими царства, ужасныхъ притѣсненій, которыя послѣ того постигли несчастныхъ, но не терявшихъ бодрости, Сербовъ. Почти пять вѣковъ продолжалась борьба ихъ съ Мусульманами, въ которой вся Сербія обра-

1) Эту же мыслъ *Караджича* повторяетъ и неизвѣстный сочинитель статьи: *Poésie populaire des nations slaves* въ Revue Britannique (4-e série, N 13) Janvier 1837 (стр. 47). «On ne peut attribuer une antiquité très reculée aux poèmes épiques des Serbes. Aucun d'entre eux ne remonte plus haut que le quatorzième siècle. Mais avant la redaction de ces poèmes, tels que nous les possédons, il en existait d'autres, aujourd'hui perdus et entraînés par le cours des âges. Déjà de nouveaux héros,—замѣчаетъ онъ,—(что иначе и быть не можетъ у такого народа) sont devenus populaires en vie. Le *Noir Georges* et d'autres vaillans guerrieres, nos contemporains, sont devenus célèbres dans la poèsie populaire: le Noir Georges aura le même sort que Marco Kraljewitsch, héros du quatorzième siècle; il sera chanté sous leurs traits; il deviendra poétique d'après la même combinaison d'idées; et sans doute, il aurait quelque jour effacé et englouti ses prédécesseurs, si la publication des vieux chants serbes ne l'avait fait vivre à jamais.

тилась въ *побратимовъ* для сохраненія своей народности, и хотя видѣла, что ей невозможно совладѣть съ своими врагами:» сила Бога не моли: сила кола ломи,» но памятуя, что «на развалинахъ оживи новина» она не влагала меча своего въ ножны, а великодушно обрекла себя на вѣчное скитаніе на родинѣ, на вѣчную брань съ невѣрными: болій е добаръ гласъ, него злашанъ насъ.» Эта пятивѣковая борьба, гремѣвшая неумолкаемо, богатая неслыханными подвигами героизма, затмила своимъ блескомъ все, предшествовавшее ей, всѣ прежнія рыцарскія дѣянія Сербовъ, подобно какъ эпоха Козачества у Южныхъ Руссовъ заслонила собой эпоху междуусобицъ ихъ Князей. Отъ того какъ у Руссиновъ, такъ и у Сербовъ пѣснопѣній изъ древнѣйшаго періода ихъ жизни (у первыхъ изъ періода до-Козацкаго, у вторыхъ Царско-Княжескаго) вовсе почти нѣтъ, а если и есть, то очень мало: народъ событія этого періода какъ-то неохотно, не съ такою любовію пересказываетъ, слушаетъ и поетъ, хоть они великостью, звучностью, очарованіемъ едва ли въ чемъ уступаютъ послѣднимъ. Конечно, противники Сербовъ были могущественны, многочисленны и настойчивы, и имъ, лишеннымъ своего Царя, трудно, тяжело было бороться съ ними поодиночкѣ: «тежко и сили безъ власти;» но могли ли, должны ли были они отказаться отъ противодѣйствія, подклонить свою шею подъ ярмо иноплеменниковъ, послѣ столькихъ вѣковыхъ подвиговъ на полѣ брани, покрывшихъ отцевъ ихъ неувядаемой славой, сознавая въ себѣ и мощь и полное право на лучшій жребій?

Нѣтъ, они видѣли, какъ эти поклонники Магомета обходились съ народами, рѣшившимися покориться своей судьбѣ: покорность не спасла ихъ отъ смерти и заточенія: » зла е кућа темниса;» « нѣтъ, » и насъ е мати допла,-говорили они,-како и другога, « и потому отчаянно, грозно бились и были биты: « какви животъ, таква смертъ, » не только не прося пощады, но и не думая о ней никогда: » како си простреш, тако чешъ лежати. » Притомъ же не вѣчно громъ гремитъ; время и обстоятельства измѣняются, а съ нимъ и люди: « време се меня, а и мы у времену;» а потому Сербы могли льстить себя хоть отдаленною надеждой на лучшіе дни, что усилія ихъ когда-нибудь да увѣнчаются: « ни е несрете безъ среће. « Но глядѣть равнодушно на страданія ближнихъ своихъ, на истребленіе огнемъ и желѣзомъ своей отчизны, быть невольникомъ у себя и изъ-за своего добраго: « себи орешъ, себи ссешъ, себи влачишъ, себи чешъ и жети: » это невыносимо, это не въ духѣ Серба: « чегъ око не види, сердце не жели.» Да и что пріятнаго могла въ себѣ заключать для нихъ жизнь, чѣмъ могла она манить ихъ къ себѣ, когда имъ нельзя уже было жить болѣе по правдѣ отцевъ своихъ? О, коли такъ, не доставайся же мое доброе ни мнѣ, ни моему злодѣю; умру, но побратимъ мой отмститъ за меня! Лучше быть обречену на висѣлицу, видѣть смерть со всѣхъ сторонъ, чѣмъ служить на своемъ пепелищѣ невѣрному, губителю родины: « лепше е злато и потопошено, нежели сребро изнова ковано. . . . »

При такомъ положеніи вещей, при такой бурной,

мятежной, обставленной всѣми ужасами и гибелью, жизни, когда всякой говаривалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ: «Онакый ми е животъ, као месецъ: часомъ пунъ, часомъ пражанъ,» при такой настроенности духа цѣлаго народа, ничего нѣтъ удивительнаго, если и въ Поэзіи его вы только и слышите, какъ «громъ грми, се земля тресе,» какъ «пуцаю топе, дуаю приморски вѣтрове, метю дюмишки пиштоле, честоли се войске ударау по полю широку, отъ ютра до мрака, а одъ мрака до бѣла данка, чія гине войска, чія добива, што остало, што поплашило,» какъ «нагони се юнакъ на юнака: бѣле руке изсѣчене, а по тѣлу ране поградене, то говоре, а съ душомъ се боре, то рекше, а душу пустише,» какъ Мусульманинъ

«Пали села и бѣле вароше,
Сѣче, коле мало и велико,
Сужне хвата, по войсци ихъ дѣли?...»

Что страннаго, если Поэзія Сербовъ вся полна разсказами о доблести, о славныхъ подвигахъ и смерти ихъ витязей—«юнакъ до юнака,»—неутомимо пытавшихся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій возвратить свободу своей отчизнѣ, если ихъ пѣсни преимущественно *Гомерическаго* содержанія? Всякой народъ въ своемъ юномъ возрастѣ, при полномъ разливѣ силъ физическихъ, обыкновенно больше всего поражается и увлекается дѣлами, въ коихъ выказывается во всемъ своемъ блескѣ эта сила. Придайте сюда естеетвенную склонность человѣка увѣковѣчивать свои и своихъ ближнихъ подвиги, желаніе жить въ памяти потомства, и, напослѣдокъ, если еще народъ питаетъ отъ природы

любовь къ Поэзіи, то послѣ этого очень понятно, что онъ, въ такомъ возрастѣ своей жизни, всегда чуждомъ высшей гражданственности, но за то всегда почти дѣятельномъ, разнообразномъ, кипучемъ, могъ имѣть не иначе исторію своего бытія, какъ только *піитическую, рапсодическую*, въ отдѣльныхъ *національныхъ пѣсняхъ*, а Поэзія его должна быть непремѣнно *историческая, героическая*, отражающая въ себѣ весь огонъ, весь пылъ, все мощное, славное его прекрасной юной жизни. Потому характеръ Сербскихъ пѣсень предпочтительно—*Эпическій*. Это въ полномъ смыслѣ народная Эпопея и по своему содержанію,—богатырскимъ подвигамъ Сербскихъ юнаковъ,—и по нравамъ ихъ, какъ представителей цѣлаго народа, и походу и пріемамъ своимъ, и по языку, простому и вмѣстѣ живописному, пластическому, съ его образами, сравненіями, уподобленіями, повтореніями, и т. п. Вспомните тутъ еще и то немаловажное обстоятельство, на первый взглядъ, правда, кажущееся пустымъ, но по соображеніи и дальнѣйшемъ его разсмотрѣніи, чрезвычайно многоцѣнное, именно, что разрозненныя части, или лучше, пѣсни, изъ коихъ послѣ рука искуснаго художника (или художниковъ) составляетъ одно правильное цѣлое, одолженныя началомъ своимъ, однѣ — самимъ дѣйствователямъ, ихъ соучастникамъ, другія—кому-нибудь изъ среды самаго народа, сложенныя, нерѣдко, на мѣстѣ событія, и составляющія каждая какъ бы особую поэму, что каждая изъ этѣхъ пѣсень поется людьми, образующими собой отдѣльный, самобытный классъ въ народѣ, для ко-

ихъ онѣ—все достояніе, все имущество, берегущими ихъ *яко цѣницу ока своего*, и передающими изъ рода въ родъ, какъ свое наслѣдіе. Эти люди въ древности, напр., у Грековъ, извѣстны были подъ именемъ *рапсодовъ* 1), люди простые, бѣдные, большею частію вмѣстѣ съ тѣмъ музыканты и притомъ слѣпцы, бродившіе поодиночкѣ всю жизнь свою отъ селенія къ селенію, отъ города къ городу, распѣвая на многолюдныхъ собраніяхъ, праздникахъ, играхъ, торжищахъ, и т. п., извѣстныя имъ пѣсни и перенимая для той же цѣли неизвѣстныя еще у подобныхъ себѣ и у самаго народа, даже нерѣдко и сами составляя новыя; у Славянъ, именно у тѣхъ, жизнь коихъ представляла къ тому случай, у Южныхъ Руссовъ или Малоросіянъ (Украинцевъ), они назывались и называются *бандурыстамы* 2), а у Сербовъ просто — *слѣпци* 3). Они тоже дѣлаютъ, что и Греческіе рапсоды, и ведутъ такую же точно скитальническую жизнь, соединяя пѣніе съ музыкою: это въ полномъ смыслѣ *Гомеры*, будетели вы производить имя *Гомеръ* отъ ὁμοῦ (una, вмѣстѣ) и εἴρειν (отъ εἴρω, sero, consero, copulo verba verbis, ὁμηρέω, sum obses, Ὅμηρος, obses), или отъ нарицатель-

1) Отъ ῥάπτω, шью, соединяю, созидаю, ᾠδάς, пѣсни; ῥαψῳδέω, carmina contexo, quasi consuo, — decanto, praecipue carmina heroica, epica; ῥαψῳδός, carminum textor, recitator, quasi consutor.

2) Отъ инструмента *бандура*, Греч. πανδοῦρα, πανδουρίς, instrumentum musicum, triplici instructum chorda, Лат. pandura, Итальян. pandora. *Бандурысты* играютъ также и на *кобзѣ* и *лирѣ*.

3) Играющіе на инструментѣ «*гусли*.»

наго имени на Іоническомъ нарѣчіи Ὅμηρος (caecus), *слѣпецъ*. Мы увѣрены, что изъ тщательно собранныхъ историческихъ пѣсень Сербовъ и Малороссіянъ человѣкъ, съ истиннымъ поэтическимъ чувствомъ и смѣтливостію, очень могъ бы составить одно систематически цѣлое, такое, какимъ представляется намъ Иліада, могъ бы составить свою *Славянскую Иліаду*. Содержаніемъ Иліады Сербской была бы борьба Сербовъ съ Турками за независимость; предметомъ Иліады Украинской—подобная же борьба Козаковъ съ Ляхами; точкой отправленія первой—несчастный бой на Коссовѣ, второй—такой же при Пяткѣ (или же убіеніе Пи(о)дковы, иначе Серпягы во Львовѣ); изъ пѣсень семейственныхъ и т. п. можно бы образовать *Славянскую Одиссею*; и наоборотъ, изъ историческихъ пѣсень новѣйшихъ Грековъ тоже могла бы образоваться ихъ новѣйшая Иліада. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь такимъ же образомъ составились Эпопеи Индійская, Скандинавская, Нѣмецкая, Романская, и т. п? Это народныя историческія пѣсни, распѣвавшіяся, когда-то, самимъ народомъ, а послѣ, по умноженіи ихъ, особыми пѣвцами: Браминами, бывшими вмѣстѣ жрецами, учеными, поэтами и пѣвцами, Скальдами, Бардами (не отъ Санскритскаго ли слова Барада, богиня дѣяній, дѣеписанія?), Трубадурами, Трубверами, Миннезингерами, Рапсодами древнихъ, слѣпцами-нищими, странниками новыхъ Грековъ, такими же слѣпцами Сербовъ, зпѣваками Чеховъ, Словаковъ, Бандурыстамы Южныхъ Руссовъ, и т. д. Теперь дѣло доказанное, что Исторія каждаго народа всегда начинается преданіемъ, миоами, не въ

теперешнемъ значеніи этого слова, но въ его первоначальномъ, истинномъ смыслѣ, т. е., какъ настоящее, дѣйствительное сказаніе о какомъ-нибудь событіи, и историческими пѣснопѣніями. Такъ всѣ дикіе народы, всѣ народы, неначинавшіе еще гражданственной жизни, или готовые перейти въ нее, въ этомъ періодѣ бытія своего, ознаменованномъ преобладаніемъ, разгаромъ силъ физическихъ, всѣ лучшія, замѣчательнѣйшія по чему бы то ни было событія своей жизни, обыкновенно стараются сохранить надолго, воспѣвая ихъ въ своихъ пѣсняхъ, которыя, потому, съ одной стороны, въ одно и тоже время, образуютъ собой разрозненные члены Эпопеи народа, а съ другой—первоначатки, основу его Исторіи, его прежняго быта, нравовъ, обычаевъ, и т. д. Извѣстно, что древнѣйшая Исторія Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ, и другихъ народовъ, вся опирается на устномъ преданіи и національныхъ героическихъ пѣсняхъ 1); равнымъ образомъ нѣкоторые *(Шафарикъ)* утверждаютъ, что и въ Исторіи Славянъ самыя старѣйшія извѣстія, сохранившіяся въ писаніяхъ лѣтописцевъ, чужихъ и своихъ, почерпнуты тоже изъ историче-

1) *Tacit.* De morib. etc. c. 2. Carmina unum apud illos memoriae et annalium genus. Въ другомъ мѣстѣ: Arminius canitur adhuc barbaras apud gentes, Graecorum annalibus ignotus.—*Павелъ Діаконъ* H. L. I. 27. Alboini ita praeclarum longe lateque nomen percrebuit, ut hactenus etiam tam apud Bajoariorum gentem, quam et Saxones, sed et alios ejusdem linquae homines, ejus liberalitas et gloria, bellorum felicitas et virtus in eorum carminibus celebretur.

скихъ пѣсень народа 1). Но ни чьи героическія или эпическія пѣсни столько не сходствуютъ между собою своимъ составомъ, ходомъ, языкомъ (его разнообразіемъ и т. д.), оборотами, выраженіями, сравненіями, подобіями, картинами, образомъ своего появленія, распространенія, сохраненія, пѣнія, и т. д., какъ пѣсни древнихъ и новыхъ Грековъ и Славянъ, особенно Славянъ по-Дунайскихъ (Сербовъ) и Южно-Русскихъ (Руссиновъ или Малороссіянъ) 2).

1) Напр. извѣстіе Конст. Багрян. о пришествіи Хорватъ изъ Бѣлохорватіи въ Иллирикъ (634 г.) подъ начальствомъ пяти Князей—братьевъ и двухъ сестеръ, извѣстія Галла и Кадлубка о Краковѣ, Вандѣ, Лешкѣ, Попелѣ, Пястѣ, и т. д., Косьмы Пражскаго о Чехѣ, Нестора о построеніи Кіева, о походѣ Кія на Царьградъ, о правленіи трехъ братьевъ и сестры Лыбеди, о прибытіи двухъ братьевъ, Радима и Вятка, отъ Леховъ на Русь, о насиліяхъ Обровъ, и т. п. См. Slow. Starož. стр. 196, 197. примѣч. 25.

2) Впрочемъ о новѣйшихъ Грекахъ теперь идетъ споръ: точно ли они потомки древнихъ Грековъ, или же Славяне огречившіеся? Послѣднее предположеніе, судя по всему, кажется, справедливѣе перваго. На это указываетъ самая Исторія, ихъ нравы, обычаи, повѣрья, ихъ теперешняя географія, языкъ, пѣсни, и мн. др. По словамъ Прокопія, Приска и др. Славяне (Хорваты, Сербы, Булгары, и др.) съ VI-го ст. дѣлали набѣги и ужасно пустошили Элладу и др. части Греческой Имперіи: Iam enim saepe Hnnni, Antae et Sclavini trajecto fluvio (Danubio) Romanos pessime foedissimeque vexarant. Procop. de bell. Goth. L. III. c. 14. Slavisata fuit universa regio (Peloponnesus, ἐσθλαβώθη πᾶσα ἡ χώρα) ac barbara effecta (καὶ γέγονε βάρβαρος), quando pestilens morbus in omnem terrarum orbem grassatus est, quo tempore Constantinus Copronymus Romanorum imperii sceptra rexit. Itaque quempiam e Peloponneso oriundum de nobilitate sua, ne dicam ignobilitate, gloriantem, *Euphemius*, illustris ille Grammaticus, cavillatus salse fuit hoc trito et pervagato senario (jambo):

Вотъ почему всѣ, изучавшіе основательно Сербскія пѣсни, начиная съ перваго собирателя и издателя ихъ, славнаго Вука Стефановича, до иностранныхъ переводчиковъ: Гергарда, Гримма, Вегзели, Тальве (дѣвицы Терезы Якобъ, теперь Г-жи Робенсонъ). Боуринга, Гжи Э. Вояртъ, равно какъ и единоплеменныхъ (нѣкоторыхъ только пѣсень:) Челяковскаго, Ганки, К Бродзинскаго, Кастелица, и др., всѣ они единодушно соглашаются насчетъ эпическаго харак-

Γαρασδοειδὴς ὄψις ἐσλαβωμένη

Hic autem fuit *Nicetas*, qui filiam suam *Sophiam*, collocavit *Christophoro*, filio *Romani*, egregii ac probi Imperatoris. Конст. Багрян. (De them. L. II. p. 20. Th. VI). Сравн. I. P. Fallmarayer's Gesch. d. Halb. Morea, 1830. S. 340. Hiebey ist nicht zu vergessen, dass sogar die noch griechischredenden Ueberbleibsel des Peloponneses schon im X Iahrhunderte zu Constantinopel nicht mehr als *Hellenen*, sonder als eine Bastard-Race angesehen wurde, welche die Spuren ihrer slawischen Abstammung im Antlitze herumtrage. Desswegen wurde auch ein moraitischer Archont, dessen Tochter *Sophia* den Sohn des Kaisers *Romanus* geehlicht hatte, und welcher sich rühmte, aus dem Blute der alten Peleponnesier entsprossen zu seyn, von einem *Euphemius* mit folgendem Trimeter bestraft: «*Ein runzliches Slavonier-Gesicht.*» In vacuam habitatoribus Peloponnesum et magnam Macedoniae partem circa an. 750 Slavini immigrarunt. Конст. Багрян. (De Them. Th. 7. L. 2). Theoctistus praetor missus est ad thema Peloponnesi cum magna manu Thracum, Macedonum caetororumque thematum occidentalium ad Slavos debellandos subjugandosque. Et omnes quidem Slavos vicit et subjugavit. Soli *Ezeritae* et *Milengi* relinquebantur sub Lacedemonia et Elas. Ac quandoquidem mons illic magnus est et valde altus Pentedactylus nomine, qui cervicis instar longe se in mare porrigit, propter loci difficultatem ad latera ejus sedes posuerunt hinc *Milengi*, inde *Ezeritae*. Онъ же (De Adm. Imp. c. 50). Καὶ νῦν δὲ (ок. 2000 г.) πᾶσαν Ἤπειρον καὶ Ἑλλάδα σχεδὸν, καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν

шера народной Сербской Поэзіи. Напр. извѣстный Якобъ Гриммъ: « Was epische Volksdichtung sey, wie sie sich gestalte und fortpflanze, welche natürliche überraschende, keiner Kunst erreichbare Kraft der Erfindung ihr zu Gebot stehe, wird man aus den Männer-und Heldenlieder der Serben studiren können, deren Inhalt Mährchen, Sagen und neuere Geschichte umfasst, und sich mit den Denkmählern ferner Völker berührt (S. Gramm. S. 14, 20.).» Наиболѣе эти эпическія пѣсни распространены и употребительны, наиболѣе одолжены

Σκύϑαι Σκλάβοι νέμονται. Сократ. Страбона. *Tschakonen* in Osten des alten Sparta, jetzt noch nur 1500 Familien, in 4 Dörfern zwischen Nauplia und Monembasia, sind aber kaum noch in einzelnen Sprach-und Wortresten Slaven. Die Namen der tschakonischer Städte *Kostanica*, *Sitina*, *Gorica* und *Prasto* sind slavisch, in ihrer Gegend ist sogar ein Ort Namens *Slabochori* (Slavendorf), und andere slavische Ortschaften in ganz Griechenland, z. B. *Kamenica* bei Patras. Копитаръ (Wiener Iahrb. d. Lit. 1822. B. 17). Фалльмерайеръ (Gesch. d. Hbb. Morea, Vorred. W. S. 243): Auch nicht ein Tropfen ächten und ungemischten Hellenenblutes fliesset in den Adern der christlichen Bevölkerung des heutigen Griechenlands. *Slaven, Blutsverwandts der Serbier und Bulgaren, der Dalmatiner u. Moskowiten sind die Völker, welche wir heute Hellenen nennen*, u. zu ihrem eigenen erstaunen in die Stammtafeln eines Perikles u. zu Philopoemen hinaufrücken.—Die Halbinsel Peloponnes wird seit mehr als tausend Iahren *Morea* gennant. *Moreas* ist aus dem slavischen Worte *More*, das Meer, enstanden, ist ein rein slavischer Name, welcher Küstenland, Seeland, Fläche am Meeresstrande, Litorale bezeichnet, so wie *Pomoran*. Die Moraiten des Flachlandes nannten die Bergcantone des Pentedactylos noch am Ende des 13. Iahrhunderts *Slavenland*, τὰ Σκλαβικὰ. Пукевиль (Voyage dans la Grece, T. II. стр. 191, 372) говоритъ, что племена Славянскія, обитающія въ срединѣ Греціи, по сю пору удерживаютъ много своего въ правахъ и даже въ самой наружности, что жены Пелагонскихъ Булгаръ до сихъ поръ отличаются русыми волосами и глазами голубы-

своимъ началомъ и совершенствованіемъ Сербамъ живущимъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Черногорьѣ и по южнымъ краямъ собственной Сербіи. Тутъ вы найдете въ каждой хижинѣ, у каждаго человѣка *гусле*, и трудно отыскать, кто бы не умѣлъ играть на нихъ; многія даже женщины и дѣвы искуссны въ нихъ. Напротивъ, около Савы и Дуная и на лѣвомъ берегу Моравы рѣдко встрѣтите *гусле*. Въ Сирміи же, Бачѣ и Банатѣ ихъ увидите, развѣ, только у

ми, что Николая Чудотворца тамъ почитаютъ больше всѣхъ Св. Угодниковъ, и что они и теперь еще говорятъ языкомъ Славянскимъ. — Вотъ тепперешнія Греческія названія урочищъ, городовъ, селеній, рѣкъ, горъ: Арахова, Баба, Бабино поле, Бардо, Борки, Быстра, Бѣлица, Вели-гости, Верба, Вистица, Войница, Востица, Гастуни, Горица, Грабли,Градица, Гребено, Дельвино, Десница, Долина, Добра вода, Добро поле, Езеронъ, Загора, Камсница, Клиново, Клокова, Коница, Косовица, Крабапа, Курпа, Лавка, Ледорики, Ливно, Миса, Мудрица, Ново село, Острово, Планица, Поля, Премити, Селица, Славена, Слави, Славица, Скала нова, Тепеленъ, Тополіасъ, Триполица, Труця, Хельмина, Хоритица, Чока, Ялова. Сверхъ того въ Греціи, именно въ Этоліи, Акарнаніи, и др., озера такъ и называются, т. е. *озерами* же. —«Hr *Kopitar* beweisst (Wien. Iahr. d. Lit. 1822. B. XVII), говоритъ *Шафарикъ* (Gesch. d. Lit. S. 115), dass das Neugriechische mit Slawischem stark versetzt und der tschakonische Dialekt, den andere Griechen nicht wersteben im Osten des alten Sparta, beinahe gewiss ursprünglich slawisch sey. «Въ языкѣ Русскомъ, замѣчаетъ покойный *Гнѣдичъ* (см. Введ. къ изд. имъ Ново-Греч. народн. пѣсн., стр. XXXI),—а особенно Малороссійскомъ, встрѣчаются слова Гелленскія, и такія, которыя остались въ языкѣ Ново-Греческомъ, и такія, которыя не вошли въ него; но что у насъ сохраняютъ они какъ значенія, иногда прямыя, иногда переносныя, такъ и звуки Гелленскія. Такъ слова въ Велико-Россіи, или въ Малороссіи употребляющіяся: Βουγάιος, Бугай, Γλάγος, Глечикъ молочный, и оттуда же гляганка, чѣмъ заквашиваютъ молоко, Κρηνὶς, криница, источникъ, Κρύβδα,

слѣпцовъ. Так. обр. Эпической Поэзіи меньше всего благопріятствуютъ Сирмійцы, Бачяне и Банатцы; Сербы на Савѣ и Дунаѣ меньше Босняковъ и Герцеговинцевъ (См. Серб. народн. пѣсни Ч. 2-я, Предисл. стр. XVII, XVIII и XIX). Такъ и быть должно: гдѣ нѣтъ причины, тамъ нѣтъ и дѣйствія; безъ случая, безъ повода къ отличію, нѣтъ отличія; нѣтъ героя безъ препятствій, затрудненій, надъ которыми бы онъ могъ испытать свои силы и, если можно, прео-

отъ нарѣчія существительное Кривда, неправда, коварство, Λάγανον, Лаханъ, тазъ, Μήστωρ, Мастеръ, Майстеръ, Σκελετός, Скелетъ Σκήπων, Скипка, Скибка, щепка, кусокъ, Τέττα, Тато, отецъ, въ общемъ и почтительномъ выраженіи, Χαλεπά, Халепа, бѣды, несчастія, Χηρος, Хирый, хворый, бѣдный здоровьемъ, Δρύπτω, Дряпаю, царапаю, Μάσσω, Мацаю, щупаю, Χολάδες, внутренности, кишки: послѣднее слово для любителей гипотезъ и толкованій. Праздникъ и пѣсни *Коляды*, въ Малороссіи и теперь существующія, можно изъяснить сими *Холядесъ*. Обыкновенно о Рождествѣ дѣлаютъ тамъ изъ свиныхъ кишокъ колбасы, *Холядесъ*; въ этоже время простолюдимы ходятъ подъ окнами домовъ колядовать, такъ сказать, выпрашивать колбасъ: ибо въ пѣсни, которую при этомъ случаѣ поютъ, требуютъ въ награду между прочимъ — *кольцо колбасы* (*кильце ковбаскы*)» *). Далѣе, касательно сходства Славян. яз. съ древн. Греч., указываемъ на извѣстное сочиненіе отца *Экономида*: Опытъ о ближайшемъ сродствѣ яз. Славяно-Росс. съ Греч. 3 части 1828. Спб., на сочиненія Г. *Данковскаго*, хотя, правда, смѣлыя, мечтательныя, но тѣмъ

*) Но Χολάδες (Χολάς, intestinum, a Χολαῖος, biliosus, felleus; hinc τὸ Χολαῖον, hepar, a Χολή, bilis, fel.), кажется, имѣетъ ближайшее еще соотношеніе съ Малоросс. *Хлякамы*, рубцами, т. е., кишками животнаго, напр., бараньими и т. д., Чеш. Flák, Flek, коими мясники называютъ kusy drobuo neb masa, Швед. flinga, flank, Исланд. flycke, Нѣм. die Flecke, Stücke vom Fleisch und Eingeweiden (см. Слов. Юнгманна).

долѣть ихъ: per angusta ad augusta; но при нихъ potest ex casa vir magnus exire. Въ названныхъ нами краяхъ Сербіи, Сербы имѣли и имѣютъ всѣ случаи къ геройческимъ подвигамъ, находясь во всегдашней почти враждѣ и непріязненныхъ отношеніяхъ съ Оттоманами, неменѣе ихъ воинственными, изступленными: «Кодъ еданъ зевне, зеваю и други,» и: «Уза сухо дерво и сирово гори.» Вотъ отъ чего они богаты

не менѣе очень важныя въ этомъ отношеніи.—Сходство пѣсень Ново-Греч. съ Славянскими (Русскими, Сербск., Чешск., Малоросс., и др.): въ сравненіи отрицательныхъ (совершенно чуждыхъ Поэзіи древнихъ Грековъ), лирич. приступахъ, употребляющихся во многихъ различныхъ пѣсняхъ съ небольшими, иногда, измѣненіями, участіи предметовъ неодушевленныхъ, а болѣе всего птицъ, коихъ, на этотъ разъ, снабжаютъ способностью говорить, и мн. др. — Наконецъ у древнихъ и новыхъ Грековъ многіе Славяне занимали важныя государственныя должности, самый даже престолъ, напр., *Юстиніанъ* В., наз. *Управда*, 'Ουπραουδα, правда, justitia, управо, recte, juste; отецъ его *Истокъ*, а *Истокъ* у Сербовъ—sol oriens; мать—*Бигленица* (отъ bedliwý, bedlný), *Бедлиница*, обращен. Латинцами въ *Vigilantia* (Имя *Правда*,—говоритъ *Колларъ* въ Выкл. ку Сл. Д.,—носятъ и теперь еще многіе Словаки, напр., въ Пестѣ и др. м.). Василій Македонянинъ, род. въ окрестностяхъ Ѳессалоникъ, былъ Славяниnъ, по словамъ Араб. писателя, Гамза, изъ Испагани, въ нач. X стол. (см. *Engel's* Gesch. d. alt. Pannon. u. d. Bulgar. S. 316. 1797). Патріархъ *Никита*: Anno 780 (Theophanes apud Stritt. II. p. 82). Nicetas, genere *slavus*, eunuchus, Constantinopolitanus Patriarcha, diem extremum obiit.—Nicetas, presbiter SS. Apostolorum et monasteriorum praefectus, e *Slavo* patriarchae dignitatem adeptus, annis 13 mensib. 4 patriarchatum tenuit (Nicephorus ap. Stritt). Въ началѣ X вѣка Импер. Александръ имѣлъ при себѣ двухъ Славянъ, *Гавріила* и *Василича*, бывшихъ его любимцами, изъ коихъ послѣдняго назначилъ даже своимъ наслѣдникомъ. Въ послѣднюю войну Грековъ съ Турками сколько отличилось Славянъ! Многіе изъ нихъ были славными вождями новыхъ Грековъ: *Боццарисъ* (Бочаръ), *Грива*, и др.

юнацкими пѣснями: они всѣ природные *юнаки*, и рѣдкій изъ нихъ умираетъ на пуховикѣ. Укрываясь въ горахъ, коими усѣяна ихъ родина, они вѣчно тревожатъ поклонниковъ пророка своими отважными вылазками, спѣшатъ на встрѣчу имъ какъ на брачный пиръ, не съ голыми руками, но съ свадебными подарками: «Кодъ идешъ къ вуку на пиръ, поведи пса уза се.» Сирмійскіе же Сербы, составляя собой часть Австрійскаго Государства, обезпечивающаго ихъ существованіе, вовсе лишены всѣхъ случаевъ къ *удалымъ* подвигамъ; прежній суровый, *айдуцкій* характеръ ихъ, теперь смягчился, потерялъ всякую упругость и энергію, необходимыя условія героизма, понизился до того, что даже «ни женске народне пѣсме не пѣваю, него кое-каке *нове*, што праве учени люде и джици и калфе трговачке (Предисл. Вука Стеф. къ Серб. нар. пѣсн., стр. XIX)». Да, omnes artes quotidiano usu et jugi exercitio proficiunt (Veget L. 2), или, какъ говорятъ сами Сербы: «Гды е месо, тамъ су пси....» Отсюда понятно также, почему юнацкія пѣсни поютъ исключительно одни только «люди средовѣчни 1) и старци (рапсоды),» наиболѣе съ тою цѣлію, «да други слушаю,» и потому особенно обращаютъ вниманіе не столько на голосъ, на пѣнье, сколько на самую пѣсню, ея содержаніе. Между тѣмъ, какъ въ пѣсняхъ женскихъ (любовныхъ, обрядныхъ, и т. п.), которыя и у нихъ, какъ и вездѣ, всѣ дышатъ *Лиризмомъ*, и далеко уступаютъ въ числѣ

1) Особенно «айдуци,» которые «зими на ятаку дацю леже у потаи, а по сву ноть піо и пѣваю узъ гусле (Предисл. къ Серб. нар. пѣсн., стр. XXXIV)».

первымъ (потому что при такомъ грозномъ положеніи жизни Сербовъ, имъ было не до женъ, не до домовитости, не до общественности, «больше думая о «юнаштву, него о любовѣ»), болѣе смотрятъ на «пѣванье, него на пѣсму,» и поютъ «найвише по двое у еданъ гласъ ради свога разговора (Тамъ же, стр. XVII.) 1.).» Юнацкія пѣсни чрезвычайно просты; но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзки, разительны, богаты внезапностью, неожиданностью оборотовъ; въ нихъ мало чуствъ возвышенныхъ, зато много, больше чѣмъ много, изящныхъ образовъ, и сравнивая съ Малороссійскими Думами, уступаютъ этѣмъ послѣднимъ въ силѣ, драматическомъ движеніи и разнообразіи картинъ піитическихъ, потому что дѣйствіе въ этѣхъ Сербскихъ пѣсняхъ всегда почти *разсказывается*, излагается, а не представляется на самомъ дѣлѣ, какъ это бываетъ въ Южно-Русскихъ. Эпическая ткань первыхъ своимъ составомъ больше подходитъ къ Одѣ, Героидѣ, хотя нерѣдко и онѣ начинаются драматическимъ вопросомь, (иногда и аллегоріей), между тѣмъ какъ въ послѣднихъ видите вездѣ и во всемъ Драму 2).

1) «Женске се пѣсме данасъ *слабо спѣвавaю*, осимъ што дѣвойке каштo припіевaю момчадма и момчадъ дѣвойкама (Тоже, стр. XXXI).»

2) Les évènemens de ces récits se dessinent avec nettelé comme dans les oeuvres des poètes helléniques. Mais il a manqué aux chanteurs Serbes ce sentiment dont les Grecs étaient doués: *l'idéal*. Jamais la beauté des formes, la grâces des proportions, la noblesse des contours, l'unité de la composition, éternelle gloire des compatriotes de Sophocle et de Pindare, n'a caractérisé les oeuvres naïves de cette nation agricole, говоритъ неизвѣстный сочинитель статьи: *Poèsie populaire des nations slaves* (въ North American Review,

VI. Прежде насъ уже было другими сказано, хоть и недоказано, что отличительный признакъ пѣсень Сѣверныхъ Руссовъ (Великороссіянъ) составляютъ глубокая унылость, величайшее забвеніе, покорность своей судьбѣ, какое-то раздолье и плавная протяженность. Отъ чего же это? Тутъ много было причинъ, выработавшихъ этотъ характеръ Русскихъ пѣсень; вопервыхъ вспомните мѣсто жительства, этотъ хладный, угрюмый Сѣверъ, съ его пасмурнымъ небомъ, съ его мрачными, дебристыми лѣсами, необозримыми топями и болотами, Сѣверъ, — царство зимы, вьюгъ, мятелей и брановъ, его ми-

переведенной въ Revue Britannique 4° série, tome 7-e, 33-e livraison, Janvier 1837, p. 47). Но причину этого онъ уже самъ сказалъ выше (стр. 46), говоря: «On y voit toute l'existence de la société dans les époques patriarcales; les poètes qui les sont créés sont inconnus. Quiconque a ressenti, l'inspiration, l'a répandue à son tour: acceptant une histoire donnée, par les traditions, déjà revêtue de formes poétiques et enrichie de circonstances merveilleuses; il l'a communiquée à ses auditeurs, ou léguée à ses descendans. Ceux-ci ont fait de même; et, de poète en poète, le chant national s'est perpétué, se chargeant d'ornemens nouveaux, de variantes et même de contradictions. Une verve féconde anime ces oeuvres que tout un peuple et des générations nombreuses ont composées à frais communs. Mille épisodes sont venus s'adapter au récit principal et en diversifier l'unité. Souvent ces divers rameaux s'enlacent et forment comme une forêt do poésie, pleine de fraîcheur et de charme.» Онъ же прибавляетъ: «Certaines tournures et certaines images fréquemment répétées rappellent la poésie des Grecs modernes. En Grèce, et spécialement en Morée, les races grecque et slavonne se sont confondues pendant le moyen âge. On doit aussi porter en ligne de compte l'identité de culte entre les Serbes de l'Église grecque et les Hellènes modernes.» Это говоритъ также въ пользу большаго сходства какъ самыхъ новѣйшихъ Грековъ съ Славянами, такъ и ихъ пѣсень съ пѣснями послѣднихъ.

молетную весну, короткое лѣто, его осень, которая ужаснѣе зимы южной. Далѣе вспомните скудость, бѣдность природы, ея почти повсемѣстную равнинность, прерываемую только изрѣдка, кой-гдѣ, небольшими холмиками, нагорностью, извѣстной подъ обыкновеннымъ названіемъ плоской возвышенности, и наконецъ страстную привязанность Сѣвернаго Русса къ отдѣленію себя отъ всего существующаго, къ какой-то забывчивости, такъ молвить, къ отвлеченію отъ міра дѣйствительнаго, его неохоту выражать обстоятельства и событія этого послѣдняго, отъ коихъ зависитъ замѣчательный переломъ въ судьбѣ человѣка, какъ члена гражданскаго общества. Этѣ-то причины условили теперешній характеръ Сѣверо-Русскихъ пѣсень: мрачность, суровость, уныніе Сѣвера навели и на пѣсни Сѣверныхъ Руссовъ эту унылость, томность, составляющія ихъ необходимую принадлежность. Однообразіе и скудость природы, безъ горъ, утесовъ, скалъ, пропастей, водопадовъ, безъ этихъ дикихъ, страшныхъ, но возвышенныхъ, мощныхъ явленій, грозно-величественныхъ, прелестныхъ въ самомъ ужасѣ, лишило ихъ поэтической картинности. И хотя онъ друженъ съ своей природой, любитъ себя окружать ею, описывать ее, нерѣдко усиливая краски, но при всемъ томъ не позволительно было бы требовать отъ Поэзіи Сѣверянина, чтобы въ ней были:

...... полуденныя розы,
Душистые, лимонные лѣса,
Зеленый миртъ и винограды лозы,
И синія, какъ яхонтъ, небеса....

Здѣсь житель ни въ чемъ невиноватъ: какова природа, таковы и краски: «по неволѣ къ полю, коли лѣсу нѣтъ.» Руссинъ Сѣвера остался при своемъ, что судьба послала ему на долю; всякому зерну своя борозда: такъ точно всякому человѣку и народу свой участокъ въ жизни человѣчества. А оставшись при выпавшемъ ему жребіи, онъ, такимъ образомъ, остался вѣренъ самому себѣ, проявилъ своею жизнію то, что ему опредѣлено было проявить; онъ не спѣшилъ жить по заморскому, а спѣшилъ *собой быть*. Разумѣется, онъ въ гражданской дѣятельности никому не уступитъ, ни своимъ соплеменникамъ, ни другимъ народамъ, сосѣдямъ и несосѣдямъ; только на позорище ея онъ смотритъ своими глазами, имѣетъ о ней свои собственныя понятія, не бѣжитъ на рысталище ея, подобно прочимъ, опрометью, сломя голову, напротивъ, при своей умѣренности и благоразуміи, при своемъ здравомъ смыслѣ и незаносчивости, при своимъ довольствѣ малымъ, что Богъ послалъ, и отсутствіи нахальнаго, безстыднаго тщеславія, онъ расправу чинитъ, рядъ рядитъ, судъ и правду вести предоставляетъ своимъ Придержащимъ, своимъ Вѣнчаннымъ главамъ, къ коимъ искони отличался онъ своей вѣрностію, преданностію, своей безпредѣльной любовію: «вѣра Володарю — заборало Руссину.» Послѣдніе дѣйствовали умно, хитро, съ величайшей прозорливостію и знаніемъ дѣла, съ удивительной стойкостію, твердостью и осмотрительностію на опасномъ, скользкомъ политическомъ поприщѣ. Онъ на этотъ шумный, усѣянный скалами и подводными камнями, театръ глядитъ, безъ со-

мнѣнія, не какъ на чуждый себѣ міръ, но какъ на такой, который не его сфера, не за обычай ему, на которомъ дѣйствуютъ для его и общаго всѣмъ блага Володѣющіе имъ; а потому онъ считаетъ неприличнымъ, чуждымъ себѣ, не дѣломъ проникать въ тайныя, сокровенныя причины и цѣль предпріятій Водившихъ его на поля битвъ, будучи увѣренъ, что все это необходимо для счастія его родины, что съ его стороны требуется одно орудіе, преданность, довѣріе, послушаніе и ревностное выполненіе велѣній своихъ Государей.

И такъ онъ тѣснѣе сдружился съ своимъ семейнымъ бытомъ, охотнѣе остается въ своемъ семейномъ кругу, въ своемъ подручномъ мірѣ. Тутъ, безотчетно предаваясь покорности Судьбѣ, съ дѣтскою готовностію и незлобіемъ склоняя свою главу предъ ея велѣніями, предоставляя все въ мірѣ и самаго себя ея распоряженіямъ, онъ занимается, интересуется однимъ, окружающимъ его, однимъ текущимъ, суетится въ этомъ мірѣ и воспѣваетъ его въ своихъ пѣсняхъ, потому что въ немъ только одномъ можетъ свободно высказаться его душа. Такова ужь природа человѣческая: что занимаетъ, шевелитъ человѣка, что по немъ, то для него мило, то онъ и холитъ и заботится упрочить, передать другимъ, сдѣлать извѣстнымъ, увѣковѣчить чѣмъ бы то ни было, пѣснію ли, разсказомъ, или инымъ образомъ: «гдѣ больно, тамъ рука, гдѣ мило, тамъ глаза.» Таковъ ходъ жизни Сѣвернаго Русса, изстари заведенный, отъ котораго онъ никогда не

отступаетъ, свято исполняя уставы отцовъ, оставляя ихъ навсегда неприкосновенными, завѣтными: « Будь по старому, какъ поставлено. » Въ этомъ же стародавнемъ образѣ жизни и быта, конечно, должно искать и причинъ богатства Сѣверо-Русса пѣснями бытовыми и т.п. Въ нихъ Поэзія его есть чистое, вѣрное отраженіе его жизни, той самой, какую изжили его отцы въ годы прежнія, времена старобытныя, первоначальныя, какою и теперь живутъ ихъ потомки: иныхъ звуковъ и пѣсень, повторяемъ, нельзя было ожидать и никто не вправѣ домогаться. Отсюда, обыкновенное содержаніе пѣсень Великорусскихъ: удалой, доброй молодецъ лихой дѣтина, свѣтъ-радость, душа-красна дѣвица, попеченія, « заботы » о своей « любви откровенныя, нерѣдко отзывающіяся всею простотою первобытнаго состоянія, « сравненія съ березою, сосною, съ голубушкой, утицей, » бѣлой лебедушкой, сизымъ орломъ, яснымъ соколомъ, и др. предметами своего, не очень богатаго природой, міра. « Въ Русской пѣснѣ парень да дѣвка, » или « по которой улицѣ идешь, про ту и пѣсенку поешь, » говоритъ Русская пословица, лучше всего характеризующая Русскую пѣсню. Если Русскій прибѣгаетъ къ природѣ, то онъ рѣдко старается передать ей жалобы, свои сѣтованія, чувствованія и думы, и, такимъ образомъ, дѣлясь съ другимъ своимъ горемъ, облегчить грудь отъ подавляющей ее тягости. Большею частію въ такомъ случаѣ онъ ищетъ разсѣяться, описываетъ окружающіе его предметы, и т. д., часто довольствуясь простою копировкою, или же,

что всего обыкновеннѣе, разсказомъ, повѣствованіемъ. Взглядъ его, такъ сказать, скользитъ по природѣ, не проникаетъ вглубь; отъ того описанія его больше всего поверхностны, какъ бы мимоходомъ набросаны, иногда прикрашены; но всего чаще онъ предается забвенію, и, зажмуривъ глаза, закрывъ ухо рукою, склонивъ голову на сторону, хочетъ растеряться въ своихъ протяжныхъ, заунывныхъ звукахъ и переливахъ: въ полномъ смыслѣ слова—*заливается*. Отрицательныя сравненія, столько любимыя, повсемѣстныя въ пѣсняхъ Сѣверо-Русскихъ, суть также, если не ошибаемся, плодъ обыкновенной настроенности, обыкновеннаго состоянія духа Сѣверо-Русса, условленнаго его географіей, исторіей и образомъ жизни и быта. Извѣстно, что люди характера меланхолическаго, задумчивые, унылые, любятъ уединяться въ самихъ себя, или же искать разсѣянія, облегченія въ забывчивости, отвлеченіи отъ окружающаго ихъ. Привыкнувъ къ лишеніямъ и потерямъ, они обыкновенно мало обольщаютъ себя заманчивыми надеждами, воздушными замками, не sperant in spem contra spem, но вмѣстѣ съ Римлянами говорятъ: saevienti fortunae animus submittendus, и потому, отказывая себѣ во многомъ, незамѣтно пріучаются и смотрѣть на большую часть, такъ сказать, *отрицательными* глазами, и выражаться о немъ *отрицательнымъ* же образомъ. А кто не знаетъ, чего стоитъ Русскому добытый имъ кусокъ хлѣба, какихъ усилій стоитъ ему борьба съ его скудною, небогатою, скупою природой, съ его суровымъ, грознымъ Сѣверомъ? Въ чемъ онъ не принужденъ отказывать себѣ, вѣчно

сражаясь однимъ терпѣніемъ своимъ и стойкостью съ этимъ непобѣдимымъ исполиномъ? . . .

Напротивъ, историческими пѣснями Великороссіянинъ небогатъ. Причины этого заключаются, какъ уже было выше замѣчено, въ его образѣ жизни и быта и, кромѣ того, въ его природной скромности: онъ не любитъ, подобно многимъ прочимъ, хвастаться своими подвигами, менѣе суетенъ и тщеславенъ: « было и быльемъ поросло » Но чтобы вовсе не было у него такихъ пѣсень, этого нельзя сказать: извѣстно собраніе ихъ, сдѣланное Украинскимъ Козакомъ, *Киршей* (Кирилломъ) *Даниловымъ*, зашедшимъ на Великую Русь, особенно скитавшимся по Сибири и распѣвавшимъ старинныя историческія пѣсни, равно какъ и относящіяся къ его времени, т. е., къ послѣднимъ годамъ XVII и первымо XVIII стол. Въ нѣкоторыхъ изъ этѣхъ пѣсень историческія событія перемѣшаны съ чистыми вымыслами (о Владимірѣ В. и нѣсколькихъ его богатыряхъ), другія же просто историческаго содержанія съ небольшими украшеніями и выдумками. Въ нихъ, большею частію, голый, но естественный, прелестный своей безыскусственностію, разсказъ, кой-гдѣ съ незатѣйливою живописью, простыми, обильными повтореніемъ, описаніями, частымъ употребленіемъ однихъ и тѣхъ же любимыхъ выраженій, оборотовъ и словъ, съ многосоюзіями, и т. п.

Впрочемъ, правила имѣютъ исключенія. Нельзя же, чтобы жизнь человѣка-Сѣверянина не испытывала когда-нибудь значительнаго потрясенія, тѣмъ бо-

лѣе жизнь цѣлаго общества, народа въ гражданскомъ состояніи, столько вѣковъ жившаго собственною, самостоятельною жизнію. При всемъ однообразіи жизни Сѣверныхъ Руссовъ, выпадали мгновенія, въ кои и они цѣлою массою разыгрывали драму: холодная Сѣверная кровь возмущалась, текла кипучей струей въ ихъ упругихъ жилахъ, сердце горѣло сѣрнымъ огнемъ, и они, мощнымъ взмахомъ рукъ своихъ, разили дерзкихъ, осмѣливавшихся нарушать ихъ спокойствіе, посягать на ихъ благо. Мы разумѣемъ здѣсь времена Грознаго, эпоху междуцарствія и самозванцевъ; гражданскихъ и др. измѣненій Петра Великаго, нѣсколько лѣтъ изъ царствованія Екатерины II-й, и, наконецъ, славный 1812 годъ; придайте еще сюда отдѣльную жизнь Великаго Новагорода, его меньшаго брата, Пскова, Войско Донское, и т. п. Тутъ жизнь ихъ, такъ молвить, *драматизировалась*, а потому и въ пѣсняхъ, относящихся къ этимъ временамъ, замѣтно, хоть не вездѣ, что-то драматическое, болѣе движенія, разнообразія, болѣе дѣйствія, болѣе жизни. Несмотря, однако же, на эти эпизоды, главное положеніе о пѣсняхъ Сѣверныхъ Руссовъ остается неизмѣняемымъ: это Поэзія не борьбы духа съ рокомъ, но покорности его своей судьбѣ, ita tamen, ut flectamur, non frangamur. Отсюда Сѣверо-Руссъ охотнѣе остается въ своемъ семейномъ кругу, ищетъ въ немъ наслажденій, отдохновенія послѣ неравнаго боя съ своей Сѣверной Природой, и т. д., воспѣваетъ его, но всего чаще предается глубокому унынію, или же, съ тоски, беззапретному разгулу, просторному раз-

долью, отчаянному самозабвенію, и, стараясь отдѣлиться отъ окружающаго его, ищетъ потеряться въ протяжныхъ плавныхъ звукахъ, потопить въ нихъ и свое горе и себя горемыку. Это Поэзія — *повѣствовательно-описательная*, въ коей вездѣ видите разсказъ и вмѣстѣ рядомъ съ нимъ описаніе, но дѣйствія, драматическаго изложенія предмета, почти нигдѣ, или, по крайней мѣрѣ, очень мало.... 1)

VII. Совсѣмъ другое — народная Поэзія *Южныхъ Руссовъ* (Украинцевъ, Малороссіянъ), Поэзія всѣмъ своимъ составамъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, e diametro противоположная Поэзіи Руссовъ Сѣверныхъ. Да иначе и быть не могло Изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ Сѣверные и Южные Руссы—самые несходственные между собою, не смотря на одинакость ихъ

1) Для желающихъ знать, что думаютъ о нашихъ пѣсняхъ иностранцы, выписываю характеристику ихъ, сдѣланную сочинителемъ упомянутой выше статьи: Poésie pop. etc. «Quant aux chants populaires russes qui ont aujourd'hui cours parmi le peuple, la plupart datent d'une époque peu éloignée et n'offrent pas le même intérêt qui s'attache aux vieux chants épiques ou aux contes des fées en prose, dont les nourrices de ce pays amusent leurs nourrissons. La plupart disent les espérances et les peines amoureuses, plus souvent encore les desirs sensuels du paysan russe.... Fidèle au génie des Slaves, cette nation chanteuse a ses romances de naissance et de funérailles, de mariage et de baptême: elle enlace toute la vie, le berceau et le tombeau, d'une longue guirlande de chants naïfs. Souvent les allusions que ces ballades contiennent se rapportent à des circonstances religieuses de l'ancien paganisme, qui ont cessé d'être intelligibles. Souvent aussi, mutilées et altérées à travers les âges, elles offrent un mélange de toutes les époques (Чьи же пѣсни этого не имѣютъ?), mélange fait pour déconcerter l'historien et l'observateur.—Il y a dans toutes ces compositions populaires, un caractère de grâce caressante, une multitude d'épithètes et de diminutifs de tendresse

общаго названія, названія, обращая вниманіе на происхожденіе ихъ, въ истинномъ смыслѣ совершенно чуждаго какъ тѣмъ, такъ и другимъ, перешедшаго на нихъ совсѣмъ отъ другаго народа, нѣкогда сильно дѣйствовавшаго на нашемъ Югѣ и владѣвшаго тамошними Славянами (См. С. О. и С. А. 1835 NN 37, 38 и 39.). Но сколько Сѣверъ и Югъ различаются одинъ отъ другаго, столько различаются другъ отъ друга и ихъ обитатели: тутъ географическое имя какъ нельзя больше согласуется съ этнографіей обоихъ изъ нихъ. Такой разладъ въ свойствахъ этихъ Руссовъ и ихъ Поэзіи происходитъ отъ ихъ происхожденія, мѣстности и странъ, ими занимаемыхъ, и разности ихъ исторической и бытовой жизни и прочихъ постороннихъ обстоятельствъ, сюда прив-

qui ne se retrouvent chez aucun peuple (Это свойственно пѣснямъ всѣхъ Славянскихъ племенъ). Les mots *matouchka, batouchka, starinka* (mon petit père, ma petite mère, mon petit vieillard), son souvent appliqués même à des objets inanimés. Le dictionnaire des amans russes est d'une grande opulence, quant à ces termes de caresses naïves, de tendresses enfantines, et de délicatesse érotique (И это также обще всѣмъ пѣснямъ Славянскимъ). «Ma petite lune, ma lune brillante, mon petit soleil» sont des expressions très vulgares. Le paysan appelle sa jeune maîtresse *yagodka*, ma petite groseille. *Douchynka* et *machynka*, ma petite âme, mon petit trésor (?!),» sont très employés. A ces expressions caressantes se joint une mélancolie secrète et sans amertume qui s'accorde très bien avec les mélodies rêveuses (?) des chants nationaux, et qui se mêle à la sensualité dont nous avons parlé. Les airs primitifs des autres nations se composent d'une ou deux notes. Les Russes ont des mélodies tout entières pensives et élégiaques, mais toujours agréables.—Dans un grand nombre de ballades, on voit dominer la vénération pour le czar, sentiment qui se mêle aux émotions profondes de la piété populaire, et qui va jusqu'au dévoûment le plus complet.... (стр. 54—56).

текшихъ вслѣдствіе различныхъ причинъ и дѣйствій. Вспомните Югъ Русскій за девять и болѣе предъ этимъ вѣковъ: вѣчныя, безсмысленныя ссоры и драки его князей между собою за какой-нибудь пустой участокъ земли и т. п., довели ихъ до крайняго ослабленія и передали первенство на нѣсколько времени Сѣверу, пока и онъ, отъ тѣхъ же причинъ, не разстроился и не потерялъ его, и, наконецъ, оба не сдѣлались добычей Монголовъ и Татаръ. Народъ не бралъ къ сердцу ихъ счетовъ между собою, не интересовался ихъ выгодами и потерями; ему все равно было пустошить землю, взять на щитъ городокъ, и т. п., подъ стягомъ ли Олеговичей или Мономаховичей. Это была дѣятельность, несклонявшая въ свою пользу сердца ратовавшихъ, дѣятельность, такъ сказать, машинальная. Доказательствомъ тому то, что народъ не почтилъ этѣхъ усобицъ ни одной своей пѣсней, никакимъ почти преданіемъ, ни малѣйшею, хоть бы глухою, темною, отдаленною молвой. Онъ ихъ предалъ забвенію, какъ недостойное имени Русскаго, чего не могло бы быть, если бы онъ бралъ въ нихъ сердечное участіе; напротивъ онъ сохранилъ въ своей памяти, передалъ позднѣйшему потомству въ своихъ разсказахъ и пѣснопѣніяхъ дѣла предковъ гораздо древнѣйшей эпохи, которыя, почему бы то ни было, занимали его, дороги были ему своей цѣнностью (напр. пѣсня о построеніи Кіева, многія пѣсни о дѣлахъ Владиміра В., и т. п.). Но когда полчища Батыя положили, напослѣдокъ, конецъ междоусобной борьбѣ Сѣвера и Юга Руси, то первый съ покорностію

повиновался своей судьбѣ. Князья его, сперва лаской и колѣнопреклоненіемъ задобривали къ себѣ Хановъ; потомъ, когда и ихъ престолъ сталъ колебаться отъ внутреннихъ несогласій и междоусобій, В. Князья Московскіе стали употреблять къ своему освобожденію изъ-подъ Азіятскаго ига политику, въ которой они были очень свѣдущи и опытны. Напротивъ Южные Князья, безпрестанно тѣснимые, съ одной стороны, закочевавшими слишкомъ близко къ нимъ Татарами, съ другой Литовцами, двигавшимися изъ среды мрачныхъ Бѣлорусскихъ лѣсовъ, напрасно силились противустоять могучимъ своимъ врагамъ: имъ и политика не помогла, и они должны были безмолвно сносить свою участь — быть данниками, пока мало помалу не перевелись. Но народъ не потерпѣлъ, чтобы прекрасная его земля осталась навсегда за *погаными*: Melius frangi, quam flecti, или, говоря его же пословицей: «Або добуть, або дома (въ господѣ) не буть. Лучьче въ землѣ тлѣты, нижъ Татарвѣ служыты.»... Еще въ прежнихъ схваткахъ и битвахъ съ Печенѣгами, Половцами и пр. Азіятскими ордами, безпрерывно нападавшими на *Русичей*, коротко ознакомившись съ ихъ наѣзднической системой войны, нѣкоторые изъ среды ихъ, сберегая лучшее благо человѣка, съ непримиримой местію въ душѣ къ разорителямъ своей родины, удалились, разумѣется, прежде всего въ дремучіе при-Днѣпровскіе лѣса, какъ первый и самый, ближайшій притонъ. Но не находя и здѣсь вѣрнаго убѣжища, спустились внизъ по Днѣпру и засѣли на его многочисленныхъ, уютныхъ островахъ, срубили

себѣ *Сѣчь* на островѣ *Хортицѣ* (кажется первая *Сѣчь*), потомъ противъ Каменнаго затона (недалеко отъ Никополя, на правой сторонѣ Днѣпра: Сѣчь *Никитинская, Мыкытына застава, ригъ, перевизъ*), далѣе *Тышлицькую* Сѣчь (при Днѣпровскомъ протокѣ, Тышлыкѣ, пониже Хортицы? при Ташлыкѣ, впадающемъ въ Синюху? за р. Саксаганомъ, по сказанію Симоновскаго? или же гдѣ индѣ, по близости Днѣпра), при устьѣ *Бузулука*, и т. д. Итамъ, въ окопахъ (родъ небольшихъ укрѣпленій и т. п., по обоимъ берегамъ Днѣпра по *Лыманъ*, и въ другихъ угодныхъ мѣстахъ), окруженныхъ валомъ, рвомъ, частоколомъ, имѣя передъ ними, когда нужда требовала, *шаньци*, рогатки, или берлоги, западни, потаенные входы и выходы, могилы, маяки, пушки, словомъ все, что только могло обезпечить ихъ отъ нечаяннаго нападенія, гдѣ только можно было держаться, равно какъ и въ темныхъ окрестныхъ лугахъ, особенно въ *Велыкимъ лузѣ* (лѣсѣ, покрывающемъ низменныя мѣста: собственно знимающемъ собой весь лѣвый берегъ Днѣпра отъ устья р. Конской воды, впадающей въ Днѣпръ, внизъ къ Черному морю, между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и его заливомъ Сивашемъ), *Чорномъ* (между большимъ Ингулемъ и Телункой), *Мотрыномъ* (подлѣ Чигрина, по Тясмину и Днѣпру вверхъ), *Лебедыномъ, Майдановомъ, Стебловомъ* (между Днѣпромъ, Ингулемъ Тясминомъ, Росью, Бугомъ и Тилигуломъ) лѣсѣ, и др., за Днѣпровскими порогами и на нихъ, въ *Дикомъ полѣ*, и т. п., безопасные отъ всѣхъ поисковъ и ярма чужеземнаго, совѣтовались между собой, куда и какъ лучше и вѣрнѣе направлять свои

набѣги. Дружина этихъ *Бурлакъ*, *Гайдамакъ*, несмотря на ихъ холостую жизнь (женамъ тутъ не было мѣста ни по времени, ни по обстоятельствамъ, ни по мѣсту, ни по образу жизни), не уменьшалась, по день со дня увеличивалась все болѣе и болѣе приходомъ новыхъ смѣльчаковъ, досадовавшихъ на притѣсненія Татаръ, Литовцевъ, Поляковъ, и др. Вѣроятно, также, къ нимъ, по временамъ, присоединялись и разрозненные, бродившіе безъ пристанища, тамъ и сямъ, остатки Половцевъ, Торковъ, Берендѣевъ, и п. и., которые, какъ малочисленнѣйшіе и ниже образованіемъ *Русичей*, слѣдовали во всемъ примѣру этихъ послѣднихъ: принимали ихъ вѣру, нравы, языкъ, и т. д., и, так. обр., нечувствительно перерождались въ *Русичей*. Окруженные, осаждаемые со всѣхъ сторонъ, *ворогамы*: съ Сѣверо-Востока Монголами, Литвой, съ Юга Крымцами и Турками, съ Запада Польшей, они *мужалися*: никогда не зная себѣ покоя, распивая день и ночь кровавое вино на своемъ богатырскомъ пирѣ, *сватовъ поили* и *сами ложились за землю Русскую*, желая *луцежь потяту*, *неже полонену быти*. Эти *чубатые* всюду являлись, какъ снѣгъ на голову:

Постепахъ, по лугахъ,
По Татарськыхъ земляхъ, по Турецькыхъ горахъ,
По Чорныхъ моряхъ и по Ляцькыхъ поляхъ.

Никто не зналъ, гдѣ, когда и какъ покажутся эти безстрашные:

Козакъ лежыть на могылѣ, не думае, не гадае:
Стрепенувся да й полынувъ, вѣтеръ чубомъ грае.

Оттого ихъ молодецкая слава:

По всёму свѣту дыбомъ стала,
По всёму свѣту степомъ розляглася, простяглася,
Да по всёму свѣту луговымъ гомвномъ роздалася...

Но не всѣхъ же равно могла плѣнить холостая жизнь; природа взяла свое: многіе доставали женъ себѣ въ своихъ походахъ, или просто призывали прежнихъ подругъ; а какъ въ Сѣчь не впускались *обабившіеся*, то имъ дозволялось селиться неподалеку отъ *Коша*. Изъ соединенія нѣсколькихъ *куреней* и *хатъ* этихъ послѣднихъ образовывался постепенно *хуторъ*, изъ *хуторовъ села*, и т. д.; подвигаясь далѣе и далѣе вверхъ по Днѣпру, коего оба-пола лежали въ пустошн по милости Монголовъ, они, так. обр., сближались непримѣтно съ своими братьями *горожанами*, сами дѣлались *горожанами*, и образовывали незамѣтно, исподоволь *Козачество городское, полковое и осѣдлое*, давая совершенно новый видъ, новую форму *Руссинамъ*, подготовляли новую эпоху жизни, не насильно, но осторожно, через противоположеніе стараго новому быту, черезъ *наглядное* сравненіе преимуществъ одного передъ другимъ. Литовцы не прекословили разселяться, какъ менѣе непріятные имъ, какъ уже сдѣлавшіеся христіанами, у коихъ языкъ Славянскій былъ *актовымъ, судебнымъ и придворнымъ*, но только съ условіемъ охранять отъ нападеній непріятелей Волынь, Подолъ, Кіевъ и Черниговъ, особенно для нихъ важные; равно и Поляки вначалѣ той же системѣ слѣдовали, позволяя раздвигать имъ свои *сельбища* до самаго Кіева (впослѣдствіи *охочекомонные* Козаки). Наконецъ, за свои услуги, «за мужество великое на бранѣхъ,» получили нѣсколько

городовъ при Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, и систематическое устройство, разныя привиллегіи, права, титулы, и т. д. « Оттолѣ болѣ въ силу Козаки растяху (Стар. запорож. лѣтоп.).» Этимъ переходомъ ихъ въ гражданское общество, покончился *первый* періодъ ихъ жизни, *Бурлацтво*, *Гайдамацтво*, и начался *новый*, *гражданско-воинственный*, въ которомъ, хотя не было уже столько раздолья и беззапретности, но все же *воля вольная*, широкая, въ полномъ смыслѣ *Козацькая* (здѣсь-то и слово *Козакъ*, прежде бранчивое, коимъ Татары и подобные имъ ругали удалыхъ *Русичей* и оставили за ними навсегда, было облагорожено, возвышено, получило совсѣмъ другое значеніе, *лыцарськое* (какъ изъ слова Ritter, первоначально всадникъ, то, что разумѣютъ подъ именемъ *Рыцарь*, Кавалеръ). Баторій, прозорливый, Великій Баторій, «*поразумѣвая о козакахъ*,» предрекъ имъ блестящую будущность: « будетъ, рече, когда-сь одъ тѣхъ юнакивъ Рѣчь посполитая вольная (Стар. Запор. лѣтоп.). » Онъ всѣми мѣрами старался привязать къ себѣ Козаковъ, « шановавъ и поважавъ, велыкіи дары даровавъ,» прося, чтобы они:

Зъ его Ляхамы,
Якъ зъ ридпымы братамы
Жылы,
А ему, королю Польщы, якъ богові,
Що жыве высоко на небѣ,
Вѣрою и правдою служылы, »

зная всю бездонность, всю мощь ихъ воли. И эта широкая, безграничная Козацкая или Рыцарская воля, nec plus ultra развернула себя, горячими, огненными буквами вписала время своего полнаго разлива въ лѣтописи, одушевленную и неодушевленную при-

роду и память людей, особенно въ XVI и XVII в., когда Козакъ на своемъ лихомъ конѣ, далеко превышавшемъ въ быстротѣ самаго царя пернатыхъ (по словамъ пѣсни), когда онъ на этомъ *волоцюзѣ, розбышацѣ*, больше имъ *поважаемомъ мамы, тата, сестры, брати*, и не бравшій за него *срибла хочъ повную груду*, съ дугообразною *Дамасскою шаблею, сыпавшею зраду по всѣ вѣчны рокы*, парою мѣткихъ *пистоливъ*, съ *спысомъ*, острымъ *якъ голочка*, онъ, повитый войною, закаленный въ буести, *хмарою* налеталъ на *бусурманивъ*, грудью отстоивая свою отчизну и религію отъ ихъ наводненія, а съ нѣмъ вмѣстѣ и остальную Европу. Это была пора *чести, славы и війсковои справы:*

Сама себе на смѣхъ не давала,
Неприятеля пидъ ногы топтала.

Но эта же исполинская, бездонная, адамантовая Козацкая воля, еще больше, еще рѣзче обозначила себя въ войну за *Восточную Церковь*, въ періодъ *престрашныхъ злыднивъ, бездольныхъ годынъ, війсковыхъ чваръ*, когда самая *трава ничила жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонялось*, когда, какъ поютъ Украинскіе рапсоды, прилетѣли *изъ западу гусы*, явились *попы съ ладивныцяхъ*, завязалась ужасная борьба въ Церкви и Обществѣ, *стала тяжка брань*, такъ что

Дывытыся горе:

потому что теперь ополчилась Вѣра противъ Вѣры:

Вѣра Вѣру боре!

Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было равное: все,

что только можетъ выдумать человѣкъ въ такомъ изступленіи самаго страшнаго, смертоноснаго, вѣрнѣйшаго для истребленія себя, все это было выдумано и исчерпано до дна въ эту религіозную войну. И тщетны, суетны были всѣ усилія Папы, Іезуитовъ и Ляховъ; Козацкая воля устояла на своемъ, охранила Вѣру, родину и свободу:

... Пройшлы, изійшлы злыи незгодыны:
Немае никого, щобъ насъ подолѣлы...

Не смотря на это, Козаки, однако же, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, при всемъ напряженіи силъ умственныхъ и тѣлесныхъ, не могли добыть себѣ у своей судьбы согласія на долговременную, прочную самобытность. Въ эту самую пору провидѣнію угодно было, чтобы Сѣверная Русь, Турція, Швеція и Польша ближе столкнулись между собою, глазъ на глазъ свидѣлись, и рѣшили бы сами великую прю о первенствѣ на Востокѣ и Сѣверѣ Европы и представительствѣ ихъ предъ Западомъ и Югомъ. Сыны Украйны должны были войти въ систему Бѣлаго Царя послѣ 8-го Генваря 1654 г., послѣ изъявленной *готовности на соединеніе на вѣчныя времена, какъ единовѣрнымъ, единокровнымъ, чтобы не было разнодумья и шатости съ обѣихъ сторонъ, ежебы защитити и сохранити народъ православный отъ врага и местника, чтобы враги не посмѣвалися*; и послѣ поступленія *подъ Высокую руку*, Козаки покорились своей судьбѣ.

Такая долгая треволненная жизнь: цѣлые пять вѣковъ не влагать въ ножны меча, день и ночь вести

борьбу съ внѣшними и внутренними врагами, отъ *Бурлацко-Гайдамацкаго* быта перейти къ *Козацкому*, а отъ этого, наконецъ, съ слезами на глазахъ, къ *Чумацко-Земледѣльческому* (*), такая жизнь народа, всею душей своей привязавшагося пламенно, бѣшенно къ воинской славѣ, и чѣмъ долѣе упивавшагося ею, тѣмъ болѣе жаждавшаго, народа, у котораго желѣзная Славянская мощь достигла высшей степени разгара, своего зенита, безъ всякой посторонней помочи и сотрудничества, но при лично-собственныхъ силахъ, такая огненная жизнь, неожиданно, ex abrupto прерванная судьбой на пути величайшаго своего расширенія, полнаго разлива, *на всемъ ходу*, на всемъ бѣгу корабля, несшагося къ землѣ обѣтованія, что спрашиваемъ, такая жизнь такого народа должна была произвести въ немъ самомъ?

Судя по человѣчески, никакого не могло быть другаго слѣдствія, какъ только одно неудовольствіе, прямо отъ глубины души шедшее и запечатлѣнное всею энаргіей ея, одна досада на свою *щербатую долю*.

Потому-то и въ пѣсняхъ ихъ это неудовольствіе, эта досада, этотъ ропотъ на *долю*, вполнѣ отразились, во всѣхъ точкахъ проницаютъ ихъ, стоятъ на первомъ мѣстѣ. Чувствуя свое достоинство

1) Указаніе на эти три періода жизни Украинцевъ находимъ въ слѣдующемъ куплетѣ одной изъ ихъ пѣсень.

«Ой хвортуно, хвортуныно!
Послужы жъ ще такъ корысно:
Служыла въ Бурлацьтвѣ, служыла въ Козацьтвѣ,
А послужы жъ ще й въ Чумацьтвѣ. . .»

и полное право на лучшій жребій, но при всемъ усиліи не получая его, естественно изъ груди ихъ должны были вырваться горькія жалобы на свой рокъ, глубокая тоска, сильная грусть облечь сердце. Очень часто слышатся стоны, вопли, крики, такіе болѣзненные, свѣжіе, живые, что вчужѣ заплачешь, обольешься горючими слезами; безнадежность же нигдѣ такъ болѣзненно, такъ нестерпимо - мрачно, такъ невыносимо-тяжело для сердца, такъ могильно не рисуется, такимъ гробовымъ холодомъ не обдаетъ, не пашетъ на васъ. Да, тутъ невольно скажешь и себѣ съ *Паліемъ:» Лыхо жыты въ свѣтѣ!...»*

Ой пиду жъ я, пиду, да зъ сёго края пиду:
Ой покыну я да у симъ краи бѣду.
Ой оглянусь я за крутою горою, —
Ажъ иде бѣда слѣдочкомъ за мною...
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною ввязалася?
— Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою вѣнчалася.
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною вчепылася?
— Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою родылася. —

Или въ другой пѣснѣ:

Ой выйду я за ворота—погляну на провальля:
Чы всѣмъ людямъ таке жытьтя, а якъ мое безталанья!...
Да жывить, люде добры, ой якъ то вамъ подалося,
А я буду тулятыся, бо такъ мынѣ довелося!...
Ой бодай ты, моя доле, на днѣ моря утонула,
Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла!...

Характеръ женскихъ пѣсень—тотъ же самый. Тоска по избранномъ сердцемъ, увлеченномъ долгомъ *бороныты* Украину, долгомъ, отъ котораго ничто въ мірѣ не въ силахъ оторвать его, проклятія на виновниковъ одиночества, и отъ того жалобы на Небо,

пеня на долю, сѣтованіе, скорбь, грусть, недовольство своимъ жребіемъ, и т. п., рѣдко, весьма рѣдко улыбка, растворенная счастьемъ: вотъ ихъ тема, до безконечности разнообразная. Здѣсь, кромѣ тоскливости, ропшанія, часто, также, слышите безнадежное отчаяніе:

Ой хвортуно несчаслыва! що ты выробляешъ?
Дала начасъ пизнатыся, теперъ розлучаешъ!
Охъ вы рокы, охъ вы рокы, рокы неправдывы!
Вкоротите жытьтя мынѣ, будьте мылостывы!
Вкоротите жытьтя мынѣ, покиль въ смутку буду?
Лучьче жъ мене умертвите, то всёго забуду!
Охъ вы рокы, охъ вы рокы, хочъ не прыбувайте!
Колы вы насъ розлучылы, дакъ жытьтя не дайте!
Летѣвъ орелъ по-надъ моремъ, дай ставъ голосыты:
Тяжко важко намъ убогымъ багатыхъ любыты!
Не такъ счастьте, не такъ доля, якъ багаты люде:
Якъ розлучуть по любови, то й счастьтя не буде...
Степъ шырокый, воду выдно, мылого не бачу:
Якъ почую мову ёго, то заразъ заплачу.
Не зхотѣвъ же, мій мыленькый, дружыною буты:
Ой дай мынѣ того зильля, щобъ тебе забуты!
Е у мене таке зильля, блызько перелазу:
Якъ дамъ тобѣ напыныся—забудешь одъ разу;
Буду пыты, выпываты, и капли не впущу:
Тодижъ тебе я забуду, якъ очи заплющу!...

Даже въ пѣсняхъ веселыхъ, гульливыхъ, въ коихъ дается полная, совершенная свобода разгулу, насмѣшливыхъ, издѣвочныхъ (сатирическихъ, ироническихъ), шуточныхъ, обрядныхъ, и т. п., тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы встрѣтить, вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, замѣчаете примѣсь грусти, какой-то дальній отголосокъ знакомаго гореванья, извѣстной кручины, слышите *журбу-тугу*...

Что касается до изложенія, то оно, вслѣдствіе столько дѣятельной, бурной, кипучей, полной заботъ и безпокойствъ жизни, вездѣ почти *Драматическое*, что, на оборотъ, говоритъ о сильной дѣятельности того народа, коему принадлежатъ такія пѣсни. Гдѣ дѣятельная, разнообразная, исполненная трудностей и борьбы жизнь, тамъ и лично-народныя поэтическія произведенія непремѣнно отливаются въ форму *драматическую*, безъ вѣдома виновниковъ ихъ бытія, потому что это ихъ прямой, естественный, единственный путь, а другаго нѣтъ и быть не можетъ. Въ противномъ случаѣ Поэзія эта не была бы собой, тѣмъ, чѣмъ она есть, Поэзіей народа, его свѣтлымъ и вѣрнымъ отраженіемъ, его чистосердечной, *щырою* исповѣдью, его откровеніемъ; иначе онъ немилосердно, безсовѣтно *лгалъ бы* самъ на себя; а народы, отколь свѣтъ стоитъ, въ такихъ обстоятельствахъ, по свидѣтельству и мертвыхъ и живыхъ, никогда не притворствуютъ, не *лгутъ*. Если гдѣ, такъ именно здѣсь, и только здѣсь, извѣстная пословица:» гласъ народа—гласъ Божій,» имѣетъ свое настоящее приложеніе, свое законное мѣсто. Въ этомъ отношеніи пѣсни Южно-Русскія—единственныя въ своемъ родѣ, стоятъ выше пѣсень всѣхъ прочихъ Славянскихъ племенъ, у коихъ рѣдко, очень рѣдко, встрѣтите драматическое положеніе, составляющее, потому, случайное явленіе, между тѣмъ какъ у первыхъ оно необходимое, повсемѣстное, существенно-естественное, природное свойство. Пѣсни Украинскія столько выше пѣсень другихъ Славянъ, сколько Драма выше прочихъ родовъ Поэзіи, составляя собой

какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ въ одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечное, полное, гармоническое развитіе всякой Поэзіи, сколько дѣйствіе превосходитъ умствованіе, чувствованіе—разсказъ, описаніе, и т. п. Кромѣ того, онѣ выше прочихъ и своей музыкой, напѣвомъ, голосами, языкомъ, въ высокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ, (который, въ этомъ случаѣ, сравнивать можно только,—изъ древнихъ съ Греческимъ, изъ новыхъ съ Итальянскимъ), стихосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и тонику, и риѳму, удивительно свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стройнымъ, разнообразнымъ и богатымъ, своею многочисленностію и разнородностію, и т. д. 1). Поэтому мы не думаемъ, чтобы какой-нибудь другой народъ, не исключая, даже, и остальныхъ Славянъ, могъ быть столько *пѣснелюбивымъ*, *пѣсеннымъ*, какъ Южные Руссы (Украинцы, Малороссіяне): тамъ на все и во всякое время—своя пѣсня, не одна, но цѣлыя сотни. Любовь къ музыкѣ и пляскѣ неразрывно соединяется у нихъ

1) Все, сказанное нами теперь, слѣдовало бы подтвердить доводами, но это далеко бы отвлекло насъ за предѣлы нашего разсужденія; тѣмъ неменѣе, однако же, все это справедливо. Кто хорошо знакомъ съ языками Славянскими и ихъ народною и искусственною Литературой, тотъ, безъ сомнѣнія, не сочтетъ словъ нашихъ парадоксомъ, или еще хуже, пустымъ хвастовствомъ. Въ свое время мы надѣемся изложить этотъ важной предметъ во всей его обширности, и доказать его истинность. Что же касается до многочисленности пѣсенъ Украинскихъ, то скажемъ, что въ нашемъ собраніи ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начатомъ за 7 лѣтъ предъ этимъ и наполняемомъ пѣснями, собранными только въ одной Полтавской губерніи, то въ немъ теперь имѣется уже слишкомъ за *воссмь тысячъ*, 8,000, пѣсень.

съ любовію къ пѣнію и пѣснямъ, идушъ обруку: «*Москаль до читаньня, Ляшокъ до скаканьня,* а *нашъ братъ Козакъ до спьваньня,*» говоритъ ихъ пословица, вѣрно характеризующая въ этомъ случаѣ три сосѣдственные и одноплеменные между собой народы. Пѣсня—дневникъ Малороссіянина, въ который онъ вноситъ все, что ни мыслитъ, ни чувствуетъ, ни дѣлаетъ. «Въ этомъ отношеніи,» — справедливо замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, хорошо постигающій Малороссію (*Н Гоголь*), — «пѣсни для Малороссіи — все: и Поэзія, и Исторія, и отцевская могила (См. ст. о Малоросс. пѣсняхъ, въ его Арабескахъ). Онѣ могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему состоянію чувствъ. » Описанія въ нихъ, такъ сказать, мимоходомъ, эпизодическія, при всемъ томъ всегда удивительно согласныя съ природою. Въ нихъ, обыкновенно, самыя рѣзкія, характеристическія черты предмета схватываются, и то, большею частію, употребляются лишь для точнѣйшаго, сильнѣйшаго выраженія душевныхъ чувствъ, лавою исторгающихся изъ глубины сердца и ни на мгновеніе не охлаждаемыхъ многорѣчіемъ или длиною періода; напротивъ, всюду порывъ страсти, сжатость, твердость, лаконизмъ выраженія, простодушіе, естественность, особенная нѣжность и сила чувствъ. Вообще должно сказать, что эти образы, уподобленія, сравненія, и т. д., въ пѣсняхъ Южно - Русскихъ отличаются всею безыскуственностію, непринужденностію, всею ненатянутостью, самобыт-

ностью, природнымъ изяществомъ и поразительной точностью, между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ Северо-Русскихъ видно, по замѣчанію *Максимовича* «больше искусственности, нѣкотораго рода произволъ, желаніе прикрасъ (См. Предисл. къ Малоросс. пѣснямъ).» Сравненія послѣднихъ—безпрерывно *отрицательныя*; напротивъ того сравненія первыхъ вездѣ, исключая развѣ кой-какія Думы и Историческія пѣсни, постоянно — *положительныя.* Отъ этой-то любви къ положительному, нѣкоторымъ образомъ, происходитъ положительность даже въ самомъ выраженіи единичныхъ предметовъ, взятыхъ изъ внѣшняго (иногда и внутренняго) міра, и замѣняющихъ собой цѣлое, родъ ихъ, для означенія какого-нибудь обстоятельства, мѣста, времени, бывшихъ свидѣтелями того или другаго случая, той или другой были:

Въ недѣлоньку рано розигралося море:
Не одному сыну на чужынѣ горе!

—

Шлы коровы изъ дубровы, овечкы изъ поля:
Выплакала кары очи кры Козака стоя.

—

Черезъ гору орелъ воду носыть:
Дѣвчынонька Козаченька просыть.

—

Рыбалочка по бережку да рыбоньку ловыть,
А мылая по мылому бѣлы ручкы ломыть.
Рыбалочка по бережку да рыбоньку удыть,
А мылая по мылому бѣлымъ свѣтомъ нудыть.
Рыбылочка по бережку рыбоньку хапае,
А мылая по мылому тяженько вздыхае.
Рыбалочка по бережку якъ ластивка вьецьця,
А мылая по мылому якъ орлыця бьецьця.

Наконецъ, еще разъ повторимъ: знакомые съ народной Славянской Поэзіей, въ этихъ словахъ нашихъ не найдутъ никакого преувеличенія, оправдаютъ нашъ отзывъ, произнося который мы были чужды всякихъ корыстныхъ видовъ, чьего бы то ни было вліянія, не возвышали одного насчетъ другаго, не приписывали одному того, чего у него вовсе нѣтъ, и не отнимали у другаго законно принадлежащаго ему, составляющаго все наличное его благо, то, чѣмъ оно красно и добро. Многіе и прежде насъ, разсматривая пѣсни Славянскихъ племенъ, то же самое думали «Я се велице на зпѣванкы тѣшимъ: неботь *Русинскѐ* писнѣ народни се ми, мези вшеми слованскыми, вжды нейвице либилы,» говоритъ извѣстный *Вацлавъ Ганка.*

VIII. Теперь слѣдовало бы намъ разсмотрѣть пѣсни остальныхъ Славянскихъ племенъ, вызнать духъ и означить ихъ характерстическое направленіе, какъ это сдѣлали мы съ пѣснями Чеховъ, Моравовъ, Словаковъ, Поляковъ, Сербовъ, Велико и Мало-Руссовъ. Но тутъ предстоятъ намъ большія препятствія: первое изъ нихъ, быть можетъ, когда-нибудь и уничтожится, но на эту пору непреодолимо, именно: отсутствіе собранія народныхъ поэтическихъ произведеній Бѣло-Руссовъ, Болгаръ, Словенцевъ (Виндовъ—Славянъ въ Крайнѣ, Штиріи и Каринтіи), Лютичевъ (Луцицевъ въ Горной, Верхней Лузаціи, Лушицевъ въ Дольной, Нижней Лузаціи 1) и Со(е)рбовъ (-Вендовъ въ Саксоніи); другое

1) Не *Лужичанъ,* какъ обыкновенно ихъ называютъ, потому что слово это происходитъ не отъ *луже,* но отъ *лютъ, лютый.*

навсегда останется препятствіемъ, т. е. вѣчная потеря народныхъ пѣсень Славянъ, при-Балтійскихъ: Бодричей (Обот(д)ритовъ) 1), Вараговъ (Вагровъ), Полабовъ, Линоновъ, Киссиновъ, Вильцевъ (Велетовъ, иначе Лютичевъ 2), Ру(ю)говъ (Рановъ), Цирципановъ, Укеровъ, Сподоранъ, Толленцевъ, Ред(т)аровъ, Бризанъ, Га(е)веловъ, Ви(о)линовъ, Ререговъ 3), Кас-

Верхне-Лузатцы въ своемъ языкѣ не имѣютъ слога *ти* (ti), равно какъ и Нижне-Лузатцы, и перемѣняютъ *т* (t) передъ *и* (i) на какую-нибудь другую букву: первые, обыкновенно, на *ц* (c), а послѣдніе на *ш* (sz) *Лу(ю)цици, Лу(ю)шици*. Но производить названіе ихъ отъ *луже* не только противно Этнологіи, но и самой Исторіи. Такъ въ Comm. Rer. Lus. *Christ. Manlii* (in Hofmann. script. c. 5. §. 5.) читаемъ: «In Inferiore (Lusatia) *Lutici* consederunt, qui nunc *Lusatii*, ipsi quoque Heneta seu Slavica gens.» Hermannus Contractus, Funecius, Krantzius, и др., не полагаютъ никакого различія въ именахъ *Lutici, Lusici, Lusatae*. Другіе Нѣмцы и онѣмечившіеся Славяне писали и передѣлывали это имя каждый по своему: *Litzi, Lictitiani* (Avent. V. 9.), *Liticiani* (Cuspinian. p. 126. ed. Franc.), *Linsinzani* (Regino ad an. 963.), *Lusunci, Lusnici, Licicavici, Lusiti, Lutzentes, Lutzani, Luzenses,* и т. п. См. Rozprawy o gmenách národu Slawského, od *Jana Kollára*. Budin. 1830. стр. 393.

1) Въ имени *Оботритовъ* или *Аботритовъ*, иначе О(*А*)*бодритовъ* *о* или *а*—придаточное, *т* переходитъ въ *д*, и наоборотъ, конечное *т* составилось изъ *ч, ц, к*: *Бодрци* (ы), *Бодроки, Бодричи*, т. е. *Бодрые* (смѣлые, сильные, храбрые, и т. п.), *ободренные*. Сравн. Венгер. *bátor, Bátory* (смѣлый, сильный), Азіят. *батуръ, батырь* (витязь, герой), и Русс. *богатырь*.

2) *Вильци* отъ вилкъ (волкъ, о-и, к-ц) влкъ, влчекъ, wauzka, wützka, т. е. волки, иначе назывались еще *Лютици*, также отъ лютый: «Hi quatuor populi,-говоритъ *Гельмольдъ* (L. I. p. 6.), a *fortitudine Wilzi* sive *Lutici* appellantur.» *Вильци* писали и *Вилти*, оттуда *Велти, Велети*.

3) Нѣкоторые Ререговъ считаютъ вѣтвью *Бодричей*, другіе напротивъ, говорятъ, что это было только другое имя самихъ Бодричей· «Deinde sequuntur Obodriti, qui altero nomine *Reregi*

субовъ, и др., вмѣстѣ съ истребленіемъ этихъ нашихъ одноплеменниковъ. Правда, *Челяковскій* въ своихъ Славянскихъ пѣсняхъ предлагаетъ понѣсколько пѣсень Славянъ перваго разряда 1), но по нимъ никакъ нельзя заключать о духѣ цѣлой Поэзіи на-

vocantur, et civitas eorum Magnopolis (Adam. Bermen. Hist. p. 19.).« «*Rerich* civitas Obotritorum (Ann. Fuld. ad. an. 809).» «Trasico in oppido *Rarich* ad mare sito, per siccarios a Dano submissos, occisus est (Helm. p. 36.).» *Magnopolis,* иначе *Микилинбургъ* (Мекленбургъ), *Великій городъ,* въ первомъ періодѣ Исторіи Оботритовъ (910—1111.), назывался Вендскимъ именемъ *Puperъ,* и составлялъ крѣпость, любимое мѣстопребываніе ихъ Князей и мѣсто главной морской торговли; разрушенъ Датчанами въ IX в. Имя Реереговъ и ихъ города происходитъ или отъ *рарогъ,* или отъ *рорыкъ,* изъ коихъ первое у Чеховъ, Поляковъ и Босняковъ означаетъ особенный родъ *сокола,* именно синій голубой соколъ, falco cyanopus, Blaufuss: *Raroh,* modry sokol (Словарь *Палковича,* Ч. II. стр. 1967.); *Raroh*: strakawý gestrab, accipiter stellaris, falco cyanopus, der Fischaar, Blaufuss, Sternhabicht, Sprintz (Словарь *Бернолаковъ*, Ч. IV. стр. 2618.); *Rarog,* ptak falco buteo, der Blaufuss, wielkości iastrzębia, koło błot się tulaiący (Словарь *Линде,* Ч. III-я, стр. 14.). А второе — *ласточку*: *Roreyk,* dešťownjk, Spierschwalbe, hirundo apus (Палков. сл., стр. 1989); *Roric,* trasoritka (Бернол. слов., стр. 2738). Не отъ *Рарога* ли, *Рорика,* и имя нашего *Рюрика*? Если онъ былъ не Норманнъ, а Славянинъ, Князь Вараговъ-Руссовъ, или просто Вараговъ (Варяговъ), то имя его должно быть чисто Славянское, а не значить какой-нибудь изуродованный *Родерихъ*. Тутъ только одна буква измѣнена нами по свойству нашего языка или лучше Южно-Рус-

1) Исключая пѣсень Бѣло-Русскихъ, коихъ только нѣсколько напечатано въ В. Е. и Молвѣ. У насъ имѣется около *двухъ тысячь,* 2,000, пѣсень Бѣло-Русскихъ, но всѣ онѣ преимущественно *свадебныя и обрядныя.*

рода. «Что же вы, Силезцы, вы Славяне, обитающіе на тучныхъ берегахъ Дравы, Савы, и въ другихъ мѣстахъ? Не ужели вы, молча, обработываете свои поля? Безъ пѣнія гоните свои стада? Безъ пѣсень проводите жизнь свою? Конечно и у васъ можно бы было найти ихъ, да нѣтъ ищущихъ.» Такъ говоритъ только что названный нами писатель (См. Предисл. его къ Славян. пѣсн. Ч. І-я, стр. VII.) о невозможности, не только сдѣлать оцѣнку пѣснямъ этихъ Славянъ, но и просто имѣть ихъ. Однако же, имѣвшіе случай слышать пѣснопѣнія этихъ однородцевъ нашихъ, вотъ что говорятъ о томъ. «So mühsam auch das Verdienst der Croaten ist (die als Heumäher, Schnitter oder Drescher wandern),—замѣчаетъ *Чапловичь* (Gem. v. Ung. T. II. p. 122.) —so gleicht der Zug der Arbeiter dennoch mehr einem Fest, als einem Arbeitsgang. Zahlreiche Männer und Weiber mit Blumen geputzt verlassen Haufenweise

скаго, въ которомъ *о* часто переходитъ въ *у* (Рурикъ), *ю* (Рюрикъ). А извѣстно, что Славяне нерѣдко брали себѣ имена и прозвища отъ *птицъ*. Равнымъ образомъ имена братьевъ Рюриковыхъ—тоже Славянскія. *Синеусъ* есть не что иное, какъ *Синевъ*, *Знѣвъ*, отъ *знити*, *звинѣти*, *звѣнѣть*. *Длугошъ* (Hist. Pol. T. I. p. 49.) пишетъ Scyniew, *Нарушевитъ* — *Zyniew*. Оттуда имена *Зни*, *Зніовъ*, *Знинъ*, *Зниславъ*, *Звониславъ*, *Звонимiръ*, и т. п. *Труворъ*—чисто Славянское имя, которому соотвѣтствуетъ Краинское *Труборъ*, *Труберъ*: извѣстный переводчикъ Краинской Библіи назывался *Примошъ Труберъ* (XVI ст.), Чешское *Труборъ*, *Траборъ*, *Треборъ*, или съ прибавл. *Стреборъ*: «И каже кнѣзъ на Стрѣбора (Кралдс. рук.).» Отсюда же имена: *Треборъ*, *Труборъ*, *Требата*, *Трибота*, *Требанъ*, *Требова*, *Требенъ*, *Требонь*, *Требошъ*, *Требомыслъ*, *Треборадъ*, *Требиславь*, и т. д. (см. Rozpr. o gmen. nár. slaw., od I. *Kollára*, стр. 358, 59, 60).

und mit Freuden ihre Wohnorte: ein Pfeifer od. Geiger geht dem Zuge voran, das *Volk singt* u. jauchzt, u. auf Rastationen, sey's im Schatten der Wälder, od. neben einer Schenke, wird lustig getanzt.» «Der Serbe in der Lausitz, — увѣряетъ *Антонъ* (Ueber die Slaven. T. I. S. 53.),—der oft täglich seinem unserblichen Herrn zu Hofe dienen, oft harte Behandlung von seinem Junker erdulden muss, oft nur ein armseliges Lassgut besitzt, und ein Thor seyn würde, wenn er es im geringsten verbessern wollte, da er nicht weiss, wie lange er es behalten werde, ist heiter und freuet sich seines Lebens. Ein Volkslied von ihm trägt ganz seinen Character an sich: Hanchen, mein Liebchen sey fröhlich wenn du auch kein Körngen gesäte hast.»— Что касается Славянъ при-Балтійскихъ, мы повторимъ только здѣсь слова *Яна Коллара* (См. Народ. зп. Ч. 2-я спр. 489—90.): «Ахъ, чего бы мы недали за то, если бы намъ можно было имѣть хоть отрывки тѣхъ Слваянскихъ пѣсень, которыя нѣкогда раздавались надъ Бальтомъ, Лабой (Эльбой), Салой, прежде нежели несчастная судьба подавила и истребила ихъ, такъ, что мы теперь о нихъ не знаемъ больше ничего, какъ только, что ихъ было великое множество, судя по словамъ извѣстныхъ трехъ Славянскихъ пословъ, присланныхъ оттуда къ Аварскому Хану, и утверждавшихъ, что земляки ихъ, не зная сь съ войной, покойно и весело проводятъ жизнь свою, занимаясь музыкой и пѣніемъ (Stritt. Memor. pop. II. p. 53.).» Послѣ эти, какъ извѣстно, столько тихіе, смирные Славяне, когда Нѣмцы рынулись на нихъ своими *Крестовыми походами*, отличились необыкновеннымъ му-

жествомъ, геройски защищая свою независимость, религію, родину и торговлю. Послѣдняя (бывшая у нихъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и отправлявшаяся не только со всей Сѣверной Европой, но и съ Греціей и Азіей) была главной причиной зависти и ненависти Нѣмцевъ противъ нихъ, употребившихъ святое дѣло религіи орудіемъ для удовлетворенія жадности своей къ корысти, порока, замѣченнаго еще древними писателями: «Sunt Germani *pecuniae imprimis avidi* (Herodianus, in Alexandro, ad an. 235.).

Для несыщенія своей жадкости, они, съ свойственнымъ имъ искони лукавствомъ и хитростію 1), всѣми мѣрами старались ослабить и совершенно искоренить несчастныхъ Поморянскихъ Славянъ: религія въ рукахъ ихъ, въ этомъ случаѣ, была только благовиднымъ къ тому предлогомъ. Вотъ, въ короткихъ словахъ, правила, коими они руководствовались въ безчеловѣчной войнѣ съ Славянскими племенами при морѣ Балтійскомъ и въ Сѣверной Германіи: «Tributum, vectigalia, decimae, simulque Chrsitianitas; et, nisi tributum et decimae, nulla Christianitas; tributo accepto factaque praeda, nullus porro de Christianitate sermo.» Ужасна была борьба съ обѣихъ сторонъ; наконецъ Сляване должны были уступить многочисленности своихъ враговъ: одни изъ нихъ легли на полѣ битвы, другіе бѣжали въ чужую сторону, третьи, оставшіеся у себя, со временемъ, какъ малочисленнѣйшіе, потерялись въ толпѣ Нѣмцевъ, и,

1) Germani versutissimi natumque mendacio genus. *Vellejus*. L 2 c. 118.

волею-неволею, непримѣтно *онѣмечились*, переродились. Прекрасно изобразилъ Поэтъ судьбу ихъ:

«Ан 1) лежи земъ та, предъ окемъ мымъ селзы роницимъ,
  Нѣкды колебка, ныни народу мего ракевъ.
Вшакъ часу тенъ горши е чловѣкъ, енжъ берлу 2) железну
  Въ нѣхто краинахъ на тву, Славѣ, шiи хопилъ.
А кдо се лунеже те, волаици взгору, допустилъ?
  Кдо зганобилъ 3) въ едномъ народу лидство целе?
Зарди се 4) завистна Тевтонiе, суседо Славы,
  Тве винъ тѣхто почетъ зпахалы нѣкды рукы.
Небъ 5) креве никде толикъ невылилъ чернидлаже жадный
  Непрителъ, цо вылилъ къ загубѣ Славы Нѣмецъ.
Самъ свободы кдо годенъ, свободу зна важити кажду,
  Тенъ кто до путъ има отрокы, самъ е отрокъ 6).
Где сте се оцтлы миле зде быдлившихъ народу Славо,
  Народы енжъ Помори тамъ, туто Салу пилы?
Сорбо вѣтве тихе, Ободритске рише 7) потомци,
  Где кменове Вилчо, где внукове сте Укро?
На право шире гледимъ, на лево зрекъ быстре отачимъ,
  Нежъ ме дармо 8) око въ Славiи Славу гледа.
Где су народове тии, сихъ где книжата, мѣста?
  Енжъ первы въ северу зкрииили животъ.
Народе мистровскый якове пакъ машъ зато дикы 9)?
  Розшклубаный 10) гнусне зпотворенности вѣнецъ.
Якъ вчелы медъ завонницъ крадне се до уле цизего
  Герну стаднѣ а пакъ матку и дитки бiи:
Такъ ту дому властии подробенъ панъ, хитре му влевлый

1) Вотъ.
2) Оковы (собственно палка), цѣпь.
3) Обезчестилъ.
4) Краснѣй, стыдись.
5) Потому что.
6) Рабъ.
7) Царство, владѣнiе.
8) Напрасно.
9) Благодарность.
10) Разорванный; попранный.

Суседъ овилъ тѣжкый смутнѣ о гардло ретѣзъ 1)
Кде спанила въ зеленыхъ гаехъ пѣла писнѣ Славенка,
Ужъ глаголемъ зпѣвна уста умлукла нѣмымъ.
Славы сына къ бранромъ пришлего въ ты крае незна
Братъ властній, аниже вдѣчнѣ му тиске руки.
Речь го циза зарази зе рто а твари славенске,
Зракъ му лже Слована, слухъ кламы болнѣ кази.
Одродили сынове вшакъ све сами матце зачасто,
Бичъ мацехы гришне облизуице, лаи.
Несу ни Словане животемъ несу ани Нѣмци,
Полъ того, полъ того енъ якъ нетопыри мам.
Народъ и чести змизели 2), съ языкемъ богове зде заникли,
Енъ сама зостава природа незмѣнѣна.
Лесъ, рекы, мѣста а весъ, змѣнини све ймено славенске
Нехтѣлы, пежъ тѣло енъ въ нихъ, духа Славы нени.
О кдо приде тыто взбудити гробы зе сна живего?
Кымъ приведенъ слушный къ све буде власти дѣдицтѣ . . . 3) а

Изучая со всѣмъ усердіемъ, любовію и добросовѣстностію народную Поэзію Славянъ, исключительно въ ихъ пѣсняхъ, какъ первыхъ, непосредственныхъ представителяхъ ея, мы тщательно старались угадать духъ, вѣющій въ нихъ, составляющій ихъ основное начало, сообщающій то или другое направленіе, хотѣли уловить ихъ существенный характеръ, то, чѣмъ пѣсни одного Славянскаго народа, не смотря на ихъ общее происхожденіе и племенное сродство, ярко отличаются отъ пѣсень другаго такого же народа, какъ и отъ чего онѣ тутъ являются въ такой, а тамъ въ иной формѣ, здѣсь слухъ нашъ поражаютъ звуки лирическіе, идиллическіе, въ другомъ же мѣстѣ эпическіе, драматическіе,

1) Цѣпь.

2) Исчезли.

3) *Янъ Колларъ* (См. Предзпѣвъ ку Славы Дцер.).

и т. д. Но эта Поэзія имѣетъ еще множество *частныхъ особенностей*, ей одной свойственныхъ, въ ней только встрѣчаемыхъ, коими она рѣзко отдѣляется отъ Поэзіи всѣхъ прочихъ народовъ, особенностей, составляющихъ ея всегдашній наличный капиталъ, ея удѣльное родовое наслѣдство. Изъ безконечнаго множества этихъ второстепенныхъ, частныхъ свойствъ, мы упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ, замѣчательнѣйшихъ, стоящихъ въ первомъ ряду, самыхъ характеристическихъ.

Первое отличительное свойство всѣхъ Славянскихъ пѣсень, прежде всего бросающееся въ глаза каждаго, составляетъ какая-то всеобщая *томность*, меланхолическое, жалостное, *тоскливое чувство*, какая-то *унылость*, печальность, траурность, какое-то *грустное*, скорбное повѣтріе, что-то мрачное, замѣтное, даже, тамъ, гдѣ, по всему, нельзя было ожидать его, гдѣ самое содержаніе веселое, радостное. Странно встрѣтить такое свойство въ Поэзіи народа, по природѣ своей одного изъ самыхъ неугрюмыхъ, непасмурныхъ, самыхъ веселыхъ, живыхъ, развязчивыхъ. Но вспомните его былое, его дни ветхіе: всѣ сосѣди—вѣчные, заклятые враги его, не упускавшіе ни одного случая—вредить ему, тѣснить и истреблять всѣми способами, самыми противузаконными, нечеловѣческими. Далѣе, чрезмѣрное, необъятное пространство, на которомъ онъ разселился, непозволявшее соединенными силами дѣйствовать противъ *насильниковъ*, губителей его; раздѣленіе на безчисленные мѣлкіе удѣлы, множество владыкъ и повелителей, бывшихъ, большею частію,

несогласными между собою, завидовавшихъ другъ другу; разногласіе въ вѣроисповѣданіи, отъ чего внутреннія безпокойства и неустройства; несогласіе одного племени съ другимъ; предпочтеніе чужеземнаго своему, и т. п., все это непримѣтнымъ образомъ дѣйствовало на природный характеръ Славянъ, на его естественную чистоту и свѣтлость, и обратило его въ другую, чуждую ему по началу, сторону, замѣнило веселость унылостію, невольно вырывало изъ груди его жалостные, тоскливые, грустные звуки, и притомъ въ такомъ множествѣ, что они покрываютъ собой всѣ другіе тоны, сообщаютъ всей Поэзіи одинъ траурный, погребальный видъ. Да, *Сенека* правду говоритъ: Ita plerique ingenio sumus omnes, nostri nosmet poenitet; а *Ψυχῆς νοσούσης εἰσὶν ἰατροὶ λόγοι* по замѣчанію *Плутарха.* — Кромѣ этого, пѣсни Славянъ отличаются чрезвычайной *простотою* изложенія, соединенной съ самостоятельностію исполненія, простотою средствъ и полнотою дѣйствія, недостаткомъ, или лучше, отсутствіемъ всякаго искусства, и несмотря на то, совершенствомъ отдѣлки, незатѣйливымъ, но геніальнымъ. Вездѣ видите необыкновенную рѣзкость выраженій, неожиданность, смѣлость, можно сказать дерзость воображенія, отъ чего быстрота, отважность переходовъ, эти скачки въ пареніи, изліяніи чувствъ, движеніи сердца и помыслахъ души, безъ видимой послѣдовательности, связи и соотношенія, безъ силлогистическаго выведенія одного изъ другаго. Эта нечаянность оборотовъ, на первый взглядъ кажущихся выисканными, несоразмѣрными, странными, но вни-

кнувъ, вы замѣчаете, что поступить иначе нельзя было, что это необходимо слѣдовало употребить для осуществленія какой-нибудь мысли, какого-нибудь душевнаго движенія, что такой способъ — самый вѣрный, прямо ведущій къ цѣли, самый живой, искренній, самый выразительный: вездѣ видите горячность, пылъ чувствъ, выражаемыхъ со всей энергіей, со всѣмъ жаромъ исполненія. Тутъ вы вдругъ, безъ малѣйшаго предувѣдомленія, знакомитесь съ предметомъ, и часто съ такой стороны, съ какой и въ голову не приходило; а здѣсь васъ приготовляютъ небольшимъ приступомъ, всего чаще въ родѣ лирическомъ. Приступы эти, однѣ и тѣже, стоятъ нерѣдко при разныхъ пѣсняхъ, сходныхъ между собою чѣмъ бы то ни было: это какъ бы освященные образцы въ пѣсняхъ Сербскихъ, древнихъ Чешскихъ, Велико-Русскихъ, рѣже всего въ Мало-Русскихъ. — Далѣе, пѣсни Славянскія всѣ дышатъ, всѣ проникнуты какою-то *короткостью*, какимъ-то нелицемѣрнымъ *дружествомъ*, какою-то братскою *любовію людей къ природѣ*. Невольно поражаетесь этою патріархальной близостью народа съ предметами видимаго міра, его сознаніемъ себя, всего творенія чадами одного семейства, одного общаго Начала. Отсюда часто встрѣчаете въ ихъ пѣсняхъ существа одушевленныя и нѣмыя, получающія на этотъ разъ душу, умъ, голосъ, языкъ, и т. д., принимающія во всемъ участіе, въ радостяхъ и скорбяхъ, которыя живутъ, дѣйствуютъ, веселятся, грустятъ, утѣшаютъ, надоумливаютъ, остерегаютъ, и п. т.: васъ окружаютъ звызды, солнце, мѣсяцъ, деревья,

растенія, горы, камни, но всего чаще, съ собеннымъ предпочтеніемъ, птицы: орлы, соколы, соловьи, ястребы, вороны, гуси, утки, ласточки, кукушки, и т. д. Отсюда же, изъ этого природнаго міра, почерпаются подобія, сравненія, примѣненія, всѣ образы соотносительные, аналогическіе, отличающіеся своею глубиной, мѣткостію, разительностію, изящной живописью. *Отрицательныя сравненія*, неизвѣстныя у другихъ народовъ, употребляются, большею частію, въ пѣсняхъ Сѣверо-Русскихъ, очень рѣдко въ пѣсняхъ другихъ Славянъ, выражающихъ ихъ исключительно *положительнымъ* образомъ.—Съ другой стороны, въ пѣсняхъ Славянскихъ очень замѣчательны частыя *увеличительныя*, особенно же *уменьшительныя* слова, означающія любовь, расположеніе, противное тому, и т. д. Прочіе народы Европы, не исключая и Итальянцевъ, безспорно уступаютъ намъ въ этомъ: у нихъ много-много найдете пять, шесть, рѣдко за десять, такихъ словъ; напротивъ у Славянъ ихъ, такъ молвить, цѣлый вертоградъ: *душа, душенька, свѣтъ, свѣтикъ, жизнь, жизнехонекъ, голубчикъ, голубочекъ, сударушка*; *се́рденько, серде́нько, серденсько, сердесенько, сердечко, серденя, серденятко, серденяточко, орликъ, орлычокъ, орленько, орля, орленя, орлятко, орляточко, орленятко, орленяточко, сокольикъ, соколонько, сокольчокъ, матуся, матусенька, матусенечка, матунечка, матуненька, сынокъ, сыночокъ, сыноченько, сынусь, гарный гарненькый, гарнесенькый, гарнесесенькый, гарнисинькый, гарнисисинькый, любый любенькый, любесенькый, любисинькый, любусь, мылый, мыленькый, наймылшый;*

шугай, шугаикъ, шугайко, шугаичекъ, ластовичка, перличка, ютренко, анелъ, анделикъ, андѣлчокъ; гвѣздка, гвѣздице, гвѣздичка, цестка, цестечка, цестичка, цестинка; кохапекъ, кохапечекъ, кохапка, кохапечка; ружица, девойка, дѣвойчица, кукавица, ластовица, другарица, любчица, душица, славуй, славуякъ; птичъ, птича, птичекъ, птичица, госпа, господарица, господиня, господарница, господовавка, дивица, дивичица, дивичка, дивичкица, декла, декле, деклино, деклиница, деклинчица, деклица, декличка.— Слова, *предпочтительно любимыя*, напр., между мужскими именами: *Иванъ, Ваня, Ивась, Ивасыкъ, Ивасенько, Ивасечко*, и т. д., *Янъ, Янко, Яничекъ Ясь, Ясинько*; между женскими: *Анна, Аннушка, Ганна, Ганночка, Ганнонька, Ганнуся, Ганнусенька, Ганнулька, Ганнулечка, Галя, Галочка, Галонька*, и т. д., *Анна, Аначка*; между цвѣтами: *бѣлый*; эпитетами къ глазамъ: *черные, карые, голубые*; между рѣками: *Дунай, Донъ*; между деревьями: *липа, яворъ, береза, дубъ, калина*; между птицами: *орелъ, соколъ, соловей, голубь, кукушка*; между животными домашними: *конь, волъ*; дикими: *волкъ*; между городами. *Москва, Кіевъ, Краковъ, Прага, Быстрица, Београдъ*, и т. д.; слова, нѣсколько разъ *повторяемыя*, сряду или немного спустя. Этого въ пѣсняхъ другихъ народовъ мы вовсе не встрѣчаемъ; у нихъ такое тождесловіе — погрѣшность (Греки, Римляне, Нѣмцы, Французы, Англичане, и др.), исключая, развѣ, Сѣверныхъ жителей, коихъ *аллитерація* и *ассонансъ* сходствуютъ, нѣкоторымъ образомъ, съ тождесловіемъ Славянъ;

также, по увѣренію знатоковъ Санскритскаго языка, Поэзія Индійская въ этомъ много сходится съ Славянскою народною 1). Русскіе, Малороссіяне, Поляки, Сербы, любятъ такое повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ; но всѣхъ больше Словаки, у коихъ почти во всякой пѣснѣ найдете его; всѣхъ же меньше допускаютъ это тождесловіе Чехи.—Не менѣе замѣчательны пѣсни Славянъ своими *подражательными* словами природѣ (onomatopoeja), изъ коихъ одни стоятъ только для риѳмы, другія имѣютъ значеніе сатирическое, ироническое, третьи даже іероглифическое. Есть цѣлыя пѣсни, довольно длинныя, составленныя изъ подобныхъ словъ; этимъ, особенно, отличаются пѣсни Словаковъ 2).

1) Наприм. у *Калидаса*, въ его поэмѣ *Nalodaja* находятъ слѣд. стихи:

Padam á padam ápad amá padama.
Jatam ajatamája tama jata Má.

2) Смотр. Словацк. народн. пѣсни, изд. *Я. Колларомъ*, Ч. 2. стр. 471, 472.

Положенія.

1. Всякая Поэзія, чтобы быть самостоятельной, изящной, истинной Поэзіей, непремѣнно должна быть *народной*.

2. Первоначальной, общей, естественной формой народной Поэзіи и вмѣстѣ ея старшимъ произведеніемъ, первенцемъ поэтическаго народнаго творчества, всегда бываетъ *пѣсня*, содержащая въ себѣ единственное условіе дальнѣйшей ея жизни, самостоятельнаго совершенствованія, всѣ элементы развитія народной Поэзіи.

3. Изъ нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ Славяне всѣхъ *богаче* пѣснями, своей народной Поэзіей, суть *самый пѣсенный*, поэтическій народъ.

4. Общій характеръ народной Поэзіи Славянъ составляетъ строгое соотношеніе, *гармонія между идеей и формой*, между мыслію, чувствомъ и ихъ образомъ, выраженіемъ, отъ чего ни та, ни другая не подавляютъ другъ друга, напротивъ проникаютъ себя взаимно, во всѣхъ точкахъ своего соприкосновенія, сливаются.

5. Народная Поэзія *Чеховъ* — *Лирическая*.

6. *Такова же* и народная Поэзія *Моравапъ*.

7. Народная Поэзія *Словаковъ* — *Идиллическая*.

8. Единственные представители народной Поэзіи *Поляковъ* — *Краковяки*, составляющіе собой ихъ *національныя пѣсни*. Всѣ они, большею частію, содержанія *Лирическаго*.

9. Народная Поэзія *Сербовъ* — *Юнацкая* (героическая, эпическая.),

10. Народная Поэзія *Сѣверныхъ Руссовъ* (Великороссіянъ) — *Повѣствовательно-Описательная*.

11. Народная Поэзія *Южныхъ Руссовъ* (Малороссіянъ, Украинцевъ) — *Драматическая*.

12. Вообще отличительныя свойства всѣхъ Славянскихъ пѣсень (или народной Поэзіи): унылое, томное, грустное, тоскливое чувство; простота, естественность изобрѣтенія и изложенія, самостоятельность исполненія, совершенство отдѣлки, необыкновенная рѣзкость и энергія выраженій. Всѣ онѣ проникнуты какою-то братской любовію людей къ природѣ, патріархальной близостью съ предметами видимаго міра; отсюда участіе въ ихъ пѣсняхъ существъ одушевленныхъ и нѣмыхъ, получающихъ на этотъ разъ душу, умъ, голосъ, языкъ, и т. д., преимущественно же птицъ. Кромѣ того пѣсни Славянскихъ племенъ особенно отличаются своими уменьшительными, предпочтительно любимыми, нѣсколько разъ повторяющимися, своими подражательными природѣ, словами.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 23 07 14 008 9